

A woman in a long, flowing green dress stands in a vast, open field under a dramatic, sunset sky. The dress is the central focus, extending from the woman's shoulders down to the bottom of the frame. The background features rolling green hills and a single tree in the distance. The overall mood is serene and evocative.

КСЮША АНГЕЛ

А - ЛИУША

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ



Когда рушатся стены родного дома, когда умирают близкие, сложно оставаться в стороне. Боги давно мертвы, но оружие, которое они создали, стремится уничтожить привычный мир. Чем придется пожертвовать, чтобы сохранить хотя бы крупицы этого мира?

Чаша весов качается, выбор почти сделан.

Но что, если кто-то уже сделал выбор за тебя?

**«Светило солнышко и ночью, и днем.
Не бывает атеистов в окопах под огнем»
Е. Летов**

Пролог

Вождям хищных не снятся вещие сны.

Для этого у них есть пророчицы — не в каждом племени, но атли повезло. У атли пророчицы всегда были сильными, и только после недавних событий я понял, почему.

Ночью мне приснился Барт.

Он был в белом, как чертовы ангелы, и силуэт его светился в холодных лучах бело-голубых солнц. Солнца было два — одно лежало округлым боком на горизонте, а второе, размером с монету, застыло у нас над головами — пятно на сиреневом небе. Белесая трава опутала ноги и щекотала колени.

— Теперь ты знаешь, — сказал сольвейг, не глядя на меня. Его кутал мир, недоступный мне, непонятный и дикий. Меня же этот мир отторгал.

— Она умрет, — спокойно ответил я и сам удивился этому спокойствию. — Ты готовил ее к смерти.

— Гуди готовил, — поправил меня Барт. — Тебя я просил о другом.

В этом мире нет воздуха, а мне безумно хочется вдохнуть — холодный, земной, пахнувший морозом и городом. Но вдохнуть не получается. Ничего не получается — только стоять и слушать, что скажет сольвейг. Меня тут нет — бесплотный дух, призванный сильным.

— Разве я что-то могу?

Мысли совсем не о том. Какая разница, кто отправил ее на смерть? Наградив оружием, одев в доспехи, осенив святым знамением. Противник сильнее в сто, нет, в тысячу раз, и ей не выйти из битвы живой. Барт знал все еще в тот день, когда впервые пришел ко мне. Как и то, что я пойду на все, лишь бы этого избежать. Потому и не сказал главного.

Тогда.

Большое солнце скатилось вниз, вросло в линию горизонта почти наполовину. И свет его — холодный, резкий — серебрил высокую траву. Степь, казалось, была бескрайней.

Ответа сольвейга я не хотел. Знал, что он скажет — чувствовал кожей. От знания этого хотелось откреститься. Впервые в жизни пустить все на самотек, сделать вид, что мне не под силу воплотить ужасный план Барта. Но он не глуп, потому и выбрал меня.

— Можешь, — кивнул он. — И сделаешь.

Сделаю, куда я денусь. Тем более, план чертовски прост — сольвейг поделился им без сожалений. И тогда я понял: он не знает ее. Даже после смерти, даже обретя мудрость, или что там обретают в мирах, подобных этому.

Наверное, стоило отступить, послать Барта лесом, но я слушал и кивал, пока большое солнце полностью не скатилось за горизонт, и нас не окутали сумерки.

А когда проснулся, впервые в жизни почувствовал, что кожа покрылась противным

липким потом. Женские объятия душили, и я выбрался на воздух — на небольшой, заплетенный виноградной лозой балкончик. Летом здесь прохладно, уютно и можно спрятаться от жары, а зимой голые лозы смахивают на паутину. Или это оттого, что сам я после сумбурного сна чувствую себя в ловушке?

Закрывать глаза подставить лицо холодному еще, мартовскому ветру было приятно. И ладони холодила каменная гладкость перил. Весь дом этот — один большой камень.

— Его строили давно, — безмятежно ответил на мои мысли спокойный голос, и я вздрогнул. Повернул голову и еле сдержался, чтобы не выругаться вслух. Хотя мысленно даже лучше. Эффектнее.

Они что, издеваются? Ночь вторжений? Останется у меня что-то личное сегодня?

Впрочем, злиться на Эрика нынче опасно. Он и сам опасен — и спокойствие это наигранное, фальшивое. Маска, пленкой затянувшая бурлящую внутри ярость. И никто из нас не знает, когда эта пленка порвется...

— На удивление удобные у тебя способности, — стараясь сдерживать раздражение, ответил я и отвернулся. Говорить с ним не хотелось — ребро все еще саднило, гордость кололась ежом, а мириться я не умел.

— Какие есть, — пожал плечами Эрик. И добавил меланхолично: — Весной пахнет.

Я невольно хмыкнул. Поэт нашелся! Шекспир недоделанный. А ко мне небось пришел спросить, молился ли я на ночь. Давно пора, я уже заждался.

— Нет времени на дразни, — резко опроверг он мои мысли. Вообще-то не очень вежливо вот так людям в голову лезть. Это я и хотел высказать ему в лицо, но он перебил: — Гектор пророчил мне.

Я застыл. В области лопаток похолодело, обреченность вернулась, как в том дивном, идеально пустом месте, куда вызвал меня Барт. Захотелось расхохотаться — истерически, громко. Выплеснуть копившееся внутри напряжение, сделать какую-нибудь глупость.

Жаль, что на глупости времени нет — не помню, когда в последний раз их совершал. И выхода не найти, теперь уже точно. Ведь Эрик знает, а значит, козыри у него, и Барт просчитался.

— У меня есть план, — тихо сказал он и отвернулся.

По сосредоточенному, серьезному лицу мало что читалось, но я и не пытался — приготовился слушать. План — это отлично, особенно если учесть, что я не могу похвастать собственным.

А потом Эрик заговорил. Фразы были короткими. Емкими. По делу. И с каждой фразой я все больше усилий прилагал, чтобы действительно не рассмеяться. Было ли иронией то, что план, предложенный Эриком, слово в слово повторял тот, что настоятельно рекомендовал сольвейг? Что это вообще? Судьба? Провидение?

Эрик почти не задавал вопросов. Всего три, и на каждый я ответил утвердительно. Когда он ушел, небо на горизонте окрасилось серым, предвещая скорый рассвет. Тогда я по-настоящему почувствовал, что устал.

Вернулся в постель, в теплые объятия жены. И уснул сразу, без лишних мыслей и сожалений. В конце концов, у каждого из нас в этой истории своя роль. Некоторым играть спасителей, а некоторым — вечных мерзавцев. Поздно сворачивать с проторенной дорожки.

Приснилась мне, как ни странно, мама — впервые за много лет. Она гладила меня по

волосам и укоризненно качала головой.

Знаю, родная, все знаю. Этим поступком я не буду гордиться. Но так нужно. Что? Кому? Мне, конечно. О других я никогда не думаю.

Глава 1. Хочешь мира, готовься к войне!

Бывают моменты, когда не знаешь, что сказать. Мыслей в голове — тьма, а слов нет. Совсем. И каждая минута молчания подтверждает признание вины.

Я была виновата.

Не в том, что ушла и пыталась действовать самостоятельно. И даже не в том, в чем обвинил меня Влад — ведь Барт знал, к каким последствиям приведет его самопожертвование. Мало того, он готовился к этому.

Нет. Я была виновата перед Эриком за ложь. Вина смешалась с тьмой и осела на плечи. А взгляд Эрика — растерянный и пропитанный отчаянием — пылал инквизиторским огнем, угрожая сжечь. Меня, голые ветви уснувших деревьев, слипшуюся на тропинке листву, небо — темно-синее, низкое, с повисшими в ожидании облаками.

Выдох вырвался резко, и я тут же поморщилась — с каждой секундой грудная клетка болела сильнее — наверное, я все же сломала ребро. Висок отдавал глухой болью... Чувствовалось, как на нем толстой коркой запекалась кровь.

Эрик приблизился быстро. Пальцы — горячие, дрожащие — бабочками запорхали по коже моего лица. Слово он боялся прикоснуться — то ли оттого, что опасался причинить боль, то ли оттого, что от прикосновения я могла исчезнуть, раствориться миражом.

Я не исчезла. Всхлипнула только и закрыла глаза, наслаждаясь тишиной перед бурей.

— Где болит? — хрипло спросил он, хотя в вопросе не было необходимости. Болело все — от кончиков пальцев ног до макушки. Но я указала на голову, а потом на грудь. Лучше, если он будет ругать меня, когда вылечит. Иначе рискую не выдержать и упасть прямо тут.

Упасть мне не дали — подхватили на руки и понесли в дом. Я зажмурилась, вдыхая запах — сладкий, родной. И руками за шею обняла, несмотря на боль. Не верилось, что все закончилось. Крег мертв, я жива, а завтрашние трудности еще далеко, и дожить до них дадут. Дадут ведь?

Эрик молчал.

И хищные в гостинной провожали нас пристальными взглядами. Они ядом сочились под кожу, усиливая чувство вины и сожаления. Неправильные эмоции — проявление слабости. Я всегда знала, что мои поступки вызывают неодобрение, и была готова к последствиям. Но не сегодня — сегодня хотелось каяться и плакать.

Наверху, в спальне я не выдержала. Беззвучно ревела на руках у Эрика, пока он лечил меня. Боль постепенно уходила, сменяясь усталостью, и тяжесть знания, которым наградила Барт, давила на плечи с каждой секундой все больше. Знанием хотелось поделиться. Переложить часть на Эрика и на минуту забыть. Расслабиться. Обнимать.

Но Эрик обнимать был не настроен. Как только закончил, ссадил меня на кровать и подошел к окну. Руки сложил на груди и смотрел в ночь, за занавеску.

— Прости, — тихо выдохнула я, и он вздрогнул. — Я не могла иначе. Ты...

— Что случилось у источника атли?

Он перебил резко, так и не взглянув в мою сторону. Холодным, осуждающим тоном вождя, готового казнить в любую минуту.

Я вздохнула. Эрик и был вождем — сначала позаботился и излечил, а потом привел на

суд. Впрочем, лучше уж так, когда я могу пошевелить головой без новой вспышки боли.

Слова полились потоком — непрерывным и безэмоциональным. Картинки-воспоминания в мозгу всплывали обрывками и тут же сгорали, заменяясь новыми. Круг у стены, потом он же в углу — раненный и злой. Я на полу, справа — ритуальный камень. Черная, горбатая глыба, сколько же крови на тебе? Запах смерти — сладкий, дурманящий. Боль. Барт в кусочке пространства, которое я еще вижу. Белый, ослепляющий мир, запах лотоса в воздухе.

А потом кровь и ярость — такая же белая, холодная, как и кен Барта.

Влажная, мертвая трава, свист ветра в ушах и уходящий в небо столп света из старого домика, скрывающего очаг атли.

— Портал для Первых, — сказала я, еще до конца не веря в то, что видела. И выдохнула, радуясь, что не приходится держать это в себе.

Эрик молчал. Обдумывал услышанное или злился — сложно было понять. Захотелось встать, подойти и обнять, но я сдержалась. Чувствовала кожей — не время, внезапная нежность обратится непониманием и обидой, и мы по-настоящему поссоримся.

Поэтому я просто спросила:

— Ты ничего не скажешь?

— Зачем? — резко повернулся он. — Разве слова что-то изменят?

— У каждого из нас своя точка зрения...

— Нет никакой точки зрения, — перебил он. — Ты послушалась меня. Ты — моя жена и пророчица скади. Хищный не может не понимать, что значит — жить в племени.

— Возможно, ты прав, — вздохнула я, стараясь стереть запекшуюся кровь с виска. Безумно хотелось в ванную. Смыть с себя воспоминания о минувшем дне, расслабиться и просто полежать. — Меня не воспитывали хищные, и я не умею слепо подчиняться. Я сделала то, что считала правильным, чтобы люди, которых я люблю, жили. Барт говорил: у каждого сольвейга свое предназначение. Он верил в это и потому погиб. И память о нем я предать не могу.

Эрик закрыл глаза и, показалось, мысленно сосчитал до десяти. Впрочем, чтобы не прибить меня после такого, и сотни будет мало...

— Ты — единственный, кто в этом доме действительно верит в Первых, — сказала я. — Давай так: когда захочешь увидеть в моем поступке нечто большее, чем желание послушаться, мы обсудим все еще раз. Сейчас я не могу... Барт погиб. Каждый сольвейг чувствует потерю.

— Не уверен, что увижу в твоем поступке что-то еще, — глухо ответил он и шагнул прочь от окна. Просторная комната сузилась до опасных размеров, грозясь раздавить меня, и я поморщилась. Злость Эрика — мощное оружие, нельзя об этом забывать.

Но моя собственная теперь еще опаснее. Особенно если учесть, что я не знаю, какую силу вложил в меня Барт.

— Я отмечаю странную тенденцию, — вырвалось у меня с сарказмом. — Мужчины, которых я выбираю, хотят владеть мной больше, чем любить. Когда ты просил меня стать скади, ты знал, какая я. Понимал, на что идешь, а теперь... теперь я вижу лишь несвободу и

тиранию. Возможно, ты хочешь защитить, но не думаешь ли, что убьешь во мне все то, что полюбил?

Эрик вздохнул. Уже не зло, но устало. Отвернулся, будто видеть меня сейчас было мукой.

— Прими душ и отдохни, пророчица, — сказал после секундной паузы, никак не реагируя на мой последний монолог. — Мне нужно подумать.

Когда он ушел, дышать стало легче. Только в груди, слева, поселилась странная тоска, смутно напоминающая чувство потери. Но тоска — это мелочи. Я жива, здорова и под завязку полна кеном. Завтра будет новая война? Что ж, я к ней готова.

А сегодня душ и сон. Желательно без мыслей — иногда мысли причиняют более существенный дискомфорт, чем синяки. Синяки проходят, а мысли...

Куда он пошел? Придет ли снова? Поймет ли? Сможем ли мы, как раньше...

Впрочем, как раньше больше не будет. А теплый душ, и правда, помогает. Обреченность пробудила вредные привычки — мучительно хотелось курить. Я сказала себе, что сегодня можно. Хуже все равно не будет — куда уж хуже-то?

Гостиная была на удивление пуста. Молчалива. Дрова лениво потрескивали в камине, и тени от огня, удлинняясь и приседая, выгибались на стене. Полумрак, уют и тепло. Кажется, я уже забыла, что такое — ощущать себя дома. Понимала, что от Первых не укроет даже самая сильная защита хищных, но Первые где-то далеко, не здесь, и можно сделать вид, что опасности нет.

Глеба я нашла на крыльце. Даже не знаю, почему, но чувствовала, что он там. Он сидел на корточках, облокотившись о стену, курил и смотрел вдаль. На меня не отреагировал даже взглядом, но присутствие отметил. Не удивился и ругать не спешил.

— Сигарету дашь? — как можно дружелюбнее попросила я и присела рядом. Он протянул пачку.

Дым горчил и царапал горло. Я закашлялась, и помахала рукой перед лицом. Глеб усмехнулся.

— Сильно досталось от Эрика?

Я пожалала плечами.

— Думаю, еще достанется.

Странно, но раздражение рассеялось, а усталость как рукой сняло. Не знаю, что это было: то ли адреналин, то ли волшебный кен Эрика — но чувствовала я себя превосходно. Голова слегка кружилась от нескольких глубоких тяг, ветер шевелил влажные после душа волосы. Так и простудиться недолго. Впрочем, это не самая большая беда.

— Как Ника? — спросила я потому, что нужно было что-то спросить. Молчание угнетало, а голос Глеба — наоборот, успокаивал и восстанавливал ощущение стабильности. Говорить — неважно, о чем. Снова почувствовать себя частью команды, а не сольвейгом, под завязку наполненным чужим кеном невесть ради какой миссии.

Странно, но кен Барта словно спал. Жила спала тоже, ладони не горели и не чесались от переизбытка силы, а ведь я помню: и белую ярость, и мощь, и поток этой мощи, способный сбить с ног даже такого, как Крег.

Убить? Наверное. Только вот что эта мощь против Первых? Всего лишь кен. У Эрика, бьюсь об заклад, намного больше — и сил, и умений. А я всего лишь девочка, которая вечно

идет против системы, призванной ее защищать.

— Теперь, когда Альрика нет, гораздо лучше, — ответил Глеб и затушил окурок прямо о пол крыльца. — Чем ты думала вообще? Хотя кого я спрашиваю...

— Я думала о вас. О том, что ты остался наверху с Аланом, а мог бы погибнуть вместо Томи. О самой Томе. О Наташе. О том войне альва, с которым я толком и знакома-то не была. Мы ведь вместе прошли войну, а я даже не запомнила его имя. Я думала о том, кто умрет этой ночью.

— Из-за тебя?

Я повернулась к нему и наткнулась на улыбку — ироничную и совсем не злую. Только в глубине синих глаз притаилась грусть.

— Нет, — помотала головой. — Но если бы я ничего не сделала, то они погибли бы из-за меня.

Глеб кивнул и отвернулся. Чиркнул зажигалкой, и я только заметила, что моя сигарета истлела и осыпалась пеплом до самого фильтра. Наверное, оно и к лучшему — старые привычки нужно оставлять в прошлом.

— Ника говорит, Лидия о тебе спрашивала, — будничным тоном произнес Глеб.

— О... — вздохнула я. Не знала, что ответить, да и стоит ли? Воспоминания, связанные с домом Гектора — не самые радужные. Нужно ли поднимать их на свет? Пусть лучше остаются там, где они сейчас — в глубинах памяти. Мне и без Лидии хватает забот.

— Ясновидица считает тебя супергероем, но мы-то знаем, кто ты на самом деле. И что могло произойти.

— Я в курсе, что могла умереть, — проворчала я и встала. Тишина, окутавшая дом, казалась гробовой. Затишье перед бурей? Пахло снегом и прелой листвой, а еще табачным дымом. Такие привычные запахи.

— Ты слишком независимая, чтобы жить в племени, — совершенно серьезно сказал Глеб и тоже поднялся.

— Думаю, Эрик уже не рад, что принял меня в скади.

— Позволь Эрику решать самому.

Иногда он подходит так тихо, что я не слышу. И вздрагиваю каждый раз, когда теплые пальцы касаются ладони. А пальцы и правда теплые. Или я просто продрогла на ветру?

На лице Эрика не было и тени злости. И обида ушла, уступив место усталости. Невольно захотелось его пожалеть. Обнять, погладить по волосам, сказать, что все закончилось.

Но я не рискнула. Стояла, оторопело переминаясь с ноги на ногу, под насмешливым взглядом Глеба.

— Идем, — решительно сказал Эрик и потянул меня вниз, с крыльца.

Защита пропустила без проблем. Да и не было в ней больше нужды, но, переступая заветную черту, я, признаться, вздрогнула. В ответ Эрик лишь крепче сжал мою ладонь и потянул к машине. Открыл дверцу, я влезла внутрь и подышала на озябшие ладони.

Спрашивать, куда он собрался, не решилась — боялась спугнуть внезапную близость, о которой сегодня даже мечтать не могла. Безумно захотелось плакать, и я закусила нижнюю губу, стараясь унять всхлипы, рвущиеся из горла. Тщетно. На выезде из ворот слезы все же покатались по щекам, и я старалась незаметно смахивать их рукавом джемпера.

Мы ехали в город. Дорога, подсвеченная фарами, казалась мне путем в другой мир — неизведанный и страшный. Деревья нависали над этим путем и тянули к нам ветвистые лапы. Тщетно пытались схватить — мы слишком быстро двигались. Эрик во всем любил

скорость...

Только на въезде в Липецк, после ярко освещенного фонарями поста ГАИ, среди многочисленных, сливающихся в общий поток машин, я выдохнула с облегчением и позволила себе мельком взглянуть на мужа.

Эрик следил за дорогой, а его руки расслабленно поглаживали руль. Накликать на себя его гнев не хотелось, поэтому я молчала.

И лишь когда мы припарковались у дома, в котором находилась квартира с синей спальней, тихо спросила:

— Зачем мы здесь?

— Увидишь, — бросил он и вышел из машины.

В городе было теплее. И воздух пах иначе — бензином и грязью, а еще в нем не было той остроты и свежести, которой я наслаждалась на крыльце скади.

Зато было светло. Фонари щедро поливали светом наши плечи, к нему примешивался другой — из окон. Все это великолепие плясало на влажном асфальте яркими осколками.

Нас впустила в просторную парадную знакомая дверь. Лакированные перила приятно охладили пальцы, шаги отдавались гулким эхом, словно это пещера. Впрочем, Эрик щелкнул выключателем, и пещера превратилась в чистый подъезд. И лифт открыл гостеприимную пасть, впуская.

Пока мы поднимались, я облокотилась о стенку и смотрела на Эрика. А он — на меня. Пронзительно, жадно. Так, что хотелось одновременно и спрятаться от этого взгляда, и не отрываться.

А потом лифт приехал, и связь порвалась.

В квартире было тихо. Темно. По стенам ползли тени от проникающей в окна ночи. И спальня, куда я пришла на автомате, была темно-синей и словно наполненной дымкой. Комната, ставшая мечтой.

Давно я тут не была. Кажется, целую вечность.

— Я всегда хотел владеть тобой.

Голос Эрика тихий и хриплый, и руки ложатся на плечи. От прикосновения вниз до ладоней струится тепло, и тело реагирует дрожью. — Даже тогда, когда ты впервые спала со мной в этой кровати. Знаешь, как заводят маленькие девушки в мужских футболках?

Я сглатываю и прикрываю глаза. Слова проникают под кожу, впитываются в кровь и греют изнутри.

— Тогда я не мог, — продолжает Эрик, и пальцы его сжимаются на моих ключицах. Восхитительно! Он, эта комната, уединение. — А сейчас могу. Можешь назвать это чистерством, но ты моя, Полина.

— Эрик... — выдыхаю, но его указательный палец ложится на губы, призывая помолчать.

— Что за ужасная привычка — перебивать вождя? — бормочет Эрик недовольно. Прижимает меня к груди, и подбородок кладет мне на макушку. Такой близкий, родной. Мне хочется плакать и смеяться одновременно. — Ты моя. Я хотел этого и получил. Но еще больше я хотел, чтобы ты была счастлива. Возможно, я поступал жестко, но думал лишь о тебе и твоей безопасности. Не было ни минуты, чтобы я не думал о тебе. Ты же обо мне — ни капли.

— Ты сильный. — Поворачиваюсь, чтобы видеть его глаза. Почему-то забылось, что он такой высокий, а мне приходится задираТЬ голову, чтобы на него смотреть. — Но остальные

— нет. Ты — единственный, кого боялся Крег.

— Дело в том, Полина, что после венчания ты — часть меня. Навсегда.

— Именно потому и пошла, — киваю, хотя и лукавлю. Я пошла по другой причине, но только теперь понимаю: я — жена вождя. Со всеми вытекающими. Можно сколько угодно считать себя маленькой девочкой, но моей роли это не изменит. И роли этой нужно соответствовать. — Ты бы на моем месте поступил так же, чтобы спасти скади, разве нет? Разве я, как твоя жена и часть тебя, не должна делать все ради племени?

Его глаза светятся непонятным мне огнем, и продолжать этот разговор мне не хочется. Хочется обнять, почувствовать прикосновение к коже.

Эрик молчит. Нечего сказать, или тоже не желает спорить?

— Я люблю тебя, — шепчу, и рука сама тянется к щеке. Щетина колется, когда Эрик откликается на ласку. — Я так тебя люблю...

Еще один трудный день закончился. Сколько их еще будет таких — пропитанных страхом и отчаянием? Хищные нашего мира ходят по лезвию ножа. Теперь, когда пришли Первые, я вообще ничего не знала о будущем. Не строила планов.

Было лишь здесь и сейчас. Ночь. Полумрак комнаты, пахнувшей карамелью. Прикосновения, от которых плавится кожа. Кен, застывший на кончиках пальцев. Прохлада простыней. Сорвавшийся с губ стон.

Я чуть не погибла сегодня и заслужила немного жизни. Чистой, не омраченной опасностями. Наверное, Влад был в чем-то прав, когда спасал меня любой ценой: я безумно любила жизнь.

В любом случае, теперь я так просто с ней не расстанусь. Ни за что.

Глава 2. Революция

Утром события прошлых двух дней казались нереальными. Словно мне приснился страшный сон, который с рассветом рассеялся дымкой, и лишь отголоски остались лежать серой пылью на полу.

Из кухни доносился аромат кофе. Эрик готовит по особому рецепту, и напиток получается крепким, сладким, с едва уловимым запахом карамели.

Я потянулась на кровати и не смогла сдержать улыбки. Все закончилось. И снова только я и Эрик, уединившиеся в нашей квартире. Разве можно еще чего-то желать?

Я встала, нашла халат в гардеробной и, накинув, отправилась на кухню.

Эрик говорил по телефону. Велев мне знаком присесть, поставил передо мной чашку с дымящимся, густым кофе, и я с наслаждением отпила.

— Не думаю, что стоит, Антон, — строго произнес Эрик в трубку и задумчиво на меня посмотрел. — Собираемся в двенадцать. Хочу обсудить с вождями кое-что. А пока не ослабляйте защиту и смотрите в оба.

Он отключился и кивнул мне.

— Отдохнула?

Эрик был хмур и беспокоен, поэтому я насторожилась.

— Выспалась. Что-то случилось?

Воображение сразу подкинуло несколько страшных картинок. Вот Крег воскресает и приходит в дом скади убивать моих родных. Или, того хуже — сам Хаук заявляется. Древний воин в меховой повязке на бедрах. Его грудь непременно загорелая, волосатая и исписанная вязью шрамов. А руке почему-то трезубец.

— Охотники, — развеял мои страхи Эрик. — Чего и следовало ожидать теперь, когда Альрик мертв.

— Охотники напали на скади? — ужаснулась я. Поставила чашку на блюдце, и она жалобно звякнула.

— Пока нет, но город заполнен анархистами. Маршал выяснил, что они до сих пор приезжают — те, кто хочет поживиться халявным кеном, и те, кому всегда претила система.

— Но законы...

— Им плевать на законы. Да и некому теперь судить за их нарушение. Хищным, как никогда, нужно держаться вместе.

— Мы и так вместе, разве нет?

— Альва съехали утром. — Эрик убрал свою чашку в мойку. — Но если Теплов захочет вернуться, я не буду препятствовать. Хотя моя пророчица этого и не ценит, большинство людей из его племени хотели сохранить ей жизнь.

Он сердился. И тень раздражения мелькнула на лице. А спина — прямая, напряженная — никак не откликнулась на прикосновение.

— Все еще злишься?

Эрик пожал плечами.

— Не знаю. Тебя не изменишь, так что придется смириться.

— Наверное, это потому что я — сольвейг. Барт говорил, мое место среди вас, но иногда я просто чужая. И всем нужен мой кен.

Я вздохнула. Воспоминания о Барте не были радужными. И взгляд его — теплый и мудрый — всплыл перед глазами. Как теперь они без него? Как все мы? И Дэн? Справится ли?

— Это потому что ты — это ты, — возразил Эрик. — Не стоит оправдываться тем, что у тебя кен иначе пахнет. Наступает нелегкое время, и силы сольвейга понадобятся скади.

— Думаешь, будет тяжело? Новая война?

В прошлой войне погибло много людей, которых я знала. И нам пришлось скрываться от армии разъяренных охотников. Повторения не хотелось, особенно учитывая, что где-то по земле ходили легендарные Первые, которые пришли в наш мир, чтобы очистить его от таких, как мы.

— Будет горячо, — уверил Эрик. — И я смогу наверстать упущенное. Прошлую войну я пропустил.

В его голосе послышалось сожаление. И досада оттого, что драться не пришлось.

— Ты говоришь так, будто в войне есть что-то романтическое. Война — это смерти и боль. А ты рассуждаешь о ней как о новом уровне в компьютерной игре.

— Для меня это лишь кучка никчемных охотников, — зло сказал Эрик, отступил к окну и отодвинул занавеску. Небо хмурилось и цеплялось серыми боками за голые верхушки деревьев. — Ни один из них не достоин называться высшим существом, но они буквально молятся на свою благодать. Каждый из них.

Слово «благодать» он буквально выплюнул. И лицо снова исказилось злостью. Слишком часто он злится в последнее время. Это опасно. В первую очередь, для него самого.

— Неправда, — покачала я головой. — Не все охотники одинаковы.

— Разве не охотник убил однажды всех атли? — Эрик взглянул на меня удивленно. — Разве митаки, племя твоей подруги, не погибли от их щупальцев?

— Верно, — кивнула я. — А еще охотник рисковал всем, чтобы спасти меня от таких, как он сам. Предупредил о войне, скрывал грехи Влада от Мишеля, чуть не попал под трибунал, чтобы выгородить хищного. В конце концов, совсем недавно Андрей рисковал всем, чтобы я могла войти в дом Гектора и вернуть кен ясновидице, которую ты выпил!

— Ты слишком тепло о нем отзываешься, — буркнул Эрик и снова отвернулся.

— Потому что я отношусь к нему так. Андрей — мой друг.

— Охотник не может быть другом, — он произнес это так, словно я маленькая девочка, и приходится объяснять мне нерушимые истины, аксиомы жизни хищных.

— Он мой друг. И если ты спросишь его, уверена, его ответ совпадет с моим.

— Меня удивляет, что ты до сих пор сохранила наивность обычного человека. Наши энергетики разные, Полина. Прикосновение охотника вызывает в нас отвращение или страх. Мы не симпатизируем им, не дружим с ними, не занимаемся сексом. И это не просто предрассудки — это энергетическая несовместимость.

— Пока ты сам не влезешь в эту шкуру, — пробормотала я, — не поймешь. Благодать и впрямь пахнет смертью, но только ты решаешь, использовать ее или нет.

Эрик глубоко вздохнул, шагнул ко мне и погладил по щеке. Злость его улетучилась так же быстро, как и появилась. Иногда я сама пугалась резких смен его настроения: вот он благожелателен и весел, а через секунду — зол, как черт.

— Нам этого не узнать, малыш, — ласково сказал он.

— Неправда, — покачала я головой. — Крег знал.

— Полина...

— Нет, послушай! — перебила я. — Крег был в курсе, так как прошел девять кругов ада. Пролит кровь пророчицы и произнес слова древнего заклинания. И я знаю еще двоих в нашем мире, кто понимает, что это такое.

— Один из них Влад, да? — Эрик внимательно посмотрел в глаза — похоже, эта информация действительно его заинтересовала. — А второй?

— Я...

Короткое слово сорвалось с губ и с шелестом упало на пол.

Тишина. Недоумение. Я прекрасно читаю по его лицу и знаю, о чем он думает. Это невозможно, ведь женщины не впускают нали.

— Впускают, — отметаю его сомнения. — Во всяком случае, сольвейги.

— Зачем?

Не понимает. Нахмурился и теперь похож на то небо, которое за окном. Даже глаза потускнели. Или только кажется?

Вспоминать о нали не хотелось. Не потому, что было жаль усилий, а потому что цель была ложной. Пусть эта цель и разлагается теперь на дне моря...

— Тан тогда спрятал Киру... Герду. А я не знала никого сильнее Первозданных, так что...

Опустила глаза — за совершенный поступок было стыдно. Под пристальным взглядом Эрика чувствовала себя неуютно, и разговор этот хотелось закончить скорее. Он не поймет. Охотники вызывают в Эрике лишь гнев, а благодать он считает проклятием.

— Первозданные — те же охотники, Полина.

— Мне было плевать! Они вернули колдуна.

— Взамен на что?

Набралась храбрости и подняла на него глаза. Осуждает и даже не пытается скрыть. И безрассудство мое, и сам факт, что жила моя наполнилась той самой благодатью, которую он так ненавидел.

— Взамен на кен, естественно. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. — Я вздохнула. — Не смотри на меня так. Я была в отчаянии.

— Ты впустила нали. Девятерых. Каждый из них берет столько кена, что даже чистокровный воин рискует не справиться. А потом потратила свою кровь... Свою — ведь не смогла бы рискнуть чужой жизнью. Ты понимаешь, что могла погибнуть?

— Ты никогда не терял ребенка, Эрик.

— Она не была твоим ребенком!

— Верно, не была. Но долгое время я считала Киру дочерью. И любила — так же, как люблю Алана.

— И каково это — быть охотником?

Показалось, его связки скрипнули, когда он это спросил. И в глазах — штормовое море.

Я пожала плечами.

— Поначалу желание убивать настолько сильное, что с ним сложно совладать. А потом... Я не нашла себя среди охотников и не поняла их гордости быть теми, кто они есть. Слишком мы разные. К тому же, у меня была цель.

— Когда мы встретились, ты показалась мне жутко легкомысленной, — признался Эрик. — Добиться изгнания — это как же надо было постараться, думал я. Потом я узнал тебя лучше и понял, что ошибся. А теперь понятия не имею, что сказать.

— Зато я знаю. Везде есть поганцы. Среди хищных их не меньше, чем среди охотников.

А равнять всех под одну гребенку глупо.

Эрик еще несколько секунд смотрел на меня, а потом кивнул, взял мою чашку и вылил остатки остывшего кофе в раковину.

— Поехали. Сегодня у нас много дел.

— Что ты задумал? — спросила я, следуя за ним в спальню. Предварительно, конечно же, вымыв чашки — Эрик вопросами порядка редко заморачивался.

— Хочу вечером навеститься в штаб охотников, — ответил он через плечо, надевая куртку. — Я не знал, что ты задира, но раз уж ты убила древнего, колдуна и пропустила нали, думаю, смогу доверить тебе важное дело. Возможно, придется драться, — добавил он, подавая мне одежду.

— Что я слышу? Предлагаешь мне драться с охотниками? Ого! — наигранно удивилась я, натягивая джинсы.

— Я понял, что когда начинается драка, тебя не остановить. Лучше я буду в курсе и смогу контролировать ситуацию.

К скади мы приехали к обеду. Нас встретила Даша — встревоженная и слегка напуганная. Мне говорили, что на прошлой войне она чуть не погибла, а такие воспоминания всегда свежи, сколько бы времени ни прошло.

— В городе неспокойно, — сказала она с порога. — Влад считает, охотники нападут сегодня. Они в курсе, что у нас альянс, но система больше не работает, и судить нас нет смысла.

— Отлично, — коротко бросил Эрик, хотя я не понимала совершенно, что в этом отличного. — Где он?

— На кухне с Глебом, — ответила Даша. — Эрик, если они придут...

— Все будет хорошо, — уверил он и, не дожидаясь меня, направился на кухню. Я погладила Дашу по плечу. Ее чувства я не то чтобы разделяла, но понимала. Память о прошлой войне была еще свежей. И бледное лицо истощенной Лары, и слезы Иры в сугробе в Ельце, и дни затворничества, когда два племени ютились в небольшом доме.

Дом скади намного больше, и все помещаются здесь без проблем. Но и защитницам работы привалит — нужно учесть каждую дверь, каждое окно.

— Мы справимся, — подбодрила я Дашу и последовала за Эриком.

На кухне было светло. Уютно. Мозаичное окно переливалось разноцветными бликами. Эля привычно хлопотала у плиты, и оттуда доносился восхитительный мясной аромат. Пустой желудок требовательно заурчал, рот наполнился слюной. Когда я ела в последний раз?

Влад и Глеб сидели за столом и о чем-то оживленно говорили, но когда мы вошли, замолчали и посмотрели в нашу сторону. Влад сегодня выглядел намного благодушнее и казался отдохнувшим. Скользнул по мне насмешливым взглядом, но я тут же демонстративно отвернулась, проходя мимо, потрепала Глеба по плечу и подошла к Эле.

В конце концов, я заслужила завтрак перед нравоучениями!

Эля улыбнулась и без лишних слов достала тарелку. Запах жаркого — а именно оно булькало в полуприкрытой кастрюле на плите — буквально сводил с ума. Я хватала его горячим, обжигая небо и язык, но все равно не в силах была остановиться. Казалось, могу съесть все, что в кастрюле. Но после второй порции желудок наполнился, тело блаженно расслабилось, и потянуло в сон. Мужчин я слушала невнимательно, под шелест льющейся из крана воды — Эльвира мыла посуду. Они говорили о готовящемся нападении. О штабе

охотников, полном полезных артефактов. О вечерней вылазке. О том, что штаб легче взять именно пока охотники будут в доме скади.

Я даже не заметила, как в кухне возникла Даша. Присела незаметной тенью по правую руку от Влада и нахмурилась.

Эльвира поставила передо мной чашку с ароматным капучино — как я люблю, с пушистой пенкой и коричневым сердечком на ней.

— Красивый план, — иронично заметил Влад, одобряя задумку Эрика. — Однако кто станет защищать дом, пока нас не будет?

— У нас много защитниц, — невозмутимо ответил Эрик. — Оставим пару-тройку воинов. К тому же, в скади есть настоящий сольвейг.

Последние два слова он сказал громко и четко — так, чтобы я точно услышала и прониклась. Я услышала. Даже капучино поперхнулась и закашлялась. Все тут же на меня посмотрели.

— Что такое? — Эрик саркастично изогнул бровь. — Мне казалось, ты достаточно воинственно настроена. Так рвалась в бой, и я готов дать тебе шанс доказать, что ты великая воительница.

— Окончательно свихнулся, — насупившись, пробормотал Влад.

— Я думала, что пойду с вами, — возразила я.

— Нет, ты останешься, — безапелляционно отрезал Эрик. — Пожалуй, подругу твою тоже оставим. Так и Владу спокойнее будет.

— Предлагаешь им вдвоем запереться в доме, на который сегодня нападут? — возмутился Влад.

— С ними будут защитницы. Пусть Макаров тоже останется со своими людьми. Должна же от него быть хоть какая-то польза. Кстати, как на счет его боевых качеств?

— Никак, — брезгливо поморщился Влад. — Полный ноль. И племя у него — скорее балласт. Это безумие, Эрик!

— Филипп отличный жрец, — вмешалась я. Поднялась и подошла к ним, сжимая в руках чашку. — А еще у нас есть Майя.

План возник как-то сам собой. Просто всплыл в сознании яркими картинками. Ладони снова зачесались в предвкушении, а жила натянулась от переполняющего ее кена.

Влад уловил мою мысль прекрасно. И оценил. На прошлой войне этот план тоже сработал бы отлично, если бы не Мишель. Сейчас Мишель мертв, а древних осталось не так много.

— Вам нужно держаться рядом, Полина. Ее жила не должна порваться.

— Не порвется, — заверила я. — У меня будет достаточно защитниц.

— У Майи особые способности? — догадался Эрик.

— Она умеет брать ауру охотников на расстоянии, — пояснил Влад.

— Ритуал кроту. Что ж, может сработать. Отлично! — Эрик поднялся. — Я полностью доверяю дом тебе. Даша, собери защитниц в кабинете. У нас не так много времени.

— Но я думала, останешься ты, — почти всхлипнула Даша, хотя и послушно поднялась. — Или хотя бы Влад...

— Полина правила скади, разве нет? Считай, ты вернулась в прошлое.

Даша не прониклась.

Защитницы, похоже, были солидарны с ней. Смотрели на меня недоверчиво, некоторые даже враждебно, и колючие взгляды царапали кожу. Да уж, предводительницей защитниц

мне явно не стать. И как они будут слушать меня, если не доверяют?

Эрик слева от меня молчал. Влад усмехался, устроившись на уголке письменного стола. Лара раздраженно уставилась в окно и всячески меня игнорировала. Все еще злилась, не могла простить шантажа. Даша переводила неуверенный взгляд с меня на Эрика и обратно.

— Вопросы? — после минуты напряженного молчания спокойно осведомился мой муж.

— У нас будет какой-то план? — спросила Алиса и выступила вперед.

— О своих планах вам поведаст Полина. Она тут сегодня за старшую.

Больше вопросов не нашлось. Только испуг на лицах защитниц вырос, что не прибавило мне уверенности. Когда Эрик вышел, я почувствовала себя ужасно одинокой среди этих людей — словно меня окружили дикие звери, что, скалясь, подступали все ближе...

Впрочем, это все мое воображение. Зверей не было, была стайка растерянных девушек, которую сегодня предстояло направлять и вести.

Я растерянно улыбнулась, ища хоть в одной из них поддержку. Не нашла, поэтому просто выдохнула:

— Ну что, начнем?

— Отлично! — зло выдохнула Алиса. — Теперь мы должны слушать ту, которая сама никого не слушает.

— Тебе необязательно меня слушать, — подавляя нарастающее раздражение, как можно спокойнее ответила я. — Но если хочешь жить, придется защищаться.

— Как именно мы станем защищаться? — спросила Лара, так и не удостоив меня взглядом.

Влад, похоже, едва сдерживал смех. Он прикрыл рот ладонью, не сводя с меня внимательного взгляда. Юморист нашелся! Сам-то сегодня в момент заварухи будет драться бок о бок с воинами, а не успокаивать насмерть напуганных девиц.

— Может, поможешь? — сквозь зубы процедила я. Признаться, командовать я умела плохо, а организаторские способности во мне умерли еще в седьмом классе, когда я проспала первый митинг против нового завуча, который сама же и собрала.

— Лучше посмотрю, как ты все разрулишь, — насмешливо ответил он.

— Тогда займись своими делами!

— До трех я абсолютно свободен, — невозмутимо парировал он.

Я послала в его сторону самый испепеляющий из всех взглядов, которые вообще умела посылать, и повернулась к девушкам. Лара, казалось, заскучала. Даша неуверенно мялась на месте, а Алиса продолжала жечь меня взглядом.

— Мы будем держать окна запечатанными, — собравшись с духом, сказала я. — Входные двери, напротив, оставим открытыми.

— Хочешь, чтобы они вошли в дом? — удивилась Даша.

— Именно. Подготовим охотникам достойный прием.

— Каким образом? — язвительно поинтересовалась Алиса. — Из наших ладоней не льется кен сольвейга. А того, что есть в моем арсенале, на армию охотников не хватит.

— Тебе не понадобится драться. Ты здесь в качестве защитницы, вот и защищай свой участок.

Наверное, я сказала это слишком резко. Дарла побледнела, Юлиана вздрогнула, а Даша вздохнула — уж не знаю, что послужило причиной этого вздоха: то ли я в качестве лидера, то ли наша с Алисой взаимная агрессия.

Только Влад хмыкнул и прищурился, будто заметил нечто новое, понятное лишь ему.

— Ближе к делу, — подытожила я. — В атли есть девочка, которая поможет нам убить охотников. Но для этого придется впустить их внутрь. Ваша задача — беречь наш тыл. Справитесь?

— В доме гораздо больше дыр, чем защитниц, — вмешался Влад, вмиг становясь серьезным и сосредоточенным. — Вам не справиться без воинов.

— Все воины уходят с вами, — буркнула я. — Мне не из чего выбирать.

— Ты могла бы попросить Эрика не рисковать вашими жизнями, чтобы тебе что-то доказать, — рассматривая ногти на правой руке, заметил Влад.

Эту реплику я проигнорировала. Мне сейчас не до подколов. Охотников, судя по всему, будет много, и определенный резон в словах Влада есть.

— Даша, сколько окон мы реально сможем покрыть защитой? — спросила я.

— Тридцать, может, сорок, — ответила она. — Все зависит от того, насколько сильные охотники будут нас штурмовать. Девочки выложились за последнюю неделю...

Я кивнула.

— Хорошо. Распределите территорию, и дай мне знать, когда закончите.

Влад прав, мне нужны воины — без них дом не удержать.

Эрик хочет проверить меня. Замечательно! Я сделаю все, чтобы пройти проверку.

Руки слегка тряслись — то ли от предвкушения, то ли от страха. Пальцы не попадали в нужные кнопки на телефоне. И в ушах шумело. Почему-то у меня всегда шумит, когда волнуюсь.

Девушки послушно вышли выполнять мои указания. Даже Лара и Алиса. Указания... Ха! Будто кто-то еще не в курсе, что правительница из меня никакая. Зато драться я умею. Хоть и не люблю.

Влад остался и наблюдал за мной исподтишка, делая вид, что увлечен разглядыванием ткани, из которой сшиты шторы.

— Рад, что ты жива, — поприветствовал меня голос из телефона. — Но я сомневался в том, что Эрик тебя не прибьет.

— Ты в курсе, что творится в городе?

Я сменила тему сразу. Во-первых, могла расклеиться от нежелательных воспоминаний, а во-вторых, у меня действительно было мало времени, чтобы все организовать.

— Ты о готовящемся нападении или вечерней вылазке?

— О ней. Ты участвуешь?

— Не решил пока.

— Мне нужны воины. И защитницы. Поможешь?

Секундное молчание в трубке. И дыхание прерывистое, а в ушах все так же шумит. Влад еще — смотрит, усмехается. Почему он не уходит? Побывать бы сейчас одной, подальше от всех. Подумать. Влезть, что ли на чердак? Там пыль и картины. Тумбочка с открытым ящиком, перевернутый стул. Запах покоя.

— Будут у тебя защитницы, — ответили мне из трубки.

— А воины?

Я почувствовала, что в край обнаглела, но не спросить не могла. И чтобы окончательно закрепить позиции, добавила:

— Мне нужно прикрыть Майю.

— Я приду, — согласился Мирослав. — Остальные отправятся с Владом и Эриком.

— Отлично, — деловито ответила я и добавила: — Спасибо.

— Всегда найдутся те, кто примчится тебе на помощь, — насмешливо заметил Влад, не отвлекаясь от разглядывания шторы. Штора была серая, в тон его свитера. Наверное, именно поэтому он около нее крутится — иначе что его держит в кабинете?

— Тебя коробит, что у меня есть друзья? — огрызнулась я, запихивая телефон в задний карман джинсов и вытирая вспотевшие ладони о мягкую ткань.

— Нисколько. Возможно, ты даже выживешь, — усмехнулся он и все же отлип от шторы. — Кстати, выглядишь сегодня получше.

И, наконец, вышел. Я вздохнула и присела на диван. Ну какая из меня предводительница? Против армии, одна, с кучкой запуганных защитниц? А дом такой большой и пустынный без Эрика. Опасный. Каждое окно, каждая дверь норovit опасность эту впустить.

А вдруг сегодня кто-то умрет?

Эта мысль отрезвила. Заставила сжать кулаки. Колени тоже отчего-то сжались, наверное, из солидарности. И спина выпрямилась струной.

Готова ли я? После вчерашнего-то? И есть ли у меня выбор?

В дверь осторожно заглянула Ира.

— Можно?

Я кивнула.

Ира осунулась. Тусклая кожа, желтые круги под глазами, а сами глаза — красные, опухшие — четко выделяются на фоне заострившихся черт лица. Плакала. Наверняка одна, ведь кто будет утешать подружку монстра?

— Прости, — совершенно искренне сказала я, когда она присела рядом. Хотя за что извинялась, сложно сказать. За все, наверное. И за Крега в том числе. Ведь сам он теперь извиниться не может. Захотелось ее обнять, но я сдержалась. Ира ненавидит жалость. Лучше уж так, на расстоянии вытянутой руки. Просто посидеть рядом.

— Он был чудовищем. Не стоит сожалеть.

Она тряхнула темными волосами и взгляд отвела.

— Барт погиб, знаешь...

— Ты не виновата, — твердо возразила Ира. — И ты бы не смогла сидеть, потому и пошла.

Она понимала, как всегда. Тогда почему именно в ее присутствии горечь во рту, и в груди сжимается что-то? Болит. Ноет слева. И в горле ком стоит — не продохнуть.

— Влад сказал, мы остаемся сегодня дома.

— Знаю, ты предпочла бы пойти с ними.

— Нет, — помотала она головой. — Я не готова. Лучше уж здесь, в доме, под защитой. — Ира помолчала немного, а потом подняла на меня глаза. — Ты видела их? Первых?

— Нет. Только свет от портала. А затем Барт велел убираться, ведь Хаук...

Запнулась. Сама не поверила в то, что говорю. Какие, к черту, легенды?! У нас тут реальные проблемы и опасности. Война... Война — это смерти. Всегда.

— Влад оставляет Марго, — сменила тему Ира. — С нее мало толку, но все же.

Я кивнула. Воины-балласты мне ни к чему, но всякий воин лучше, чем ничего. Авось случится чудо, и Рита сможет драться. Хотя после случая с Рихаром, она совершенно разуверилась в себе. Пряталась за спину брата и чувствовала себя там комфортно. Сдалась?

Имеем ли мы право сдаваться сейчас?

Телефон зазвонил резко, я даже подпрыгнула. И Ира вздрогнула, хотя испуг, пусть и инстинктивный, старалась не показывать. Крепилась, как всегда. И все сама, в себе, в собственном соку. Я так не умею. Мне нужно навзрыд, чтобы мир содрогнулся.

Содрогнется скоро, если верить предсказаниям Барта.

Звонил Дэн и первым делом поинтересовался, не убили ли меня дома. Прямо вопрос дня — все его задают. Не убили. Даже дело доверили важное. Или это проверка?

Об охотниках и свержении власти Дэн знал. Сольвейгов реалии внешнего мира мало касались, но Дэн привык находиться вне защитного кокона Барта. Думаю, его кочевая жизнь соплеменников тоже не прельщала, но вводить новые порядки не стоило спешить, ведь Первые... И Барта нет. Совсем. Навсегда.

— Помощь нужна?

Внезапный вопрос поставил в тупик, и я растерялась.

— Чего?

— Помощь, спрашиваю, нужна? Тебе... вам? Барт просил за тобой присматривать.

— Не помешает, — не стала спорить я. Чем больше воинов у меня будет, тем лучше. А Дэн сильный, за него можно не бояться.

— Тогда жди.

Буду ждать. Что мне остается?

Ира все так же сидела, сложив руки на коленях. Выглядела усталой, и я, не выдержав, положила руку ей на плечо. Она вздрогнула.

— Отдохни. До вечера еще есть время.

Времени нет ни у кого. Оно стремительно утекает, как песок в песочных часах. Неумолимо. Меня не покидает ощущение, что над головой занесен Дамоклов меч. И дело не в битве с охотниками, дело в ином — глубоко, древнем, необъяснимом. Предчувствие? Скорее всего. Я привыкла доверять своим.

Ира не спорит. Послушно встает, принимая совет как помощь. Или, правда, настолько устала, что нет сил перечить. Все мы устали. И сама я почти не чувствую ничего. Пустота постепенно сменяет страх. Больше ничего не тревожит, разве что... Охотники придут вечером. Власти нет, правил игры нет, и те, кто играл в нее, растерялись.

Не только хищные. Были ведь охотники, которых вполне устраивала стабильность перемирия. Был Андрей... Андрей! И что теперь с ним... с нами?

Руки сами потянулись к телефону. И номер пальцы отыскивали вмиг.

Длинные гудки — словно пытка. Альрик мертв, и вряд ли охотников контролируют, как раньше, но все же не принесет ли этот звонок неприятностей Андрею? Хищный и охотник не могут быть друзьями — так даже Эрик считает. Кто я такая, чтобы идти против установленных богами правил?

— Ну вот ты и позвонила, зверушка.

Голос в трубке отрезвил. И страхом окатило, словно ведро ледяной воды на голову вылили. Пальцы даже занемели — так бывает иногда, от страха немеют пальцы.

— Где Андрей? — голос хрипит и последующий вопрос застывает воском на губах. «Жив ли?».

— Там, где ему и положено быть, — бесстрастно отвечает незнакомый человек. Человек ли? — Но ты можешь прийти и посмотреть на казнь. Завтра утром. Если выживешь.

Слово «казнь» имеет магический смысл. Память щедро делится картинками из прошлого. Величественные, в потолок окна. Трибуна. Ровные ряды кресел. Орудия пыток.

Нож. Кровь.

Я судорожно вспоминаю каждого охотника, с которым доводилось общаться, но не приходит на ум, кем же может быть говорящий. Возможно, я его не знаю вовсе. Но почему тогда у меня ощущение, что он знает меня?

— Ты умрешь раньше! — почти рычу в трубку, понимая, что ничего сделать не могу. Пока я здесь, а Андрей там, у охотников. Есть лишь один способ помочь, но вряд ли сработает. Потому что Эрик ненавидит охотников.

— Предатель будет казнен, — в ответ рявкает охотник. — Каждый, кто предал нашу расу.

— Расу убийц? — Я говорю, как Эрик. Или это Эрик говорит во мне? — Приди и скажи мне это в глаза.

Приглашаю врага в дом. Впрочем, ему не нужно приглашение. И я почти уверена, что он придет, и тогда я... Убью? Жила вспыхивает, перед глазами белая пелена ярости. Она настолько же сильна, как и тогда, у очага атли. Только врага рядом нет.

С неба плавно опускаются сумерки. Темнота просачивается сквозь прозрачное стекло и стелется по полу.

Скоро вечер.

Вместе с темнотой пытаются пробиться первые крупные снежинки, но стекло их не пускает. Это темнота — призрак, проходящий сквозь стены, у снега нет такого дара. Зима дышит холодом на серые каменные стены, покрывает их коркой инея.

— Приду, — обещает охотник. Спокойно. И моя злость послушно ложится к ногам верным псом.

Он придет, и я его убью. Все просто.

— Хорошо, — отвечаю. — Я буду ждать.

В гостиной было многолюдно. И гомон стоял невероятный — воины собирались на вылазку. Рита жалась к Игорю и шептала ему на ухо — яростно, резко. А он кивал и успокаивающе гладил ее по волосам. Эрик давал последние указания защитницам, Роберт улыбался Ларе. Филипп хмурился в углу и встретил меня недоверчивым взглядом.

Влад расслабленно разговаривал с Дашей в стороне. У нас сейчас не все гладко, но рисковать другом ради собственного эгоизма я не собиралась. Поэтому и подошла к ним. К Эрику бесполезно.

— Андрей у них, — сказала мрачно.

Влад тут же нахмурился и замолчал. Ему не нужно было объяснять — он понял все сам.

— Откуда знаешь? — От былой насмешки не осталось и следа.

— Я звонила ему. Трубку взял незнакомый охотник и говорил о казни предателей. Понимаешь, что это значит?!

Мой голос сорвался на визг. Я почти плакала от бессилия. Они пойдут в штаб охотников, а я останусь и никак не смогу помочь Андрею.

— Я вытащу его, — пообещал Влад, и рука его скользнула по моему плечу.

— Обещай! — потребовала я, хотя и понимала, что смысла в обещаниях нет. Они или спасут Андрея, или нет. Третьего не дано.

— Обещаю. Не смей расклеиваться, пророчица.

Я покачала головой, душа в себе желание разреветься прямо тут, посреди гостиной, в окружении людей, которые остаются на моем попечительстве.

— Если он умрет...

— Не умрет, — перебил Влад. И добавил уже мягче: — Не только ты его должница.

Я кивнула. Больше мне некого просить. Эрик не поможет — он предельно ясно выразил свое отношение к охотникам. Да и остальным будет не до того. А с Владом Андрей нашел общий язык. Общались всегда нормально, страховали друг друга. Тот случай с Мишеlem опять же — Андрей мог сдать Влада, но не стал.

— Удачи, — шепнула я. Выдох обжег губы, но слезы я все же сдержала. Влад очень серьезно посмотрел на меня и ответил:

— И тебе.

Они уходили на войну, и шуткой это не выглядело. Охотников в городе много. Слишком много, а будет еще больше, и нам не победить. Но враг разделится сегодня, и у нас будет возможность добыть чудесные артефакты Альрика, которые спрятаны в штабе охотников. Только бы выстоять, продержаться.

— Идем, — велел мне Эрик. Повернулся к Владу. — Собери всех на улице. Я скоро буду.

На этот раз в кабинете было светло, и тьма, проникающая извне, пряталась под стол, заползала под диван, жалась к плинтусам. Тьма разбилась на тени, и они забрались в углы. Теплая рука Эрика скользнула у меня по животу. Мне было настолько страшно, что я дрожала.

Не хочу быть главной! Пусть кто-то вместо меня.

Эрик серьезно посмотрел в глаза.

— Печать Арендрейта. На всякий случай.

Я уткнулась лбом ему в плечо.

— Знаю, для чего ты это делаешь, — прошептала обижено. — Но я тебя не подведу.

Он отстранил меня и сказал строго:

— Я делаю это потому, что ты — сильнейшая из скади после меня. Мне абсолютно не нужно ничего тебе доказывать. Ты — мой тыл. — Он обнял меня крепко и прошептал уже в волосы: — Алла тебя прикроет.

Я облегченно выдохнула и закусила губу, чтобы не расплакаться.

Из скади у меня есть Алла. Плюс один воин всегда лучше.

Глава 3. Брат за брата

Дом опустел после ухода воинов. Из окон опасно скалилась ночь, и небо бросалось хлопьями снега, словно предвещая беду.

Беда шла в дом. Я слышала ее приближение в испуганном скрипе половиц, в шарканье шагов защитниц, в молчании, воцарившемся в гостиной, полной людей. И стены, казалось, шептали: берегись, охотники идут.

Защитницы занимались окнами, но все же защитниц было слишком мало для такого огромного дома.

Из темной части гостиной на меня насуплено смотрел Филипп.

— Каков план, Полина? — подал голос бывший жрец атли.

— Мы заманим охотников в дом, — устало ответила я и машинально потерла виски. Испуг растекся патокой по комнате, его вдыхали мои подопечные и дрожали. Лишь Алиса, скрестив руки на груди, сердито смотрела в окно. — Майя соберет их ауры, а ты проведешь ритуал кроту.

— Отличный план. Только кто будет следить за нами, пока мы с Майей будем заняты?

Я отвернулась от него. На сложные вопросы ответов не было, четкого плана — тоже. Гостиная скади слишком большая, и позволит охотникам окружить нас.

— Ира, возьми Риту и спрячьте детей в подвале. Думаю, вам хватит двух защитниц — Лариса и Дарла вам помогут.

Рита всегда боялась прямого противостояния, с Ирой в защищенной комнате ей будет комфортнее.

Ира кивнула и беспрекословно подчинилась. Все же в такие моменты должен быть кто-то главный, иначе есть риск проиграть битву. Выглядела Ира получше — то ли поспала, то ли собралась перед лицом опасности. Она всегда умела собраться — отличное качество для воительницы. Защитницы последовали за ней.

— Ты не ответила! — В голосе Филиппа появились нотки зарождающейся паники. Смелости ему всегда недоставало, но я не позволю, чтобы он заразил своим страхом остальных. Все и так напуганы и держатся из последних сил. — Как ты собираешься драться с охотниками в одиночку?

— Мирослав приехал, — безэмоционально сказала Алиса и отошла от окна.

— Не в одиночку, — воодушевилась я. — Готовься к ритуалу.

На улице похолодало. С приходом темноты снег, покрывший тонким слоем подъездной путь, блестел в свете фонарей. Пушистые хлопья застилали спины припаркованных машин, липли к ветвям и оседали на меховом воротнике черной куртки Мирослава. Пять его защитниц, кивнув мне в знак приветствия, скользнули мимо нас в дом.

Вождь альва улыбнулся и, поравнявшись со мной, крепко обнял. От него пахло мускусом и мокрой кожей.

— Выпороть бы тебя, — произнес он совершенно беззлобно. — Но я, кажется, уже это говорил.

— Говорил, — кивнула я, выбираясь из крепких объятий. — Рада, что ты приехал.

— Хорошо, что ты не альва, а то я поседел бы раньше времени. — Он покачал головой и добавил уже серьезно: — Сколько у тебя воинов?

— Ира и Рита наверно с детьми, поэтому я их не считаю. Алла подстрахует нас, а еще Дэн обещал помочь.

— Дэн?

— Мой друг. Он... — Я запнулась на слове «сольвейг». До сих пор не верилось, почему-то подумалось, что Барт жив и защищает своих, а Дэн... Просто Дэн. Одиночка. Сильный воин, но все же обычный хищный. Но это было не так. Скрывать больше не имело смысла — Мирослав давно знает, кто я такая, и что есть целое племя подобных мне. Поэтому я сказала: — Он сольвейг.

— Это радует, — одобрил Мирослав. — А с защитницами что?

— Хватит на два этажа. Третий мы физически не потянем без Эрика.

— Скади, конечно, сильное племя. Поговаривают, сам Альрик побаивался Эрика, но Эрика здесь нет, Полина. Это меня и пугает. Почему он ушел и оставил тебя здесь одну обороняться от охотников? Шутка ли? Знаешь, сколько охотников сегодня в городе? Армия! Ладно скади, но Влада не смутило, что его люди здесь фактически беззащитны?

— Возможно, Эрик и Влад видят то, чего не можешь увидеть ты, альва?

Резкий насмешливый голос заставил нас обернуться. Будто из воздуха, а вернее из темноты, застилающей левый угол крыльца, на свет вынырнула мужская фигура. Черная куртка, шея, обмотанная шарфом в несколько слоев, взерошенные волосы, хмурый взгляд. Враждебный. Слишком хмурый и враждебный, даже если учесть то, что произошло недавно.

Но я все равно обрадовалась. И радость вырвалась возгласом:

— Ты вовремя!

— Это я умею — вовремя приходить, — процедил Дэн сквозь зубы, не сводя с Мирослава злого взгляда.

Впрочем, вождь альва отвечал ему таким же. Побледнел, на щеках загорелся лихорадочный румянец, а руки сжались в кулаки.

— Какого черта ты здесь делаешь?! — Мир шагнул вперед, задвигая меня за спину, будто стараясь защитить.

Дэн усмехнулся, сунул руки в карманы и надменно ответил:

— Как видишь, меня тут ждут.

— Погодите, вы что, знакомы?

Я вынырнула из-за плеча Мирослава и стала меду ними. Голова соображала плохо, и я судорожно собирала крохи воспоминаний, фактов, намеков. Если верить памяти, им и познакомиться-то было негде. Дэн чуть ли не с детства с Бартом, в Липецк впервые прибыл со мной. Соврал? Нет, не врал он, да и смысл? Я говорила Дэну об альва и о войне, но он ни словом не обмолвился, что знаком с Мирославом, и Барт тоже. Разве что...

Ветер поймал горсть снежинок и швырнул мне в лицо догадкой. Нелепой, невысказанной, но логичной.

— Ты — альва! — возмущенно выдохнула я, обернувшись.

— Уже нет, — невозмутимо ответил Дэн. Он больше не казался злым, словно «альва» было волшебным словом, услышав которое он успокаивался. И на Мирослава больше не смотрел — скорее в сторону и немного вниз, на стелящийся на асфальт снежный ковер.

— И слава богам за это! — гневно вмешался Мирослав. — Ничуть не жалею, что ты ушел.

— Ушел? — поморщился Дэн. — Помнится, ты сам меня изгнал. С особым... усердием. Что он имел в виду под усердием, я не поняла, но что такое изгнание, знала прекрасно.

На собственной шкуре прочувствовала: и боль, и потерю, и стыд. Одиночество. Ненужность.

— Представься мне шанс, я изгнал бы тебя снова, — прошипел вождь альва. — С особым усердием.

— Хватит! — оборвала я. — Довольно. Вы здесь, чтобы помочь. Охотники идут, и мне нужны воины, а не обиженные мальчишки. Если не собираетесь помогать, уходите. Нет, пусть кто-то один уходит — повторюсь, мне нужны воины.

Они замолчали. Оба. Дэн отвернулся, Мирослав насуплено дышал и, казалось, из его ноздрей сейчас пойдет дым — так они раздувались. Надо же, братья. Совсем не похожи, хотя ведут себя одинаково. Гордые, независимые, и у каждого своя правда. Но если честно, сейчас совершенно не хочется эту правду слушать. Драться — так с охотниками, а не друг с другом.

— Дэн мой друг, и он останется, — добавила я как можно жестче, шагнула к Дэну и повернулась к Мирославу.

— Он проходимец, каких свет не видывал! — совершенно искренне возмутился вождь альва. — Нельзя доверять таким, как он.

— Полегче... — вскинулся Дэн, но я удержала его.

— Дэн мой друг, — повторила. — Он спас мне жизнь и сохранил жизнь Алану.

— Съел? — ехидно поинтересовался Дэн и демонстративно обнял меня за плечи. Ну вот, не хватало еще стать их трофеем в этой перепалке. Я резко вывернулась и сложила руки на груди.

— Мирослав тоже немало для меня сделал. Альва недавно горой за меня стояли, чтобы я Крегу не досталась. И вообще, помнится, в Венгене ты не особо жаловался, когда больше полугода жил в его доме!

Они побледнели синхронно, и так же синхронно посмотрели друг на друга. Потом на меня. Потом снова друг на друга.

— В Венгене? С ним?!

После этого Мирослав, видимо, потерял дар речи и открыл рот, будто хотел глотнуть все падающие снежинки скопом.

— Если честно, я думал, это дом Влада, — смущенно ответил Дэн и снова отвернулся. Отошел к перилам и уставился на снегопад.

— Но о том, что альва живут в Липецке, ты знал и ничего не сказал мне.

— Извини, — пожал он плечами. — Не лучшие воспоминания, чтобы ими делиться.

— Будто кто-то, кроме тебя, в этом виноват, — буркнул Мирослав. — Полина, нельзя ему верить! Уж что-что, а навешать девушкам лапши на уши он всегда умел. Наверняка о том, что он сольвейг, тоже наврал.

— Не смей! — резко повернулся Дэн, и глаза его опасно сверкнули. — Не смей упоминать сольвейгов.

От этих слов, от вида его — внезапно растерянного, неуверенного, потерявшегося мальчика — у меня мурашки побежали по спине. Вспомнилась влажная трава, кровь, тепло от руки Барта. Его последние слова. Присяга.

Дэн теперь там за старшего. Вождь. Главный сольвейг. Сейчас он главным не выглядел — будто ему самому, как никогда раньше, нужна была поддержка. Возможно, для того он и пришел, как знать...

— Для нее же сольвейги — святое! — Мирослав указал на меня. — На этом можно играть, не так ли?

— Перестань, — сказала я. — Ты ничего не знаешь. Барт погиб у нас на руках. Он сам

выделил Дэна, воспитал, а сольвейги присягнули ему на верность.

— Присягнули? Тебе?

Дэн, на удивление, не отреагировал на вопрос. Отвернулся, будто и не к нему обращались. Поэтому я ответила за него:

— Присягнули. И я бы присягнула. Потому что он смелый, справедливый и глубоко любит семью. Именно поэтому он пришел и останется. А ты... если не можешь смириться, уходи.

Последние слова царапнули горло обидой. У меня слишком мало воинов и защитниц, чтобы ими разбрасываться, но прогнать Дэна — выше моих сил. Да и не заслужил он — все время был рядом, пусть об этом его просил Барт. Сейчас Барта нет, а он все равно пришел. Оставил племя и пришел меня поддержать.

— Поля... — Голос Мирослава смягчился, на лице застыло растерянное выражение.

— Что «Поля»? У меня полный дом испуганных защитниц, и вместо того, чтобы быть с ними, я пытаюсь вас помирить! Повторюсь, нет на это времени — охотники идут. И я должна знать, кто действительно со мной.

— Я с тобой, — не раздумывая, ответил вождь альва. — А вот на счет него — не уверен. Не в курсе, каким его знаешь ты, но мальчик, которого я изгнал, одолел меня подлостью на поединке, оболгал женщину, и ее чуть жестоко не наказали за его ложь. Этот мальчик дал колдуну мою кровь. Извини, что я не могу доверять ему после этого.

Ответа он дожидаться не стал. Развернулся и вошел в дом, даже дверь хлопнуть не поленился. Входной двери скади в последнее время не везет — все так и норовят ее сломать.

Я повернулась к Дэну, а он пожал плечами.

— Что? — усмехнулся. — Все, что он сказал — правда. Я тот мальчик. На поединке играл нечестно, колдун помогал. Ну и на Еву наговорил всякого... Она поддерживала меня всегда, выгораживала, когда он гнобил. А потом замуж за него пошла. Я сильно злился и сказал, что она была не верна. Барт — единственный, кто поверил в меня после этого. Но мне было достаточно.

Я покачала головой и положила руку ему на плечо.

— Барт никогда не ошибался.

— Они твои друзья, — Дэн махнул в сторону дома, — и я пойму, если...

— Послушай! — перебила я. — Ты давно не тот мальчик. Ты — мужчина. И... спасибо, что пришел. Seriously, Дэн, — я заглянула ему в лицо и поймала настороженный, недоверчивый взгляд. — Спасибо.

К полуночи ожидание нас вымотало. Защитницы клевали носом, ищейки и целители укрылись в подвале с детьми, Ирой и Ритой. Алла сосредоточенно смотрела в окно, наполовину спрятавшись за шторами. Филипп проверял восковые фигурки на журнальном столике у дивана, вздыхал и бросал в мою сторону осуждающие взгляды. Наверное, они предназначались не мне, а Эрику — за то, что оставил меня за главную, но Эрика не было, а я была. Его жена, вторая половинка и все такое.

Мирослав обнимал Майю и что-то шептал ей на ухо, девочка хмурилась и кивала, отвечая иногда коротко и емко. Дэн бродил по гостиной со скучающим видом.

Они с Мирославом усиленно делали вид, что не замечают друг друга. Мирослав так вообще отстранился от всех, кроме дочери, после нашего с Дэном фееричного появления в доме. Ева, которая была в тот момент в гостиной, сначала побледнела, затем прижала руки к груди, а через секунду всплеснула ими и, не обращая внимания на вождя альва, быстро

подошла к нам и повисла у Дэна на шее. Дэн, по-моему, и сам не ожидал такого теплого приема, потому как растерялся и начал бормотать какие-то глупости про то, что у него курка в пыли и вообще он не умеет обниматься с женщинами.

В общем, обстановка явно накалилась и была, мягко говоря, нервной.

А потом все изменилось.

Алла обернулась и спокойно сказала, ни на кого конкретно не глядя:

— Пришли.

Охотников было много. Человек тридцать-сорок, сложно было определить из-за темноты и пелены снега. Они не таились, шли плотной стеной, изредка кое-кто из них отделялся, чтобы пнуть садовую статуэтку или колеса припаркованный у входа машин, отчего те отзывались визгами сигнализаций.

Звери они и есть звери, плевать, что с благодатью. Я почувствовала, что с силой сжимаю кулаки. Жила проснулась, откликнулась, наполняя вены кеном. И радостно, что сейчас не нужно себя сдерживать. Совсем.

— Рассредоточьтесь! — велела я и сделала шаг к двери.

Защитницы — те, которые еще оставались в гостиной — бросились врассыпную, к доверенным им точкам. Мирослав напрягся, сжал плечи Майи, к ним метнулась Ева, готовая защищать дочь ценой собственной жизни. Дэн встал по левую сторону от меня, ободрительно кивнул. Его растерянность будто рукой сняло.

Филипп побледнел и крепче сжал ритуальный клинок. На столике перед ним лежало двадцать пять ритуальных фигурок, готовых впитать ауры охотников.

Дверь протяжно скрипнула и отворилась.

Началось.

Первый вошел несмело, будто ждал, что на него тут же обрушится гора камней или кипящее масло. Он был слаб — Ганс, смотритель скади — и постоянно озирался по сторонам, а сзади его теснили соратники, выбравшие молодого охотника пушечным мясом в этой войне.

Дэн ударил без предупреждения — серым, густым мороком, и Ганс, широко распахнув глаза, гулко рухнул на паркет.

За Гансом вошли другие. Переступая через мертвого товарища, они уверенно и нагло входили в дом. Я стояла близко от входа. Слишком близко, чтобы охотники смогли удержаться от соблазна порвать мою жилу. От их щупалец осталось ощущение липкости, и меня передернуло. Но печать Арендрейта не подвела — оба смельчака тут же рухнули замертво рядом с Гансом.

Я выставила вперед ладони и ударила. Лед. Обжигающий лед в венах, отчего они горят, раздуваются, причиняя дискомфорт. Но лишь на миг. Через секунду кен овладевает мной, а не я им. Он ведет, направляет, указывает мишень, и я бью — яростно и почти всегда в яблочко.

Охотников больше, чем полсотни. Они бросаются врассыпную, уворачиваясь от ударов. Алла в углу — покрасневшаяся, волосы растрепались, глаза горят воинственным огнем. Дэн — собранный и дикий, кривая улыбка уродует лицо, и мне на миг представляется тот мальчик, о котором говорил Мирослав — жестокий, бескомпромиссный, злой. Мирослав сегодня тоже в ударе. Он держит оборону, не подпуская врага к дочери и Еве.

Руки Майи изящными бабочками порхают в воздухе. А на кончиках пальцев оседают ауры охотников. Она несет их бережно, словно боится расплескать воду, и отдает фигуркам

Филиппа. Жрец тих и мрачен и все так же сосредоточенно сжимает нож.

Меня несет. Я уже почти не замечаю, куда бью, но удары мои, как ни странно, находят цель. Охотники перекрикиваются, и я пытаюсь выделить голос того, с кем говорила по телефону. Я его не узнаю, и от досады, бью еще сильнее.

Их намного больше, чем мне казалось. Пятнадцать охотников уже лежат без движения в гостиной, а их все так же много, как и в начале.

Я горю, пылаю изнутри, внутренности плавают от всплеска кена.

Видения приходят внезапно, и меня отбрасывает назад. Дэн успевает перехватить меня правой рукой, левой ставя перед нами защитный пасс. А потом я теряю ощущение действительности.

Лив миниатюрна. Темноволоса. Глаза огромные, раскосые и смотрят испугано. В ее руке — нож, и лезвие угрожающе блестит, а сам клинок в руке маленькой хищной выглядит огромным. Его рукоять сверкает драгоценными камнями и щетинится острыми рунами.

Напротив Лив — охотник. Тот самый — в этом нет сомнений. На лице Первого — глубокий рваный шрам от виска до нижней губы, он делит само лицо пополам, по диагонали. Шрам бороздит правый глаз и нос, отчего переносица кривится, придавая лицу Хаука зловещее выражение.

Хаук ее не видит, смотрит в сторону и скалится, а из его жилы светящимися плетью вырастают щупальца. И мне бы посмотреть на жертву Первого, которого скрывает тьма, обернуться, но отчего-то страшно и жутко до дрожи в коленях. Я замираю, пялясь на шрам, на кожаную одежду охотника — расстегнутый жилет и свободные штаны, на ботинки его, покрытые пылью. На блестящее оружие в руках Лив, на камни в рукоятке ножа, на лицо Первой. Только бы не перевести взгляд на того, кто сейчас погибнет, только бы не узнать, только бы...

— Полина!

Резкая пощечина возвращает в реальность. Я на диване, надо мной — Дэн, Филипп у меня в ногах — трясущийся и злой. Рядом Майя и Мирослав.

— Жива?

Я киваю и пытаюсь встать. Голова гудит, перед глазами плывет, и я не сразу понимаю, что в гостиной почти не осталось охотников. На полу больше трупов, но не все, а это значит...

— Они прорвались, — подтверждает мои догадки Дэн.

— Наверху, — выдыхает Мирослав и бьет чистым кеном куда-то вправо.

— Я пойду, — бормочу и наконец встаю. Пошатываясь иду к лестнице — путь чист, охотники наверху и наверняка успели добраться до кого-то из защитниц.

Уже у лестницы оборачиваюсь и выдаю глупое:

— Справитесь без меня?

Дэн переводит взгляд на Мирослава, а тот, не раздумывая, кивает.

— Иди. — И бросает уже Филиппу: — Начинай, жрец!

Майя собрала почти все или все. Во всяком случае, больше медлить нельзя. Филипп встает. Его звездный час наступил. Что ж, не подведи, жрец!

Пока я понималась, думала о том, что ненависть Эрика к охотникам не так уж необоснована. Вот они — те, на кого снизошла благодать. Пришли убивать моих близких.

Коридор казался длинным, намного длиннее, чем обычно. Защитницы выдохлись — каждая на своем участке, и пару раз охотники почти прорвали кордон в их убежища. Я убила

их сразу, с первого удара. Странно, но истощения не чувствовала, наоборот, с каждым новым трупом кен во мне будто пополнялся, отчего кружилась голова и ныл живот. Последствия видения отдавались пульсирующей болью в правом виске, поэтому глаз пришлось прикрыть и продвигалась я почти на ощупь.

Заглянув в одну из комнат, я увидела лежащего на полу охотника и сидящую на нем сверху Алису. Защитница, или в данном случае воительница, метнула на меня хищный взгляд и резким движением свернула охотнику шею. Сильна, ничего не скажешь. На миг мне показалось, что она с радостью под шумок свернула бы шею и мне. Хорошо, что я умею за себя постоять, а то, наверное, побоялась поворачиваться к ней спиной.

Я вышла и прикрыла за собой дверь — за Алису уж точно не стоит беспокоиться. А потом услышала тот самый голос, который угрожал мне по телефону. Он просто сказал:

— Ну привет, блондиночка.

Нет, обращался голос не ко мне. Я несколько раз обернулась, чтобы проверить, но в коридоре, кроме меня, никого не было. А потом голос добавил странное:

— А ты симпатичная.

Холод пополз от лодыжек вверх — к коленям — и те дрогнули. Потому что голос явно звучал из комнаты Даши. Почему, ну почему охотник прорвался именно в ее спальню?! Если из всех защитниц пострадает именно она, Эрик меня убьет. Да я и сама себе не прощу, если...

Удар был сильным. Внезапным. И оглушающим. Колени подкосились, и я тут же рухнула на пол. В ушах зашумело, перед глазами поплыли багровые круги, а жилу крепко, до боли, сжали цепкие щупальца охотника. Наверное, он успел подойти сзади, пока я замерла в нерешительности в нескольких шагах от Дашиной спальни.

Плохо. Очень плохо.

Разворот. Боль ослепляет, но я терплю. Бью не глядя и, конечно же, мимо — охотник стоит намного правее. Сфокусироваться невероятно трудно, виски пульсируют — теперь уже оба, а еще затылок, по которому он ударил. Приходится моргать, чтобы убрать пелену непрощенных слез. Рывок — охотник тянет мою жилу. Все же хорошо, что Эрик обновил печать — это единственная мысль, которая возникла в мозгу после того, как враг упал. Неприметный, полноватый, с залысиной и четко наметившимся брюшком.

Как на таких вообще снисходит благодать?!

Подняться было невероятно трудно — штормило сильно, а еще появилась тошнота. Безумно, почти до удушья не хватало кислорода. А еще я серьезно ушибла колено. Да уж, воительница называется!

Я встала, держась за стену. Так же, опираясь доковыляла до комнаты Даши. Если охотник что-то еще и говорил, то слова потонули в белом шуме — видать, сильно меня приложили. Пока я шла, мысленно молилась, чтобы он еще не убил Дашу, хотя вероятность этого уменьшалась с каждым шагом.

То, что я увидела, когда вошла, заставило меня замереть. От страха? От неожиданности? От удивления? Наверное, от всего вместе. Кожу охладила ветер, рвущийся в открытое окно, отчего занавески плясали над подоконником.

Охотник крепко прижимал к себе упирающуюся Дашу и целовал. Ей богу, это был чертов поцелуй! Да что, черт возьми, творится в том мире?! Охотники совсем с ума посходили, что ли? Или это новый способ убить хищного губами?

Я настолько оторопела, что не могла вымолвить и слова. А потом он отлип от Даши и

зло прошипел:

— Предсмертный подарочек тебе от Мишеля!

Знакомое имя вернуло ясность мысли. Кажется, от злости я даже забыла про головную боль и ноющую коленку.

— Убери от нее руки или, клянусь, я тебе их оторву! — буквально прорычала я и шагнула в комнату.

Он обернулся. Высокий. Плечистый, в кожаной куртке, которую не потрудился застегнуть, являя не по погоде летнюю боксерку и массивный серебряный крестик на груди. Охотник полоснул по мне острым взглядом — наверное, пытался определить степень угрозы — и тут же расслабился, видимо, не сочтя меня опасной. Лицо тут же окрасилось пренебрежением. Наверное, я бы могла назвать его симпатичным, если бы он не хотел нас всех убить.

— Ты шла мимо? Вот и иди. — Он хищно улыбнулся и сделал обманчиво нападающий шаг в мою сторону. — Бу!

— Я бы попросила тебя удалиться, но уж очень хочется прибить. Так что, так уж и быть — оставайся.

Я сделала еще один шаг навстречу, стараясь не показать, насколько слаба. Все же мои соображения на счет пополнения кена оказались ложными — истощение давало о себе знать пониженным давлением и сонливостью.

— Вот как? — удивился он и выпустил, наконец, Дашу. Она испуганно вжалась в стену, не убирая от жилы защитного паса. Умничка моя! — А я думал, все совсем наоборот.

— Ты ошибался.

Я все же ударила. Не настолько сильно, чтобы серьезно задеть охотника — пострадал больше рукав его куртки, чем он сам — но достаточно, чтобы серьезно привлечь его внимание. Он ошеломленно осмотрел испорченную одежду и поднял на меня полный изумления взгляд.

— Да сколько вас таких? — спросил совершенно искренне.

— Клянусь, если Андрей погиб, ты будешь умирать мучительно и долго!

— Ты — та блондинка, — пробормотал он, понимая что-то свое, а потом повернулся к Даше. — Извини, перепутал. — Его лицо тут же озарила шальная улыбка, и он добавил: — Но мне понравилось.

— Богдан! — В комнату ввалился еще один охотник и, ничуть не стесняясь нас с Дашей, почти свалился на соратника. — Что-то... происходит.

«Не что-то, а ритуал кроту», — захотелось сказать мне, глядя на его вытаращенные от страха и боли глаза, но сказала я другое:

— Сдохните уже!

Словно по моей команде, охотник с диким грохотом свалился на пол, прямо под ноги тому, кого назвал Богданом.

— Какого... — Охотник присел на корточки, пощупал упавшему пульс. Поднял на меня полурастерянный взгляд. — Он мертв. Как ты это сделала?

— Это не я. Но так будет с каждым, кто придет в мой дом убивать моих родных.

Он поднялся на ноги и зло оскалился.

— Ты почти пуста, я чувствую.

Цепкие щупальца прошли по моей жиле.

— Посмотрим, успеешь ли ты среагировать, пока ритуал убьет и тебя!

— Его не убьет, — устало вмешалась Даша и потеряла пальцами виски. — Он вошел через третий этаж. Влез в окно.

Ах, ну да. Третий этаж — наше слабое место. На него не хватило защитниц. И охота была карабкаться! Как ни хотелось соглашаться с охотником, я понимала, что он прав. Силы таяли стремительно, и мне пришлось опереться о стену, чтобы не упасть.

— Она права, все так и было, — торжествующе объявил охотник, и щупальца крепче сжались на моей жиле. — Так что умрешь сегодня ты. Так жаль, я хотел, чтобы ты посмотрела на казнь.

— Попробуй, — с вызовом ответила я и развела руки в стороны. Печать, поставленная Эриком, меня еще ни разу не подводила.

— На ее жиле печать Арендрейта, — все так же устало сказала Даша и прикрыла глаза.

Охотник нахмурился, недоверчиво посмотрел на нее, затем на меня, сосредоточившись на моем животе. Два раза моргнул, не без сожаления выпустил мою жилу, отступил к окну, а затем ловко вскочил на подоконник и спрыгнул. Клянусь, он сиганул со второго этажа вниз! Занавески трогательно помахали ему вслед.

— Какого черта ты ему сказала?! — с досадой выдохнула я, отлипая от стены. Каждый шаг давался мне с трудом, но я все же заставила себя подойти к окну и выглянуть на улицу. Хотелось увидеть труп охотника на дорожке, но его там, естественно, не было. Головная боль усилилась, дополняясь усталостью.

Даша пожала плечами и невозмутимо ответила:

— Он хорошо целуется.

Мир сошел с ума. Определенно.

Глава 4. Потери

С Дашей общаться не хотелось, но и уйти из ее комнаты сил не было. Поэтому мы так и молчали вдвоем: я — у окна, высматривая в темноте, разбавленной снегопадом, силуэт охотника, и Даша — застывшая печальной статуей на кровати.

Заглянувший в спальню Дэн выглядел бодрым и возбужденным. Глаза блестели отголосками битвы, напряженное лицо выдавало поиск новых врагов. Врагов не было — последний из них с ловкостью циркача спрыгнул вниз.

— Вы как? Порядок? — поинтересовался Дэн, поглядывая поочередно то на меня, то на Дашу.

— Порядок, — кивнула я и, наконец, закрыла окно. Занавески последний раз взмахнули крыльями и успокоились. — Во всяком случае, я. У Даши, похоже, помутнение после поцелуя с охотником, нужно срочно звать Эльвиру — пусть лечит.

— Ого, смело! — присвистнул Дэн, а Даша, наконец, встала.

— Не целовала я его! — возмутилась совершенно искренне. — Он сам.

— Ага, и предупредил он себя тоже сам, — язвительно парировала я. — Он мог быть мертв, как и остальные, Даша.

— Я не знаю, зачем сказала про печать. Вырвалось. Он напал, а потом... говорил много непонятного, шипел так, будто меня ненавидит. А за что? Что я ему сделала?! Хотя они ведь охотники, им можно все. Война научила меня не перечить, потому что у кого власть, тот и прав. — Она нервно улыбнулась, и улыбка эта была обвиняющей. — Но вы сильные, вам не понять!

Трясущиеся руки защитница убрала за спину, но страх не сотрешь, не замаскируешь. Он проявляется во всем: во внезапной бледности, в лихорадочном блеске глаз, в зажатости тела. Страх заразен, как вирус, поэтому первые признаки его чувствуешь сразу, невольно поддаешься, проникаешься, и злость меняется чем-то другим, полужалостью-полусочувствием, усталостью, ленью.

Даша боялась. Не понимала, что произошло и, возможно, действительно ляпнула случайно, не подумав. Эрик рассказывал, что она чуть не умерла во время прошлой войны, и, если бы он не поспел вовремя, то лишился бы сестры. Ей надорвал жилу охотник — наверное, такой же экспериментатор, как и Альрик. Как и Мишель. Как и тот, что приходил сегодня мстить.

И я решила: встречу Богдана — убью на месте. За Андрея, который неизвестно, жив ли. За испуганную Дашу. За всех хищных, погибших на войне, и тех, кто еще погибнет. Уже не осталось времени рассуждать о том, кто из нас прав. Это мое племя, и я должна быть на его стороне.

— Эрику понравится история, — улыбаясь, беззлобно прокомментировал Дэн.

Даша вскинулась, испуг расплескался. Скрывать его у нее больше не было сил.

— Не говорите Эрику, — попросила она жалобно. — Он убьет меня.

И я поняла, что брата Даша боится больше, чем всех охотников вместе взятых.

Я поморщилась.

— Как там внизу? — спросила, осторожно дотрагиваясь до затылка и нащупывая большую шишку.

— Все мертвы. Подчистую, — довольно улынулся Дэн. — Майя — не просто девочка.

Чудо!

— Дочь Мирослава и Евы, — зачем-то сказала я.

Дэн кивнул.

— Знаю.

В коридорах было шумно и многолюдно. Хищные суетились, хаотично бегали из комнаты в комнату, проверяя, видимо, оставшихся в живых. Я тоже невольно считала. Лара с Ирой, успокаивающие детей. Жмущаяся Рита. Алиса, восторженно объясняющая что-то Дарле и Юлиане. Защитницы альва, щебечущие в сторонке. Все пятеро, если я не ошиблась в подсчетах. Ева и Майя в гостиной, все еще бледный Филипп в объятиях своей женщины.

Лица. Много лиц. Даже слишком много, и я судорожно пыталась вспомнить, сколько человек оставлял мне Эрик. Всех ли я сохранила?

Не всех.

Из-за спинки дивана бледнела простыня. И если подумать, что ей делать на диване — это ведь гостиная, а не спальня. Но простыня все равно торчала смятыми углами, и отчего-то мне стало жутко от этого зрелища. Во рту пересохло, и колени дрогнули, в висках стучало, а затылок нестерпимо ныл. Но все это мелочи, по сравнению с тем, что пряталось там, под простыней.

— Она хорошо дралась, — тихо сказал Дэн и зачем-то обнял меня за плечи. Я помотала головой, вывернулась, шагнула к дивану. Внезапно все замолчали. Отступили к стенам со скорбными лицами, к окнам, подальше от места, занятого покойницей. А из-под простыни нелепо торчал ботинок. Черный, высокий, с толстой резиновой подошвой. Алла всегда одевалась по-пацански...

Чтобы убедиться, мне нужно было приподнять простыню. Рука на мгновение дрогнула, касаясь ткани. Несколько секунд я собиралась с духом, а мои подопечные смотрели. Все же где-то внутри меня жила слабачка, и ощущение, что из-за меня погибла Алла, было гадким.

Я позволила себе быть слабой — там, перед всеми этими людьми. Я не правительница, и проверку Эрика не прошла. Сожалений по этому поводу не было ни капли. Была обида. Если бы он остался, Алла не умерла бы.

— Прости, — шепнула я, приподнимая простыню. — Прости, что не уберегла.

Слева охнула Юлиана, появившаяся так внезапно, что я вздрогнула. Она присела на пол у дивана и сжала руку Аллы, соскользнувшую вниз. Дэн снова обнял меня за плечи.

Эти люди ждали, что я уберегу их. Но что я могу противопоставить смерти? Кен? Волю? Желание жить? Алла тоже хотела жить, и вот лежит в объятиях белой тряпки. Застывшее лицо, веер ресниц, что никогда больше не дрогнут. Свисающая с дивана рука. И дурацкий ботинок, торчащий из-под простыни.

Со смертью нет смысла сражаться. Но я могу убить охотника.

Ночь оказалась длинной. Наши воины все не возвращались, и рассвет не торопился разбавить тьму. Только снег все сыпал, укрывая белым покрывалом тела охотников, которые мы сложили у порога. Я смотрела на них долго, пока не замерзли ладони до такой степени, что я не могла их согнуть. Назад в дом не хотелось. Дом пропитался смертью, как бисквит сиропом. Сладкий, вишневый запах уходящего в никуда кена...

Вернуться все же пришлось — Дэн увел назад, в тепло и мнимую безопасность стен. Аллу уже унесли наверх — готовить к похоронам.

— Такое случается, — спокойно сказал Дэн. Он сидел на диване — на том, куда я не

решилась сесть. Мне казалось это кошунством — сидеть там, где только что лежало тело воительницы, которую я не уберегла. Мирослав стоял поодаль, скрестив руки на груди, и хмурился. — Это война. На войне не бывает без жертв.

— Эрик оставил меня за главную, а я потеряла воительницу. Черт, что я говорю?! Алла мертва, понимаешь? Мертва. Навсегда...

— Ты выиграла битву. Охотников нет, они все там, на улице. — Он указал на входную дверь, которая чудом держалась на петлях. Когда мы входили, она жалобно скрипнула, будто сокрушаясь о своей несчастной судьбе. — Ты же сохранила почти всех скади.

— Почти, Дэн. Но не всех.

И заплакать бы, а не получается. Только глаза жжет и в горле першит — не продохнуть. Озноб еще после долгого стояния на холоде. Горячий успокоительный отвар Эльвиры не согрел и не успокоил, и я тряслась на старинном пуфике с изогнутыми ножками, обитом серой парчой. Пялилась в затоптанный грязными ботинками охотников пол.

— Ты не полководец, Полина, — подал голос Мирослав. — Зря Эрик оставил тебя за главную. Первое, чему учится полководец — принимать смерть, потому что это неизбежно. На любой войне. А теперь вставай. Провожу тебя наверх — отдохнешь, согреешься и придешь в себя.

Я помотала головой.

— Не хочу отдыхать! Хочу дождаться Эрика. Да и не смогу сейчас одна — с ума сойду.

— Ты не будешь одна, — пообещал Мирослав, шагнул ко мне и помог подняться. Уже у лестницы я обернулась к Дэну:

— Останешься?

На его усталом, задумчивом лице отразилась нерешительность. Но лишь на миг, потом он, видимо, вспомнил о своем статусе.

— Не могу, — слабо улыбнулся он и тоже встал. — Меня ждут. А ты отдыхай, набирайся сил. — Дэн тяжело вздохнул и взглянул на Мирослава. Не думаю, что они когда-нибудь помирятся. Ну хоть не устроили междуусобиц, пока охотники были в доме — и на том спасибо. — Это еще не конец.

Не знаю, кого имел в виду Дэн — охотников или Первых. С охотниками я хотя бы знала, как себя вести. Будут смерти, да. Возможно, немало. Но мы справимся, если объединимся. А Первые...

Где сейчас? И почему не пришли, ведь портал открылся в Липецке?

Лив из видения не казалась мне страшной. Маленькая, испуганная девочка с блестящими глазами и дрожащей рукой. В том видении было две вещи, внушающих ужас — Хаук и нож. Не знаю, какая из них пугала больше.

Мирослав помог мне подняться и уложил в кровать прямо в одежде. Подоткнул одеяло, как меленькой, и присел рядом.

— Ты — пророчица, и не должна решать за всех. У каждого из нас своя роль, ни к чему хорошему не приведет, если мы начнем примерять шкуры друг друга.

— Ты говоришь это как мой друг или как брат Дэна?

— Признаюсь, встретить сегодня Даниила, узнать, что вы знакомы — даже более, чем просто знакомы — было шоком. — Мирослав вздохнул и отвел взгляд. Посмотрел в окно — на разбушевавшуюся внезапно зиму, снежинками стучащую в стекло. Светало, и серый рассветный воздух смешался со снегом. Сумрак расплзался по комнате отравляющим туманом, и лишь у изголовья кровати, где горели приглушенные бра, его не было — видно,

боялся сунуться к свету. — Мне пришлось изгнать его, но забыть прошлое нельзя. Он мой брат. Гораздо позже, когда пришел охотник, Ева умоляла найти Даниила, ведь однажды он уже убил древнего. Да, Полина, Даниил убил древнего в двенадцать лет! Но я не смог переступить через гордость.

— Из-за поединка?

Голос мой был шелестящим и тихим, словно я боялась потревожить, спугнуть болезненную память, в которой копался вождь альва. У каждого из нас в прошлом живут демоны — страшные и не очень, причиняющие боль и припорошенные пеплом воспоминаний. Скелеты в шкафах.

— Он одолел меня, а убить не смог.

— Считаешь, это была слабость?

— Поединки почти всегда заканчиваются смертью или признанием поражения. У нас не было ни того, ни другого. Этот поединок сверг меня буквально. Альва перестали меня уважать, хотя я ни на секунду не прекратил заботиться о них. В итоге это погубило их, ведь они не послушали, когда я предлагал бежать из Твери. Посчитали, что стены дома спасут...

— И Мишель их убил, — подытожила я.

Мирослав кивнул. Тишина, воцарившаяся после этого, давила. От окна веяло сумрачным, волглым холодом. Давно погасший камин скалился темной пастью. Одеядло внезапно стало нестерпимо тяжелым, и я из-под него выбралась.

Тяжело говорить, придумать нужные слова, ведь слова не изменяют прошлого. Не затрут образ дикого, злого мальчика, фактически убившего свое племя.

— Поединок принес смерть альва, — подтвердил мои мысли Мир. — Как думаешь, смогу я простить Даниила за это?

— Придется, — помимо воли вырвалось у меня. И образы в сознании заплясали цветными картинками. Испуганная Лив. Полутьма и сокрытый в ней человек. Светящиеся плети-щупальца Хаука. — Придется, потому что Первые близко — сегодня в гостиную у меня было видение. И если они правда придут нас убивать, сольвейги будут рядом. А значит, и Дэн. — Мирослав недоверчиво нахмурился, будто пытаюсь различить на моем лице признаки лжи или лукавства. — Всем нам придется чем-то жертвовать, чтобы спастись. Гордость — не такая уж большая плата.

Наверное, Мирослав нашел бы, что мне ответить, но в комнату заглянула Даша и бросила:

— Они вернулись.

Мирослав дернулся, а я подскочила, как ошпаренная. Страх вернулся вместе с чувством вины, со стены на меня осуждающе смотрел картинный Эрик. В полумраке скулы его выделялись особенно отчетливо, а светлые, полупрозрачные глаза горели праведным гневом.

Портретный Эрик злился.

— Ты не виновата, ясно, — твердо сказал Мирослав, будто прочтя опасения на моем лице.

Ясно. Куда уж яснее? Только ясность не вернет Аллу...

И я почему-то задумалась, а чувствует ли Эрик что-нибудь, когда умирает кто-то из скади? Ведь ему достается кен умершего.

В коридоре суетились люди. Стекались мелкими ручейками к лестнице, спешили в гостиную, где уставшие и вымотанные тяжело дышали возвратившиеся воины.

Они были целы. Глеб, увлеченно хвастающийся защитницам удачной вылазкой,

молчаливый Роб, уткнувшийся лицом в волосы жены, Альфред — как всегда спокойный и собранный. Блуждающая улыбка на отрешенном лице, мудрость во взгляде, желание уединиться где-нибудь с книгой. Игорь, успокаивающий лепечущую Риту. Кирилл, прислонившийся плечом к мраморной колонне и держащийся рукой за бок. Ранен? Устал? Отсюда и не поймешь, а ступать по лестнице было страшно — сразу привлеку внимание. Вот я и стояла, замерев в нерешительности, пытаюсь оценить масштабы катастрофы.

Эрик, конечно же, вернулся. Как и Влад. Тот обнимал за плечи сына, заметно выросшего и окрепшего за эти годы. Влад гордился им. Хвалил. И Ира кроткой тенью улыбалась рядом. Дима пыжился от важности, рассказывая, как им пришлось противостоять охотникам.

Майя посмеивалась — уж она-то знала, что опаснее всего было внизу, в гостиной, среди десятков врагов, вошедших через дверь. И именно она, ее сила, в итоге нас спасла.

Хегни держались отстраненно, собравшись у камина. Аделаида изучала пол, когда Филипп о чем-то тихо говорил с соплеменниками. Меня не покидало ощущение, что хегни скоро покинут дом — слишком опасным Филиппу виделось совместное проживание со скади и атли. К тому же, с Владом они по-прежнему не ладили. Если можно так назвать презрительные попытки Влада не замечать своего бывшего жреца.

Дарла и Алиса терлись возле Эрика, что, собственно, меня ни капли не удивило. Скорее всего, рассказывали о произошедшем. О том, как охотники прорвались, о том, как Алла...

Слезы тут же навернулись на глаза, и я постаралась их сморгнуть. Не хватало еще раз разреветься — мало, что ли, позора?

Мирослав похлопал меня по плечу.

— Идем?

— Да...

Нас заметили на середине лестницы. Влад поднял глаза, потом Эрик. Под его взглядом я растерялась окончательно. Замерла, не в силах сделать и шага, и Мирослав поддержал меня за локоть.

Тяжело. Ступать со ступеньки на ступеньку, держать спину прямой, а подбородок вздернутым, сдерживать слезы.

Эрик шагнул в нашу сторону, и говорящая что-то по инерции Алиса замолчала. Мазнула по мне колючим взглядом и отвернулась к Дарле.

У самого основания лестницы меня схватили за руку. Я обернулась, и Даша отчаянно прошипела мне на ухо:

— Не говори Эрику. Об охотнике. — И добавила почти жалобно: — Пожалуйста...

Я кивнула чисто машинально. Ведь и так не собиралась рассказывать, да и не до того совсем... А через секунду он меня обнял.

От него пахло гарью. Мокрым снегом. Карамелью. И я не могла понять, какой запах чувствовался острее. Поэтому просто уткнулась носом в его куртку и из последних сил сдерживала слезы.

— Я горжусь тобой, — шепнул он мне в волосы. Тихо, ласково, серьезно.

Годится? Чем? Из-за меня же Алла...

Тело непроизвольно затряслось в сухих еще рыданиях. Горло рвало спазмом, на плечи, казалось, давил целый мир. Ничего, теперь уже легче — Эрик ведь меня держит. Не упаду.

Но обида все же вырвалась колкой фразой:

— Никогда... Больше никогда не заставляй меня быть собой!

Он отстранил меня, внимательно всмотрелся в лицо и кивнул.

— Никогда.

— Что делать с охотником? — спросил со второго этажа Антон. — Мы же не оставим его в доме! Эрик?

Эрик тут же поменялся в лице и, хоть все еще смотрел на меня, взгляд стал колючим и холодным, а на скулах заходили желваки. Гомон в гостиной затих, Эрик отвечать не торопился, и слышалось, как тикают часы на каминной полке — такой гробовой была тишина в комнате.

А потом Влад спокойно сказал:

— Этот охотник под защитой атли. Я за него ручаюсь.

— Андрей! — выдохнула я, и Эрик нахмурился. — Где?..

Он перевел взгляд на Антона, и тот растерянно ответил:

— На третьем, в пустой комнате. Четвертая дверь справа...

Я посмотрела на Эрика и, видимо, выглядела в тот момент жалобно, потому что он вздохнул и недовольно кивнул:

— Иди уже.

Я пошла. Развернулась и буквально взлетела по лестнице, не обращая внимания на ноющее колено — мимо ошарашенного Антона, мимо Эли, спускающейся вниз с подносом, мимо защитниц альва. Наверх — к живому другу, которого несколько раз мысленно похоронила.

Успею еще себя казнить, сейчас не время.

В коридоре на третьем моргала лампочка, словно жаловалась на присутствие врага в доме. Мягкий ковер скрадывал шаги. Тепло окутывало, соблазняло все бросить и спуститься вниз, на второй этаж, ближе к кровати.

Я устала. В спертом воздухе отчетливо чувствовался дух смерти. Проветрить бы...

Поравнявшись с нужной комнатой, я толкнула дверь. Внутри было темно. Пыльно. В углу бесформенной кучей лежал старый хлам — стул с обломанной ножкой, ржавая стремянка, пустые банки из-под краски. Мусор, который и на чердак-то выносить не стоит, не то, чтобы в комнате хранить. Ковер на полу поистерся и скалился дырами, в углах поселилась мохнатая паутина. Тут убирают вообще? Свалка, а не спальня!

А ведь Андрея специально принесли сюда. И не уложили даже — бросили. Сгрузили на кровать и закрыли дверь.

Враг в доме. Только вот какой он враг? Побитый весь, слабый...

Андрей лежал на кровати поверх застиранного шерстяного пледа и, казалось, спал. Лицо пестрило синяками и ссадинами, правый глаз заплыл, щека опухла, а висок был неаккуратно залеплен лейкопластырем. Лейкопластырь потемнел от пыли и топорщился клейкими краями.

Костяшки пальцев на руках Андрея были стесаны, одежда испачкана и кое-где изорвана. Казалось, его тащили по грязному, щербатому полу и били одновременно.

Он глубоко и тягостно вдохнул и сипло выдохнул. Дрогнули ресницы, наморщился лоб, с губ сорвался едва различимый стон, и я невольно коснулась его руки — чтобы утешить, облегчить хоть чем-то незавидную участь отвергнутого своими же охотника.

— Поля... — шепнул он, открыв здоровый глаз.

— Тсс, уже все хорошо.

Голос гортанный, хриплый, и слезы по щекам снова. Сколько их там, внутри? Казалось,

за эти дни я все выплакала. Тома, Барт, Алла. Теперь вот еще Андрей...

— Поля, — повторил он, как мантру и склонил голову влево, пытаясь осмотреться. — Где...

— У скади, — поспешно ответила я, присела рядом и поспешно соврала: — Сейчас другую комнату приготовят. Белье, там, полотенца. Полы протрут. Ты уж потерпи...

— Спасибо.

Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой, рваной. Из разбитой губы сочилась кровь.

— Я скучала, — призналась я тихо. — Очень.

— Это еще не конец. Богдан ждет пополнение с запада. Охотники направляются в Липецк. Лучше уехать, переждать.

— Нет! — резко перебила я. — Я не сбегу. Не в этот раз. Сегодня мы выстояли почти без воинов. И в следующий раз выстоим. А Богдана этого я лично приблю, обещаю!

Андрей вздохнул. Глаза прикрыл, будто я сказала что-то плохое, недостойное. Рука дернулась, мазнула по покрывалу. Тишина. Только стены гудят — ветер в трубах. А из окна рассвет смотрит — серый, заштрихованный снегом.

Война. Верю ли я, что это происходит на самом деле? И Андрей теперь... Как? Что... Кто мы?

— Богдан был отличным парнем, — сказал он тихо. Глаз открывать не стал, так и лежал зажмурившись, и ладонь обмякла в моей руке. — Мы с ним прошлую войну прошли плечом к плечу. Он почти не убивал, жалел хищных. Пару раз давал уйти целому племени. Я его прикрывал, как мог... А потом Мишель... Мишеля он тебе простить не смог.

— Хочешь сказать, я должна простить ему Аллу? Алла погибла сегодня! — взорвалась я.

— Ничего я не хочу сказать, Полина, — устало ответил Андрей. — Я знаю его другим, и мне тяжело смотреть на то, что происходит. Охотниками так просто не становятся...

Верно, не становятся. Нужно потерять. Отчаяться. Разозлиться. Сойти с ума от горя. Только так можно заполучить благодать, пройти испытания богов и доказать, что ты достоин.

Чего? Убивать?

Ведь теперь я знаю, что все они — лишь слабая тень Хаука. Полуразвоплотившиеся духи, туман, ничто. А вот он... Его светящиеся щупальца, живая, первородная ярость, взгляд, сбивающий с ног. Он достоин, его сами боги послали.

Выстоим ли мы? Есть ли шанс?

— Мне все равно, — глухо сказала я и убрала руку. — Если Богдан еще раз нападет, я его убью. Потому что сейчас мне не до жалости. Первые идут.

Немая сцена. Андрей с вытаращенным глазом — второй заплывал с каждой секундой все больше, и щека опухала, сползая вниз. И ведь не поможешь ничем — охотник. Лекари хищных тут бессильны, а то я бы уже прислала Элю.

Нужно и правда унести Андрея из этого свинарника. В конце концов, я здесь хозяйка, и имею право...

— Как... Первые? Куда идут?

Дурацкая ситуация. И рассказать бы: о Крее, о смерти Барта, о портале. О видении. Но почему-то не получается. Только хихиканье истеричное и ком в груди. Тяжелый, давит.

— Хаук, представляешь?! — Я встала и отвернулась, торопливо стирая слезы и глупую улыбку — полустраха, полубезумия. — Чертов Хаук. Лив. Херсир и Гарди. Они...

— Первые... существуют? — совершенно искренне удивился Андрей. Хотела бы я уметь так искренне удивляться. И верить в лучшее.

От будущего веяло бедой. Неотвратимостью. Тяжелыми решениями. Болью. Потерями. От ощущений этих щемило в груди. Наверное, все же усталость, не хочется верить в плохие предчувствия. Нужно выспаться. Но сначала устроить Андрея.

— Я сама не верила. Но лично видела, как открылся портал. А потом видение. Лив и Хаук. Они придут, Андрей. Скоро.

Андрей молчал долго. И я молчала. Снег мягко ложился на подоконник, в коридоре прошаркали чьи-то шаги. И снова стало тихо, словно дом уснул.

— Твой муж, — наконец, тихо сказал охотник, — ненавидит нас всех. Ему нравится убивать, и когда он дерется, в нем живет зверь. Он бы и меня, наверное... если бы не Влад.

Я кивнула.

— Поэтому я и просила Влада. Но Эрик не зверь. Он просто... запутался. Но я помогу ему, и все будет хорошо.

Знать бы тогда, как оно будет. Но я не знала. Потому и верила, что все у нас получится.

Глава 5. Предвестники беды

На другой комнате для Андрея я настояла. И взгляд Эрика — недовольный, с вкраплениями рождающейся злости — выдержала. Скади удивились, конечно, но спорить не стали. Лишь молча качали головами и понимающе кивали шепоткам Лары — защитница с удовольствием делилась с соплеменниками воспоминаниями о моих похождениях.

Впрочем, мне было плевать. Лишь добравшись до спальни, я упала на кровать — как была, не раздеваясь, и провалилась в сон. Снился мне Хаук. В этот раз он не пугал, и вообще никому не угрожал. Стоял на горе молитв и всматривался вдаль — туда, где в закате предусмотрительно быстро скрылся Херсир, оставив ар и прошлую жизнь. Лицо охотника еще не хранило отпечатков страшных битв — гладкое, не испорченное шрамом, солнцем и ветрами, лицо молодого палача. И лишь глаза, зоркие и прищуренные глаза сокола, выдавали в нем убийцу.

А под утро мне приснилась Алла. Сильная амазонка в костюме из кожи, на поясе — короткий меч, на голове — повязка из темного хлопка. Она улыбалась пустыне в хельзе, а за ее спиной готовая драться выжидала армия хельинов. Был ли этот сон вещим? Я не знала и вряд ли когда-нибудь найду Аллу в хельзе.

Призрак Аллы мучил меня долго. Просыпаясь ночью, я утыкалась в пропитанную липким потом подушку и душила рыдания, рвущиеся из груди. В такие моменты кровать все чаще оказывалась пустой и холодной, Эрик возвращался под утро — усталый и задумчивый. Целовал меня в лоб и долго лежал, обнимая, а я замирала пойманной птицей с израненным крылом.

Мне не хватало его и почему-то казалось, подсознательно он все же винит меня в смерти Аллы. После похорон он долго стоял над ее могилой, забросанной белыми цветами. А когда мы уезжали, задержался — ненадолго, на несколько минут — у двух сглаженным временем холмиков, припорошенных снегом. «Божена» и «Эдмунд» гласили таблички.

Родителей Эрик так и не отпустил.

На следующий день в дом скади вернулись альва. Будто и не уезжали — заняли опустевшие после отъезда комнаты, и все встало на свои места. С альва в доме стало спокойнее. Возможно, ощущение надежности проснулось из-за прошлой войны, а может, из-за последней битвы с охотниками, когда Мирослав здорово меня поддержал.

Вопреки ожиданиям, хегни не съехали. Понемногу страх улегся, обстановка перестала быть нервной, и Филипп улыбался по утрам, встречая меня в столовой.

Андрей поправлялся быстро — кен охотника и ускоренная регенерация творят чудеса. Правда, комнату он покидал редко, все чаще сидел за книгами в старинном кресле у окна. Плед, томик Брэдбери и рассеянный, затравленный взгляд. И я приходила к нему трижды в день, приносила поесть и книги из библиотеки, а по вечерам садилась на подоконник и смотрела на улицу. Охотник все чаще молчал, много читал, мало и ужимисто улыбался и наверняка хотел сбежать из дома, наполненного хищными.

Бежать было некуда. Богдан не объявлялся, но ищейки скади уверенно утверждали: охотники в городе, их много и они затаились, выжидая удобного для нападения момента. Впрочем, у нас были защитные амулеты Альрика, летописи охотников, методично расшифровываемые жрецами, десять боевых заклинаний и личные записи Альрика с

отчетами его безумных экспериментов.

Уныние овладевало мной основательно и прочно и, наверное, овладело бы полностью, если бы не Влад. Он нашел меня на пыльном чердаке, среди заброшенных, забытых картин, обломков старой мебели, в запутанном паутиной углу. Сначала я хотела здесь прибраться, но постепенно мне понравилась статика этого места, куда никто, кроме меня и Даши не ходил. Я видела ее иногда, спускающейся с лестницы, что вела к массивному деревянному люку. Защитница стирала остатки слез и несколько раз глубоко вдыхала, прикрывая глаза. Старалась успокоиться и вернуть привычную маску уверенности сестры вождя.

На чердаке Даша общалась с собственными демонами.

В такие моменты я старалась стать незаметной, юркнуть в одну из гостевых комнат, чтобы она меня не заметила. Одиночество — иногда необходимое лекарство.

Жаль только, Влад был со мной не согласен. Скрипнули старые петли люка, над полом показалась светловолосая голова, а потом и весь Влад — ворвался в мое убежище и заполнил собой почти все пространство, нарушая столь необходимое уединение.

— Все себя изводишь?

Мы почти не общались после яростного разговора о Барте, и я не стремилась пойти на контакт. Поэтому отвернулась к стене, обнимая колени, и уткнулась в них подбородком.

— Прекрати, пророчица. Ты ни в чем не виновата. Мы потеряли пятерых в нашей вылазке, а достали пару безделушек. Ты же защитила дом.

Я покачала головой и невольно хмыкнула. Для Влада люди всегда были лишь солдатами, и он измерял их численностью. Люди, которые не близки.

Для близких существовали свои, отдельные правила.

— Для меня все не так. И я не хочу жить с мыслью, что завтра погибнет кто-нибудь из скади, атли или альва. Зачем жить, постоянно ожидая смерти?

— Если ждать, то смысла нет, — согласился Влад, хлопнул входным люком и шагнул к стопке прислоненных к стене картин. Провел пальцем по пыльной раме и сделал вид, что изучает молекулярный состав грязи. — Но ты не жди. Живи. Отпусти, наконец, тех, кто погиб. Мы потеряли пятерых, Эрик лишился двоих воинов. Что, ты думаешь, будет, если он станет жалеть себя? Это война, Полина. Ты не сможешь спрятать всех под крылом, как насадка — цыплят. И должна понимать, что каждый из нас может погибнуть. Будь готова хоронить людей.

— Я — не ты, — огрызнулась я. — Не нужно внушать мне свою философию наплевателя.

— В том-то и дело, что мне не наплевать. Но жалеть себя — последнее дело. Это слабость, и враг использует ее, не сомневайся.

— Не только враг, — язвительно поправила я. — Ты тоже пользовался.

— Верно, — кивнул он. — Твои слабые места видны отлично.

— Иногда я тебя ненавижу...

Мало места, и воздух в надежном до этого момента убежище спертый. Злость просыпается: в конце концов, это мой дом, а я даже спрятаться в нем не могу! Запретить, что ли, посторонним подниматься сюда? Интересно, на это у меня хватит полномочий?

Впрочем, умом я понимала: ненавидеть Влада глупо. Он прав, слабостей у меня предостаточно, и если не охотники используют их, то Первые точно. А Барт не для того меня готовил...

Для чего?

Ответа на этот вопрос не было. Был кен в жиле — чистая ярость сольвейга. Был опыт — злой, колючий и познавательный. Была неизвестная мне миссия. А еще видение.

Когда я рассказала о нем Эрику, он нахмурился. Молчал, постукивая пальцами по столешнице, и на меня не смотрел. А потом начались отлучки по ночам. Спрашивать, куда он уходит от меня, было боязно. Иррациональный, нелогичный и совершенно обезоруживающий страх мешал спросить. Смыкал губы, и рвущиеся на волю слова застревали в горле.

— Мне не привыкать, — горько усмехнулся Влад и повернулся к выходу. И уже спускаясь, возвращая мне уединение, повернулся на шаткой лестнице и сказал: — Не смей расклеиваться! Охотники придут снова, и ты нужна скади.

Наверное, с высоты поста вождя, жизни соплеменников кажутся мельче. С моей колокольни каждая капля крови, каждый стекленеющий взгляд ощущался острее. И для ненависти действительно нет причин — мы просто разные.

— Влад, — окликнула я его, когда он почти захлопнул люк. Он обернулся, как всегда, с невозмутимым лицом, на котором я, наверное, никогда не научусь читать. — Спасибо, что вытащил Андрея.

Он улыбнулся уголками губ и ответил:

— Не за что, пророчица.

А через несколько дней я поняла, где все это время пропадал Эрик. Ревность шевельнулась, поскреблась в груди злой кошкой и снова свернулась клубком. Изображать радушную хозяйку, когда в дом приходит неприятный тебе человек, всегда сложно. Наверное, именно поэтому улыбка вышла натянутой и совершенно неискренней. Язвительные слова рвались на волю, но я душила их в зародыше — в одной из комнат наверху жил Андрей, и я знала, насколько нелегко далось Эрику это решение. Значит, и я постараюсь принять его гостя, как полагается.

Гектор был серьезен. Не напуган, нет — таких, как он, не испугаешь грядущей бедой. Озабочен. Малословен, задумчив и готов идти на компромиссы.

Он смешно оттопыривал мизинец, отпивая из чашки давно остывший чай. Спина его была ровной, а серый костюм идеально выглаженным. В до блеска начищенных ботинках отражались блики настенных бра. Ясновидец смотрел на меня изучающе, но не зло. Ненависть сошла на нет с излечением Лидии, ссориться больше не имело смысла, но я все еще помнила и его серый, вязкий кен, и боль в жиле, когда я с усилием выталкивала его наружу. А еще одинокие ночи и мокрую от слез подушку. Жар амулета Эрика. Барта, который...

Последние воспоминания ранили особенно, невольно усиливая неприязнь к Гектору.

— Зачем он здесь? — вырвалось у меня против воли. Щеки полыхнули, жар перекинулся на уши и затылок, но взгляда я не отвела.

— Гектор поможет поставить защиту, — невозмутимо объяснил Эрик и откинулся на спинку высокого кресла. Наблюдать за нами, похоже, было интересно, поэтому разговор он не начинал, и до этого вопроса мы пили чай в абсолютном молчании. Лишь дрова в камине трещали — видимо, принесли сырые, и они не успели просохнуть. А еще бурые ветви бились в окно, будто бы хотели внутрь, в тепло. Атли уехали на место, некогда бывшее их источником, альва — за остатками вещей. Хегни спрятались наверху и притихли, словно мыши в ожидании прихода кота. — Ясновидцы умеют скрываться не только от хищных. От охотников тоже.

— А ему это зачем?

Знаю, говорить о человеке в третьем лице в его присутствии невежливо. Но Гектор, похоже, совершенно не обиделся и даже не смутился. Подался вперед, ставя чашку на поднос, и улыбнулся уголками губ.

— Первые опасны не только для вас, — сказал ясновидец. — Я пришел просить Эрика принять свой клан в вашем доме. Скоро все переменится, и жертвы будут в каждом из видов.

— В доме скади живет четыре племени хищных, — повернулась я к Эрику. — Четыре! Как ты собираешься удерживать их от искушения выпить кого-нибудь из его клана?

— Никто не посмеет, — спокойно ответил Эрик.

— Скади не посмеют, если ты прикажешь, — кивнула я. — Но остальные? Атли. Альва. Хегни. Как сдержишь их?

— Захотят жить в защищенном доме, придется подчиниться. Напомнить, что охотник тоже здесь живет?

Живет. Правда, Эрик готов взглядом прожечь дверь той комнаты, особенно когда я оттуда выхожу. Он хмурится и отвечает односложно. Недовольно, ворчливо. И лишь спустя некоторое время отходит и улыбается. Я терплю. Ради Андрея. Потому что он мой друг, и я его ни за что не брошу.

Гектор другом не был. Но не был и врагом. И Эрик, как никто, понимал: в будущем противостоянии мы должны использовать все, что у нас есть, даже больше. Это «больше» он привел в дом.

— Я видел охотника, — тихо и будто бы по секрету сказал ясновидец. Склонился над журнальным столом, обвел пальцем ободок чашки. Даже Эрик подался вперед, мышцы на его лице напряглись, по скулам заходили желваки, а глаза сузились, напоминая глаза леопарда перед прыжком.

— Хаука, — подтвердил Гектор еще тише, и шелестящие звуки, треща, сгорали в воздухе.

— Где?

В голосе Эрика — напряжение, а я даже слова не могу из себя выдавить. Хаука? У нас? Ну конечно, ведь портал открылся именно в Липецке. Странно было бы предполагать, что он начнет не с нас.

Предполагать хотелось. И я даже поверила, отвлеклась на войну с охотниками, на разборки с остатками их армии, которая после смерти Альрика напоминала неслаженную толпу. Забылась. А ведь видения не врут. Никогда.

— В Подмосковье, — опроверг мои предположения Гектор. — Там живет клан Олега. Хаук ищет Херсира, Эрик. И когда найдет...

— Если найдет, — поправил Эрик.

Неважно, найдет или нет. Рано или поздно Хаук начнет убивать, если уже не начал. Хищным точно не выстоять.

— Если не найдет, он будет искать тебя.

Воздух — склизкий студень, не вдохнуть. Темнеет... Зимой всегда рано темнеет, и с темнотой приходит страх. Эрик спокоен и задумчив, а я не могу пошевелиться — нет, не от страха — от ужаса.

Почему я не задумывалась об этом раньше? Почему даже мысли не возникло, а ведь она должна была... первым делом...

Хауку нужна кровь. Кровь Херсира. И если он не найдет его самого, то отыщет его

потомков в этом доме.

И никому уже не спастись, разве что...

— Ясновидцы умеют ставить защиту от охотника?

Гектор качает головой. Улыбка у него грустная, и сам ясновидец бледен, а ведь еще секунду назад на щеках пылал румянец — камин горит ярко и пышет жаром. Я даже свитер сняла. На скулах у старика пляшут тени, и кажется, его серый кен горит под кожей.

— Не ясновидцы. И не хищные. Но мы вместе — да. Для этого нужна смесь, и я готов поделиться.

Он говорит, но на лице его — обреченность. У него получилось бы скрыть, и навыки видны, только я научилась различать за эти годы. Гектор видел что-то, что не так радужно, как он хочет показать. Впрочем, мне он все равно не скажет.

— Я готов поделиться, — повторяет он, не сводя с меня серых, пронизательных глаз. — Готова ли ты?

Я чувствую связь между нами. То, что всегда объединяло провидцев. Дар? Проклятие? На этой войне и не скажешь. Да и так ли это важно? Есть события, предотвратить которые нельзя.

Тогда я не знала, что в большой гостиной скади, заполненной полумраком, в тишине, нарушаемой лишь треском дров в камине, решалась судьба наших видов. Впрочем, для меня, как для песчинки в пустыне, части целого, это было вторично.

В гостиной скади Гектор увидел будущее, касающееся лично меня. Предназначение, о котором говорил Барт и о котором частично умолчал. То, о котором писал Гуди в книге Арендрейта.

То, которое не предотвратить.

Мою смерть.

Глава 6. Новые союзники

На другой комнате для Андрея я настояла. И взгляд Эрика — недовольный, с вкраплениями рождающейся злости — выдержала. Скади удивились, конечно, но спорить не стали. Лишь молча качали головами и понимающе кивали шепоткам Лары — защитница с удовольствием делилась с соплеменниками воспоминаниями о моих похождениях.

Впрочем, мне было плевать. Лишь добравшись до спальни, я упала на кровать — как была, не раздеваясь, и провалилась в сон. Снился мне Хаук. В этот раз он не пугал, и вообще никому не угрожал. Стоял на горе молитв и всматривался вдаль — туда, где в закате предусмотрительно быстро скрылся Херсир, оставив ар и прошлую жизнь. Лицо охотника еще не хранило отпечатков страшных битв — гладкое, не испорченное шрамом, солнцем и ветрами, лицо молодого палача. И лишь глаза, зоркие и прищуренные глаза сокола, выдавали в нем убийцу.

А под утро мне приснилась Алла. Сильная амазонка в костюме из кожи, на поясе — короткий меч, на голове — повязка из темного хлопка. Она улыбалась пустыне в хельзе, а за ее спиной готовая драться выжидала армия хельинов. Был ли этот сон вещим? Я не знала и вряд ли когда-нибудь найду Аллу в хельзе.

Призрак Аллы мучил меня долго. Просыпаясь ночью, я утыкалась в пропитанную липким потом подушку и душила рыдания, рвущиеся из груди. В такие моменты кровать все чаще оказывалась пустой и холодной, Эрик возвращался под утро — усталый и задумчивый. Целовал меня в лоб и долго лежал, обнимая, а я замирала пойманной птицей с израненным крылом.

Мне не хватало его и почему-то казалось, подсознательно он все же винит меня в смерти Аллы. После похорон он долго стоял над ее могилой, забросанной белыми цветами. А когда мы уезжали, задержался — ненадолго, на несколько минут — у двух сглаженным временем холмиков, припорошенных снегом. «Божена» и «Эдмунд» гласили таблички.

Родителей Эрик так и не отпустил.

На следующий день в дом скади вернулись альва. Будто и не уезжали — заняли опустевшие после отъезда комнаты, и все встало на свои места. С альва в доме стало спокойнее. Возможно, ощущение надежности проснулось из-за прошлой войны, а может, из-за последней битвы с охотниками, когда Мирослав здорово меня поддержал.

Вопреки ожиданиям, хегни не съехали. Понемногу страх улегся, обстановка перестала быть нервной, и Филипп улыбался по утрам, встречая меня в столовой.

Андрей поправлялся быстро — кен охотника и ускоренная регенерация творят чудеса. Правда, комнату он покидал редко, все чаще сидел за книгами в старинном кресле у окна. Плед, томик Брэдбери и рассеянный, затравленный взгляд. И я приходила к нему трижды в день, приносила поесть и книги из библиотеки, а по вечерам садилась на подоконник и смотрела на улицу. Охотник все чаще молчал, много читал, мало и ужимисто улыбался и наверняка хотел сбежать из дома, наполненного хищными.

Бежать было некуда. Богдан не объявлялся, но ищейки скади уверенно утверждали: охотники в городе, их много и они затаились, выжидая удобного для нападения момента. Впрочем, у нас были защитные амулеты Альрика, летописи охотников, методично расшифровываемые жрецами, десять боевых заклинаний и личные записи Альрика с

отчетами его безумных экспериментов.

Уныние овладевало мной основательно и прочно и, наверное, овладело бы полностью, если бы не Влад. Он нашел меня на пыльном чердаке, среди заброшенных, забытых картин, обломков старой мебели, в запутанном паутиной углу. Сначала я хотела здесь прибраться, но постепенно мне понравилась статика этого места, куда никто, кроме меня и Даши не ходил. Я видела ее иногда, спускающейся с лестницы, что вела к массивному деревянному люку. Защитница стирала остатки слез и несколько раз глубоко вдыхала, прикрывая глаза. Старалась успокоиться и вернуть привычную маску уверенности сестры вождя.

На чердаке Даша общалась с собственными демонами.

В такие моменты я старалась стать незаметной, юркнуть в одну из гостевых комнат, чтобы она меня не заметила. Одиночество — иногда необходимое лекарство.

Жаль только, Влад был со мной не согласен. Скрипнули старые петли люка, над полом показалась светловолосая голова, а потом и весь Влад — ворвался в мое убежище и заполнил собой почти все пространство, нарушая столь необходимое уединение.

— Все себя изводишь?

Мы почти не общались после яростного разговора о Барте, и я не стремилась пойти на контакт. Поэтому отвернулась к стене, обнимая колени, и уткнулась в них подбородком.

— Прекрати, пророчица. Ты ни в чем не виновата. Мы потеряли пятерых в нашей вылазке, а достали пару безделушек. Ты же защитила дом.

Я покачала головой и невольно хмыкнула. Для Влада люди всегда были лишь солдатами, и он измерял их численностью. Люди, которые не близки.

Для близких существовали свои, отдельные правила.

— Для меня все не так. И я не хочу жить с мыслью, что завтра погибнет кто-нибудь из скади, атли или альва. Зачем жить, постоянно ожидая смерти?

— Если ждать, то смысла нет, — согласился Влад, хлопнул входным люком и шагнул к стопке прислоненных к стене картин. Провел пальцем по пыльной раме и сделал вид, что изучает молекулярный состав грязи. — Но ты не жди. Живи. Отпусти, наконец, тех, кто погиб. Мы потеряли пятерых, Эрик лишился двоих воинов. Что, ты думаешь, будет, если он станет жалеть себя? Это война, Полина. Ты не сможешь спрятать всех под крылом, как насадка — цыплят. И должна понимать, что каждый из нас может погибнуть. Будь готова хоронить людей.

— Я — не ты, — огрызнулась я. — Не нужно внушать мне свою философию наплевателя.

— В том-то и дело, что мне не наплевать. Но жалеть себя — последнее дело. Это слабость, и враг использует ее, не сомневайся.

— Не только враг, — язвительно поправила я. — Ты тоже пользовался.

— Верно, — кивнул он. — Твои слабые места видны отлично.

— Иногда я тебя ненавижу...

Мало места, и воздух в надежном до этого момента убежище спертый. Злость просыпается: в конце концов, это мой дом, а я даже спрятаться в нем не могу! Запретить, что ли, посторонним подниматься сюда? Интересно, на это у меня хватит полномочий?

Впрочем, умом я понимала: ненавидеть Влада глупо. Он прав, слабостей у меня предостаточно, и если не охотники используют их, то Первые точно. А Барт не для того меня готовил...

Для чего?

Ответа на этот вопрос не было. Был кен в жиле — чистая ярость сольвейга. Был опыт — злой, колючий и познавательный. Была неизвестная мне миссия. А еще видение.

Когда я рассказала о нем Эрику, он нахмурился. Молчал, постукивая пальцами по столешнице, и на меня не смотрел. А потом начались отлучки по ночам. Спрашивать, куда он уходит от меня, было боязно. Иррациональный, нелогичный и совершенно обезоруживающий страх мешал спросить. Смыкал губы, и рвущиеся на волю слова застревали в горле.

— Мне не привыкать, — горько усмехнулся Влад и повернулся к выходу. И уже спускаясь, возвращая мне уединение, повернулся на шаткой лестнице и сказал: — Не смей расклеиваться! Охотники придут снова, и ты нужна скади.

Наверное, с высоты поста вождя, жизни соплеменников кажутся мельче. С моей колокольни каждая капля крови, каждый стекленеющий взгляд ощущался острее. И для ненависти действительно нет причин — мы просто разные.

— Влад, — окликнула я его, когда он почти захлопнул люк. Он обернулся, как всегда, с невозмутимым лицом, на котором я, наверное, никогда не научусь читать. — Спасибо, что вытащил Андрея.

Он улыбнулся уголками губ и ответил:

— Не за что, пророчица.

А через несколько дней я поняла, где все это время пропадал Эрик. Ревность шевельнулась, поскреблась в груди злой кошкой и снова свернулась клубком. Изображать радушную хозяйку, когда в дом приходит неприятный тебе человек, всегда сложно. Наверное, именно поэтому улыбка вышла натянутой и совершенно неискренней. Язвительные слова рвались на волю, но я душила их в зародыше — в одной из комнат наверху жил Андрей, и я знала, насколько нелегко далось Эрику это решение. Значит, и я постараюсь принять его гостя, как полагается.

Гектор был серьезен. Не напуган, нет — таких, как он, не испугаешь грядущей бедой. Озабочен. Малословен, задумчив и готов идти на компромиссы.

Он смешно оттопыривал мизинец, отпивая из чашки давно остывший чай. Спина его была ровной, а серый костюм идеально выглаженным. В до блеска начищенных ботинках отражались блики настенных бра. Ясновидец смотрел на меня изучающе, но не зло. Ненависть сошла на нет с излечением Лидии, ссориться больше не имело смысла, но я все еще помнила и его серый, вязкий кен, и боль в жиле, когда я с усилием выталкивала его наружу. А еще одинокие ночи и мокрую от слез подушку. Жар амулета Эрика. Барта, который...

Последние воспоминания ранили особенно, невольно усиливая неприязнь к Гектору.

— Зачем он здесь? — вырвалось у меня против воли. Щеки полыхнули, жар перекинулся на уши и затылок, но взгляда я не отвела.

— Гектор поможет поставить защиту, — невозмутимо объяснил Эрик и откинулся на спинку высокого кресла. Наблюдать за нами, похоже, было интересно, поэтому разговор он не начинал, и до этого вопроса мы пили чай в абсолютном молчании. Лишь дрова в камине трещали — видимо, принесли сырые, и они не успели просохнуть. А еще бурые ветви бились в окно, будто бы хотели внутрь, в тепло. Атли уехали на место, некогда бывшее их источником, альва — за остатками вещей. Хегни спрятались наверху и притихли, словно мыши в ожидании прихода кота. — Ясновидцы умеют скрываться не только от хищных. От охотников тоже.

— А ему это зачем?

Знаю, говорить о человеке в третьем лице в его присутствии невежливо. Но Гектор, похоже, совершенно не обиделся и даже не смутился. Подался вперед, ставя чашку на поднос, и улыбнулся уголками губ.

— Первые опасны не только для вас, — сказал ясновидец. — Я пришел просить Эрика принять свой клан в вашем доме. Скоро все переменится, и жертвы будут в каждом из видов.

— В доме скади живет четыре племени хищных, — повернулась я к Эрику. — Четыре! Как ты собираешься удерживать их от искушения выпить кого-нибудь из его клана?

— Никто не посмеет, — спокойно ответил Эрик.

— Скади не посмеют, если ты прикажешь, — кивнула я. — Но остальные? Атли. Альва. Хегни. Как сдержишь их?

— Захотят жить в защищенном доме, придется подчиниться. Напомнить, что охотник тоже здесь живет?

Живет. Правда, Эрик готов взглядом прожечь дверь той комнаты, особенно когда я оттуда выхожу. Он хмурится и отвечает односложно. Недовольно, ворчливо. И лишь спустя некоторое время отходит и улыбается. Я терплю. Ради Андрея. Потому что он мой друг, и я его ни за что не брошу.

Гектор другом не был. Но не был и врагом. И Эрик, как никто, понимал: в будущем противостоянии мы должны использовать все, что у нас есть, даже больше. Это «больше» он привел в дом.

— Я видел охотника, — тихо и будто бы по секрету сказал ясновидец. Склонился над журнальным столом, обвел пальцем ободок чашки. Даже Эрик подался вперед, мышцы на его лице напряглись, по скулам заходили желваки, а глаза сузились, напоминая глаза леопарда перед прыжком.

— Хаука, — подтвердил Гектор еще тише, и шелестящие звуки, треща, сгорали в воздухе.

— Где?

В голосе Эрика — напряжение, а я даже слова не могу из себя выдавить. Хаука? У нас? Ну конечно, ведь портал открылся именно в Липецке. Странно было бы предполагать, что он начнет не с нас.

Предполагать хотелось. И я даже поверила, отвлеклась на войну с охотниками, на разборки с остатками их армии, которая после смерти Альрика напоминала неслаженную толпу. Забылась. А ведь видения не врут. Никогда.

— В Подмосковье, — опроверг мои предположения Гектор. — Там живет клан Олега. Хаук ищет Херсира, Эрик. И когда найдет...

— Если найдет, — поправил Эрик.

Неважно, найдет или нет. Рано или поздно Хаук начнет убивать, если уже не начал. Хищным точно не выстоять.

— Если не найдет, он будет искать тебя.

Воздух — склизкий студень, не вдохнуть. Темнеет... Зимой всегда рано темнеет, и с темнотой приходит страх. Эрик спокоен и задумчив, а я не могу пошевелиться — нет, не от страха — от ужаса.

Почему я не задумывалась об этом раньше? Почему даже мысли не возникло, а ведь она должна была... первым делом...

Хауку нужна кровь. Кровь Херсира. И если он не найдет его самого, то отыщет его

потомков в этом доме.

И никому уже не спастись, разве что...

— Ясновидцы умеют ставить защиту от охотника?

Гектор качает головой. Улыбка у него грустная, и сам ясновидец бледен, а ведь еще секунду назад на щеках пылал румянец — камин горит ярко и пышет жаром. Я даже свитер сняла. На скулах у старика пляшут тени, и кажется, его серый кен горит под кожей.

— Не ясновидцы. И не хищные. Но мы вместе — да. Для этого нужна смесь, и я готов поделиться.

Он говорит, но на лице его — обреченность. У него получилось бы скрыть, и навыки видны, только я научилась различать за эти годы. Гектор видел что-то, что не так радужно, как он хочет показать. Впрочем, мне он все равно не скажет.

— Я готов поделиться, — повторяет он, не сводя с меня серых, пронизательных глаз. — Готова ли ты?

Я чувствую связь между нами. То, что всегда объединяло провидцев. Дар? Проклятие? На этой войне и не скажешь. Да и так ли это важно? Есть события, предотвратить которые нельзя.

Тогда я не знала, что в большой гостиной скади, заполненной полумраком, в тишине, нарушаемой лишь треском дров в камине, решалась судьба наших видов. Впрочем, для меня, как для песчинки в пустыне, части целого, это было вторично.

В гостиной скади Гектор увидел будущее, касающееся лично меня. Предназначение, о котором говорил Барт и о котором частично умолчал. То, о котором писал Гуди в книге Арендрейта.

То, которое не предотвратить.

Мою смерть.

Глава 6. Новые союзники

У ясновидцев свои порядки. Они живут кланами, по утрам приносят молитву богам, становясь на колени и кланясь восходящему солнцу. Они шумные. Веселые. Пугливые, как лани, и немного наивные.

Испуг был. Он отпечатался на лицах подопечных Гектора. Они ступали осторожно, оглядывались по сторонам и тушевались под пристальными взглядами обитателей дома, крепче прижимали к себе немногочисленные пожитки — спортивные сумки, рюкзаки, клетчатые баулы и просто пакеты, набитые вещами.

Законы свергнутой власти больше не действовали, и теперь больше ничто не сдерживало хищных Липецка от охоты на улицах города. Ничто и никто.

Кроме Эрика.

Хищные охотились. Выезжали кучками — в город было опасно, но в соседних деревнях можно было найти ясновидца вне клана. Мало кто отказывал себе в пополнении жилы — в теперешней ситуации это было вопросом выживания. Уверена, Гектор понимал это, когда пришел просить Эрика о помощи.

На прошлой войне мы охотились, несмотря на угрозу. Даже Глеб, хотя сейчас он нашел альтернативный способ, природа его не изменилась — чтобы жить, нужно питаться. Мы не выбирали, кем рождаться. Даже я не смогла сдержаться, когда Гектор предложил свой кен — манящий, сладкий, чарующий. И я выпила, несмотря на то, что сольвейг.

Однако сегодня люди Гектора пришли к нам в дом.

Хищные подобрались. Опасно сверкали глазами и перешептывались. Кучковались у входа в коридор, ведущий в кухню, у каминной полки, у лестницы. На их лицах читалась заинтересованность и осторожность, но, уверена, подсознательно они считали новых гостей добычей.

И тогда я впервые мысленно согласилась с Владом — Эрик безумец. А Гектор действительно отчаялся, раз привел своих сюда.

— Да это же просто праздник жизни! — довольно ухмыльнулся Влад, материализовавшись у моего правого плеча и плотоядно глядя на двух девушек, жмущихся друг к дружке у входной двери. Кажется, одна из них заметила его взгляд и теперь что-то горячо шептала подруге на ухо. Скорее всего, готовила план побега, пока путь к выходу еще не отрезан.

— Прекрати, — сердито ответила я. — Они — наши гости.

— Не гости, а обед, — невозмутимо поправил Влад, опираясь спиной на перила.

— Гости, — упрямо заявила я, хотя в душе не верила. Действительно ведь обед. Одна ссора, один неправильно истолкованный взгляд, и голодные, испуганные хищные сорвутся — даже запрет Эрика не удержит. И тогда... Что? Гектор силен, он будет мстить. А мстить он умеет — я проверила на личном опыте. Спасибо, больше не хочется. Но вслух все же сказала: — Смотрел «Маугли»? Это водное перемирие.

— Мне близка идеология Шерхана. — Влад лениво потянулся, словно кот на солнышке, отлип от перил и сделал обманчиво крадущийся шаг по направлению к входной двери. Одна из девушек вздрогнула и побледнела. Попятилась, прижимая к бедру черную, набитую вещами сумку. Уверена, она была готова бежать хоть сейчас.

— Даже не вздумай! — прошипела я, хватая Влада за рукав. — Забыл, что Андрей здесь? К тому же, Гектор обещал помочь с защитой против Хаука.

— Ну раз король ясновидцев обещал... — усмехнулся Влад и хитро на меня посмотрел. — Кстати, принцесса, похоже, отошла. Даже похорошела как-то. Ты больше не ревнуешь?

«Принцесса» действительно похорошела. Причесалась, нарядилась и оделась в облегающие джинсы и пушистый белый свитер. Стройная, и глаза большие. Они все еще расширены от подсознательного страха, хотя она и стоит за спиной отца. Эрик близко, и Лидия замерла затравленным зверьком.

— Впрочем, какая она теперь соперница? — Голос Влада вкрадчивый и звучит у самого уха. — Трясется вся, будто ее прямо здесь разделают на глазах у папаши. — То ли дело, защитница...

Я невольно проследила за его взглядом. Алиса, конечно, блистала. Черное платье, прекрасно подчеркивающее изгибы и стройные ноги, глубокий вырез, яркий, хотя и не броский макияж. Плавные движения, манящая улыбка. Она всегда старалась быть рядом с Эриком и, если честно, меня это жутко злило. И ее тихий, слегка хриловатый голос, и хищный взгляд, который она прятала под пушистыми ресницами, и манера одеваться.

— Алиса мне не соперница, — бесстыдно соврала я.

Влад резко посерьезнел и странно на меня посмотрел. Я уже и забыла, какие у него бывают взгляды — пристальные, изучающие, настораживающие. Будто он знает то, чего не знаю я.

— Ты права.

И тембр голоса затерся в памяти. В последнее время он все чаще язвит, словно защищается. От меня? Глупо. Наши баталии всегда заканчиваются резко, словно тумблер отключается, когда секундная стрелка подходит к максимуму, отмерянному нам на пререкания.

Мгновение — и все прошло. И муть в глазах, и серьезность. Ироничная улыбка, взгляд ушел в сторону до сих пор мнущихся у порога ясновидец. А потом и улыбка сползла с лица, сменяясь недовольством.

— Измайлов, похоже, решил, что у него медовый месяц, — проворчал Влад и сложил руки на груди.

Я проследила за его взглядом, и улыбнулась Глебу, вносящему вещи Ники в дом. Вот кто точно рад гостям. Вернее, гостье.

Ника смеялась одной из его шуток и выглядела не менее довольной. Громко стучала каблуками, стряхивая остатки снега на коврик у двери. Щеки ее покраснелись, глаза блестели, а улыбка невероятно красила и без того симпатичное лицо.

Ника заметила меня и подмигнула.

— Альрик мертв, так что не вижу проблем, — пожалала я плечами.

— Ну да, а еще удобно — личный источник кена всегда под рукой.

— Глеб — не ты, — сердито ответила я. — Он не думает о Нике... в таком ключе.

— Думает или нет, неважно. Результат все равно один. Хотя, наверное, так будет лучше — хоть не подставится.

— Не надоело быть циником?

— Циником быть проще, — усмехнулся он, продолжая рассматривать шатенку с черной сумочкой. — Помогает избавляться от иллюзий.

— Иногда мне кажется, ты родился уже без иллюзий, — проворчала я.

— Ты так говоришь, будто в этом есть что-то плохое, — усмехнулся он. — Кто-то же должен быть в трезвом уме, когда ты сходишь с ума и бросаешься на амбразуру. Иначе кто будет тебя спасать?

— Тебя никто не просит спасать меня, Влад.

Ника махнула мне рукой, подзывая. Разговор снова зашел не в то русло, насмешки порядком надоели, поэтому я без зазрения совести приняла ее приглашение. И уже в спину услышала горькое:

— В том-то и беда. Ты даже не просишь...

...Я любила широкие подоконники. Тот, что в кабинете — особенно. Подушка, пушистый плед, книга — и на несколько часов можно забыть о туманном будущем с разъяренными охотниками и таинственными Первыми.

Похоже, уединяться любила не только я.

Она скользнула в дверь незаметно, полупрозрачной тенью. Закрыла ее и прислонилась спиной к косяку, облегченно выдыхая. Глаза закрыла ладонями, будто пыталась спрятаться за ними от мира. Мне даже неловко стало, что я нарушаю своим присутствием гармонию ее пристанища.

Но лишь на секунду. Потом она убрала руки от лица и увидела меня.

— О... — Громкий выдох, смущение и вина. Эти эмоции ей не шли. — Привет.

Неловко не было. Я вложила закладку между страниц и захлопнула книгу. Кутаясь в полумрак, Лидия осторожно сделала шаг по направлению ко мне и остановилась.

— Не бойся, — сказала я. — Здесь тебя никто не съест.

Прозвучало двусмысленно. Она покраснела и опустила глаза, а мне почему-то вспомнился Влад и взгляды, которые он бросал на молодых ясновидец. Странно, что именно он, ведь Эрик выпил Лидию...

Давно. Почти что в прошлой жизни.

— Да, я... знаю. Ваше племя дружелюбно. — Она нервно улыбнулась мне из-под полуопущенных ресниц.

— Не только скади. Уверена, остальные тоже рады.

Рады, конечно. Бесплатной закуске. На лицах хищных сегодня читалось удивление и подозрительность, правда, эти эмоции хищные научились прятать после запрета Эрика.

— Глеб очень милый, — выпалила Лидия и улыбнулась еще шире.

— Глеб милый, — согласилась я. — Ника тоже это заметила.

Лидия тихо всхлипнула, а потом резко собралась и подняла глаза. Нет, не затравленный зверек смотрел на меня в тот момент. Львица. Испуг остался, но испуг она научилась маскировать. Горечью. Сожалениями об утрате бесценных минут жизни, которые Лидия провела почти овощем. Злостью. На себя, на Эрика. На мир.

— Все равно он хищный!

Злость сдержать не вышло, и она обидой вырвалась на волю.

— И это неправильно, — подсказала я.

— Страшно!

— В юности ты так не думала.

Злость заразна. Вспомнился столик на резных ножках, плетеные стулья, цветы на подоконнике, аромат кофе и корицы. Краски. Мольберт...

— Я была глупа...

Львица исчезла, вернулась пугливая лань. Пятящаяся, жмущаяся маленькая девочка.

— Твой отец достаточно мудр. И если дал добро Глебу с Никой, не нам их судить. К тому же...

— Первые пришли, — спешно перебила Лидия. — Знаю. Тебе нужно опасаться охотника.

— Всем нам нужно, — устало улыбнулась я и встала. Пол холодил босые ноги, пока я искала тапочки.

— Тебе особенно. И ясновидца. — На этот раз Лидия шагнула ко мне решительнее, и в глазах горело опасение. Страх. За меня. — Не ищи встреч с Гарди, Полина.

А затем, будто бы сболтнула лишнее, нечто интимное, потупилась, отступила к двери. Эти ее хороводы по комнате раздражали. Возможно, я не до конца ее излечила?

Негромко хлопнула дверь, ведущая в кухню, но этого хватило, чтобы Лидия вздрогнула, повернулась к выходу. И уже наполовину просочившись в коридор, обернулась.

— Извини. И... спасибо.

Она ушла, а плохое предчувствие осталось. Тенями от высоких стеллажей стелилось по полу, забивало горло спертым воздухом. Темно и душно. Рука сама тянется распахнуть окно. Стылый воздух сковывает плечи, забивает снег в складки брошенного на подоконнике пледа, рвет страницы в недочитанном романе.

Зачем мне бояться Гарди?

Выпитый ясновидец, сумасшедший, почти беспомощный. Разве он может что-то мне сделать?

Пророчить?

Противные мурашки по спине — наверное, от холода. И отдышаться не получается — на языке противный, металлический привкус страха. Или поражения? Почему кажется, что оно так близко? Это все Лидия со своими предсказаниями! Я ведь никого не трогала. Сидела тут... одна.

Прикосновение к плечу заставило вздрогнуть.

— Чего мерзнешь?

Спине тепло от груди, к которой меня прижали. В голосе — забота.

Обнимать его приятно. Но мне все равно кажется, что мы на краю мира, в шаге от бездны. Нет, не хищные в целом. Мы. Я и Эрик.

— Все хорошо?

Тревогу он скрыть не пытается. Ладонь по щеке — слегка шершавая, пахнущая карамелью и свежей выпечкой.

— Лидия заходила...

Голос дрожит. Отчего?

— Замерзла, — констатировал Эрик и закрыл окно. На реплику о ясновидице не отреагировал никак. — Через пятнадцать минут все собираемся тут.

С минутой мы еще стояли в обнимку, я слушала его сердце, а дыхание Эрика согревало мне макушку. А потом он отстранился и недовольно пробурчал:

— Твой... друг уже в состоянии встать с постели?

— Андрей? — удивилась я. — Да, он давно...

— Прекрасно! — отрезал Эрик. — Пусть тоже приходит.

Ого! Эрик позвал на совет охотника. Дела, наверное, совсем плохи.

...Андрей стоял у окна, сцепив руки за спиной. Смотрел в нависшие над двором сумерки и о чем-то думал. За эти несколько недель он заметно осунулся, даже взгляд, некогда лукавый, померк. Он будто ждал. Чего? Перемен, думаю. Действия, которое разбавит болотную однообразность его заточения.

Действие случилось — в виде приглашения на совет.

Андрей хмурился. Сидел, сутулясь, теребил рукава мятой рубашки и в глаза не смотрел. Молчал. Обдумывал предложение Эрика, видимо, и искал в нем подводные камни.

Я не хотела их искать. Эрик, бесспорно, относился к Андрею с предубеждением, но на подлость не способен. И если позвал, значит, взвесил все «за» и «против» и решил, что от Андрея будет профит. Не ради меня же, в самом деле. Эрик прекрасно умел разделять эмоции и дело.

— Идем, — потянула я за руку. — Хуже не будет. Хватит себя изводить.

Ясно, что Андрею здесь плохо и неудобно. Но что с ним будет там, за порогом этого дома? Убьют же! Этого я допустить не могу.

— Не уверен, — пробормотал он, но руку не отнял. Поднялся даже, оправляя рубашку. Странно, но дискомфорта больше не было — ни от его близости, ни от прикосновений. И ведь нет уже давно! Когда исчез? Я уж и не припомню. Не заметила, как перестала обращать внимание, а после и затерлось все. Пропало. — Зачем я там... ему?

— Нам, — поправила я. И уточнила: — Мне.

— Безумие...

Он все же отнял руку и запустил обе пятерни в слегка отросшие и поэтому неопрятные волосы, взъерошил. Выглядел при этом как непризнанный, фанатичный ученый: глаза горят, волосы дыбом, рубашка помята и сбоку выдернута из брюк. Очков на переносице не хватает

и белого халата с разъехавшимися полами.

— Гектор здесь, — сказал он так, будто я могла не знать и сейчас обязательно этому факту удивлюсью Нет, ужаснусь даже. — Здесь, в доме, полном хищных!

— Ты тоже здесь. И останешься... останешься ведь?

Он пожал печами. Совершенно искренне.

— Не знаю.

— Первые придут. Хаук придет! Ты нужен мне. Пожалуйста...

— Зачем? — Во взгляде не то обида, не то немая просьба — и не разобрать. А мне впервые нечего сказать. Как объяснить, что мне просто страшно и хочется, чтобы рядом были близкие. Все. Он близок, несмотря на то, что нас разделяет его благодать.

Странно, что я никогда не думала об Андрее... так. Не ассоциировала его с теми охотниками, с которыми имела несчастье познакомиться. С Мишелем. Беном. Альриком. С Богданом, которые привел своих людей в мой дом убивать тех, кто мне дорог.

— Просто нужен...

Он громко вздохнул, видимо, смирившись.

— Хорошо.

В кабинете собралось много народу — не продохнуть. Из-за духоты окна распахнули настежь, и холодный, по-зимнему колючий воздух шатал занавески. Хищные разбились по кучками и приглушенно шептались.

Эрик скользнул по нам холодным взглядом и снова повернулся к Гектору. Рядом с ними стоял еще один незнакомый мне ясновидец и говорил горячо, быстро и настойчиво. Гектор кивал и коротко отвечал, изредка поглядывая на сидящую у стеллажей дочь. Лидия была не одна, а с Никой, потому выглядела немного спокойнее, чем накануне.

— Это Викар, приближенный Гектора, — шепотом пояснил мне Андрей, кивая на второго ясновидца. — Поговаривают, Гектор готовит его в преемники.

Я заметила Иру у письменного стола и хотела было подойти, но рядом с ней из ниоткуда возник Влад, и я передумала. Словесных перепалок не хотелось, настроение плавно переросло в мрачно-лиричное, а дымка пророчества Лидии все еще не рассеялась в воздухе. Зависла над головой туманным предостережением.

В кабинете мы просидели почти до ночи. Говорили много, спорили, соглашались, искали плюсы и минусы будущего альянса. Гектор обещал свой кен для постановки защиты. Хищные, в свою очередь — приют и знания. Несколько раз похвалили Майю, и девочка краснела, прячась за плечом отца. Выросла. Совсем взрослой стала. И красивой по-своему. Она не была моим ребенком, но я невольно гордилась ею.

Всем было ясно, что Хаук придет. Ему нужны жертвы, и те, в ком течет кровь Херсира — лучшие кандидаты на эту роль. Хотя Гектор уверял, что Хаук будет искать самого Первого хищного, в процессе пострадают те, кто так или иначе имеет отношение к ар. К племени, созданном Арендрейтом, отношение имели все мы, так или иначе. Охотники тоже были под ударом — ведь власть, созданная Альриком, буквально надругалась над законами богов. И ясновидцы не должны восстанавливаться и мстить. Это неправильно, а значит, требует наказания.

Так считал Гектор, Эрик с ним соглашался, а остальные спорить не спешили. В конце концов, именно эти двое побывали в кане.

Ситуацию с охотниками Липецка тоже затонули, но вскользь. Не придали значения, сосредоточившись на главной проблеме. И, как потом оказалось, зря.

Охотник пришел ночью. Его я почувствовала заранее, будто в мозгу сработал тумблер, и кто-то крикнул в ухо: «Проснись!». Я села в кровати — сон как рукой сняло. Одна. Эрика не было, комната плавала в мутном полумраке, в камине тлели почти догоревшие поленья. Уютно. Тихо. Тепло. И все же чувство опасности никак не хотело выключаться.

А потом я увидела его. Он замер неподвижной тенью в углу и смотрел на меня с ненавистью. Нет, глаз его я разглядеть не могла, но ненависть ощущала явно — жадную, горячую, обжигающую. А потом он, видимо, понял, что разоблачен, и шагнул в центр комнаты, в размытое, ржавое пятно света, льющегося из камина. Высокий, сильный. Уверенный в себе.

Усмехнулся криво и проскрипел:

— Ну привет, зверек.

Охотник выглядел торжествующе. Нет, он не ухмылялся пошло, не было показной бравады и ненужных разглагольствований, как в дешевых фильмах. Просто стоял и смотрел на меня, и всем видом показывал уверенность в победе.

«Алан!», — мелькнуло в мозгу, и взгляд невольно метнулся к двери. Охотник, видимо, расценил это как попытку к бегству.

— Испугалась? За себя не бойся, тебя-то трогать чревато.

Не за себя — за сына. Но его тоже тронуть не посмеют — печать Арендрейта защищает нас обоих. И все же лучше, когда он со мной, рядом, и я могу обнять, пощупать. Защитить.

Где, черт возьми, Эрик?!

Я осторожно встала, не спуская глаз с охотника, будто он мог передумать и попытаться меня убить.

Ударить? Странно, но я медлила. А ведь могла же — открыться, излить кен сольвейга на этого выскочку. Хотела ведь в прошлый раз, но слишком вымоталась. А теперь... А что теперь? Андрей говорил, Богдан неплохой парень, но я видела перед собой убийцу. Но, наверное, именно из-за Андрея медлила.

— Уходи, Богдан.

Я дала охотнику шанс. Наверное, я все еще верила в них...

Выйти из комнаты, в коридор, к детской, найти Алана, прижать к груди! Шаг, еще один. Дверь близко, а охотник смотрит, улыбается. От улыбки его жутко, но я не позволю страху владеть мной больше.

— Уйду, — кивнул он. — Но сначала ты посмотришь, как умирают твои люди.

Последние слова он буквально выплюнул. Глаза свернули злобой, а руки сжались в кулаки.

— Или твои, — спокойно сказала я и взялась за ручку. Разговорами он лишь отвлекает. Нужно идти, понять, что происходит. Странное оцепенение отпустить не спешило, тормозило и раздражало жутко. Давай же, иди, Полина.

— Я лично позабочусь, чтобы многие погибли, — пообещал он мне вдогонку.

— Как Мишель?

Разозлить его я не боялась. Почему-то хотелось побольнее уколоть. Для этого я даже обернулась — чтобы лицо его видеть.

— Не смей... — прошипел Богдан и побледнел.

— Ты имеешь право мстить. Но скажу я тебе, наставник у тебя был тот еще козел! И я не жалею, что он мертв.

— Спустишь вниз, блондиночка. Спустишь и посмотри, как мои люди убивают тех, кто

тебе дорог.

После этих слов оцепенение, как по волшебству, рассеялось. Я метнулась в коридор, оттуда — в детскую. Пусто. Игрушки по полу в беспорядке, на кресле — небрежно брошенные ползунки... Противный холодок сполз по позвоночнику.

А потом чья-то ладонь легла на плечо. Обернулась — Глеб.

— Они в подвале, — сказал он. — Все хорошо.

— Где охотники? — кратко осведомилась я.

— Пока на улице. Но их много. Слишком много.

Не все на улице. О Богдане я вспомнила сразу и сразу вернулась проверить. В спальне было пусто. Окно наглухо закрыто, значит, он еще в доме. Все же не стоило его отпускать. Чертова сентиментальность!

Соберись, Полина!

Алана я нашла с остальными детьми. С ними два воина и десять защитниц — Эрик подстраховался, за что я была ему безмерно благодарна. Сына я прижимала к себе долго, боясь выпустить из рук. Боролась с желанием остаться, хотя и понимала: наверху я нужна больше, чем здесь. А потом все же заставила себя отдать Алана Эльвире, велев Антону беречь его, как зеницу ока.

В гостиной было шумно. Суетно. Беготня, давка, попытка организовать. Дверь то и дело открывалась, а затем хлопала, отрезая от дома рвущуюся внутрь зиму. Эрика и многих других воинов я нашла там, в зиме. Эрик был зол. Напряжен. Застыл статуей, обливаемый светом фонарей, а за ним, будто ожидая приказа, стояли наши воины. Влад — обманчиво расслабленный и скучающий, Ира — мрачная и яростная, Мирослав, Дима, Алиса, трясущаяся от страха Рита... Кто вообще ее сюда выпустил?

Воины атли, альва, скади. Даже хегни тут.

А напротив — охотники. Нет, не отряд даже — армия. Казалось, они заполонили весь двор — так их было много. Богдан не блефовал, когда выказывал веру в победу. Между ними и нашими не более двух метров пространства. И каждая сторона готова ударить первой... Только не решается.

Алекс, Филипп и Майя затаились на крыльце, окруженные пятью защитницами.

— Охотник в доме. Найди его, — бросила я через плечо Глебу и шагнула за порог.

Завьюжило. Снег роился над головами воинов, ложился им на плечи, ластился к курткам. Он заштриховал воздух белым, бросался в лицо, жалил. Снег готовился замести следы.

Я замерла на ступеньках, не дойдя несколько шагов до своих. Нет, не от страха — от усталости. Буро-зелеными пятнами перед глазами плескалась злая обида. Когда же это кончится? Будет ли спокойная жизнь? Заслужила я, наконец, медовый месяц?!

— Мы должны прекратить это.

От неожиданной реплики, обращенной ко мне, я вздрогнула. Гектор, казалось, не заметил моего испуга — он смотрел туда же, куда только что смотрела я — на охотников.

— Извини, но я как-то не научилась останавливать войны, — устало ответила я. Ясновидец, если и обиделся на резкость, вида не подал.

— Сейчас мы должны объединиться, а не воевать, — продолжил он тем же спокойным тоном.

— С охотниками? Seriously?

Мой скептицизм его ни капли не смутил. Он взял меня за руку и несильно сжал, от

прикосновения теплой и сухой ладони меня передернуло. Касаться его кожи было неприятно — воспоминания еще не затерлись, кололись былыми обидами.

— Я видел единство, а не хаос. Ну же, девочка, не противься. Сейчас не время для разногласий.

Я расслабилась, подавляя желание вырвать руку. Гектор прав, не время для размолвок. Да и сюда он пришел, чтобы помочь, и, если придется подавить неприязнь, чтобы выжили родные, я не стану колебаться.

— Что теперь? — спросила я с пробуждающимся интересом — Гектор больше обеспокоенным не выглядел и смотрел на меня лукаво.

Вместо ответа мне в вены хлынул кен. Тот самый, серый, от которого я так долго избавлялась на Тибете.

Голова закружилась. Во рту возник сладкий привкус, колени превратились в вату, сознание заволокло дымкой. Кен Гектора откликнулся во мне, направил. Он не пытался командовать — лишь подталкивал.

— Теперь ты, — шепнул старик, и я без колебаний открылась. Отдала. При прямом контакте. Ладонь в ладонь, смесь кена на коже, как с Эриком. Нет, не так. Тут не было ни капли интимности, только цель. Общее дело.

Время останавливается на полусекунде...

Вьюга возмущается тому беспределу, что мы творим — хищная и ясновидец, объединяющиеся против общего врага. Колючий снег слепит, лезет за шиворот, будто противится этому союзу. Интересно, у Эрика с Гектором в кане было так же?

Я не заметила, когда напали охотники. Поддавшись эйфории, пропустила этот момент. А когда открыла глаза, щупальца благодати уже пытались достать воинов хищных, стоящих впереди. Немая сцена: наводненный людьми двор, метель, будто разбуженная богами стихия, нападения невидимым оружием охотников, быстрые защитные пассы, оберегающие жилу.

Вот Эрик поднимает руки над головой. Он стоит ко мне спиной, и я не вижу его лица, но, уверена, он улыбается. Волосы серебрятся под холодным светом фонарей. А я прекрасно знаю, что значит этот его пасс — видела во время драки с ауной.

Охотников сорвало в воздух — десятерых, а то и больше. Завертело воронкой над головами у растерявшихся собратьев, а те застыли, не зная, как реагировать. Охотники смешно дергали ногами в воздухе, пытаясь выбраться из водоворота, но тщетно — их вертело все быстрее и быстрее, наматывая на невидимый вертел секретными умениями аун.

Не давая опомниться остальным, Влад скрестил руки на уровне груди и что-то неслышно шепнул. Охотники, стоящие в первом ряду, так и не опомнившиеся от увиденного, попятились, тесня последующие ряды.

Вперед шагнула воинственная Ира...

А потом Гектор выпустил мою ладонь.

В груди образовалась тяжесть. Давила. Невыносимо хотелось избавиться от серого, вязкого кена, от волнения, от удушливого дыхания надвигающейся войны. Небо спустилось низко, цеплялось пухлыми тучами за верхушки деревьев и сыпало снегом.

Казалось, прошла вечность между моментом, когда ясновидец перестал меня касаться, и тем, когда он вскинул ладони, обращая их в сторону дерущихся.

А потом из его рук излился свет. Клянусь, это был чертов световой поток! Он накрыл сначала хищных, затем охотников, заставил Эрика громко, с сожалением выдохнуть и

опустить руки. Влад нахмурился и недовольно взглянул в нашу сторону. Затем недовольство сменилось удивлением, граничащим с опаской.

Охотники застыли. Все, как один. Вернее, те из них, кто остался стоять — «добыча» Эрика, избавившись от плена магической воронки, перестала быть одним целым. Повинуясь неизменным силам инерции, они кругнулись еще раз вокруг невидимой оси, а затем разлетелись в стороны, рухнув в заботливо подстеленный природой снежный ковер. Впрочем, больно им все же было, что я отметила со злорадством.

— Безумцы! — неожиданно раздраженно выкрикнул Гектор и шагнул с крыльца вниз, оставив растерянную меня одну. Хотя ненадолго — через миг около меня возник Глеб, держащий за руку Нику. Рядом с девушкой Глеба застенчиво мялась Лидия.

Что, черт возьми, задумал Гектор?!

— Война ослабит нас, — продолжил он уже спокойнее, но не менее настойчиво. — Ты знаешь это, Эрик.

— Они пришли в мой дом! — зло выдохнул Эрик и направив магический пасс на копошащегося в снегу неподалеку охотника. Тот дернулся, будто от удара током, и затих. — Пришли убивать. Если ты думаешь, я это так оставлю...

— Оставишь, — жестко перебил Гектор. — Вспомни, чему ты учился в кане. Мы здесь для того, чтобы выжить — твое племя и мой клан. Мы больше не враги. И тем, кто прислушается ко мне, я дам свой кен. Мы поставим защиту, которой еще не видел мир. Возьми мою руку, Эрик!

Эрик колебался, и колебания эти были видны. Желание убивать, уничтожить всех, кто напал сегодня на дом скади, было сильным. Желание читалось в складке на переносице, в недовольно поджатых губах, в напряженной позе, которая означала борьбу. Борьбу мудрости с яростью, которую Эрику все тяжелее было одолеть.

А потом прошло. Схлынуло, и я не смогла сдержать облегченный выдох. Лицо Эрика смягчилось, кулаки разжались, а сам он шагнул к крыльцу и вложил свою руку в ладонь Гектора.

Ника улыбнулась и крепче стиснула ладонь Глеба. А Лидия, совсем еще недавно забитая и дерганная Лидия, смело ступила с крыльца в метель. Ветер швырнул ей в лицо горсть снега, но ясновидица даже не поморщилась. Настойчиво шагнула в круг воинов хищных и подошла к... Владу. Что... что она собирается... она же не...

— Поделишься со мной? — робко спросила она и протянула руку.

Конец света, видимо, наступил!

Я перевела взгляд на Гектора. Искала на его лице испуг или хотя бы тень опасения, но не нашла — ясновидец выглядел расслабленно. Влад, естественно, тоже на него посмотрел. А потом перевел взгляд на Лидию и хитро усмехнулся. Слишком хитро. Если он сейчас все испортит, это будет провал.

Я дернулась, чтобы спуститься к ним, пока еще не поздно, пока Лидия здорова, и не надо копить кен, чтобы ее вернуть.

Но меня остановил Глеб. Схватил за рукав и тихо сказал:

— Все хорошо.

Ничего не хорошо, когда Влад держит за руку дочь Гектора! Они свихнулись все, что ли?

Охотники опешили окончательно. Если те, кто валялся в снегу, медленно приходили в себя, кое-кто вставал и отряхивался, а кое-кто пытался встать, то те, которых не коснулась

сила аун, просто застыли. Таращились на Гектора, на Эрика рядом с ним, на Лидию, бесстрашно держащую за руку Влада. И, естественно, молчали. Ждали.

И я ждала.

— В свете последних событий, я и мой клан решили присоединиться к Эрику Стейнмоду и его людям и найти укрытие в этом доме, — громогласно произнес Гектор. — Мы больше не враги. Единое. Союзники в борьбе со стихией. Тот, кто придет к нам, как враг, умрет. Но если вы хотите защиты от надвигающейся катастрофы, наши двери открыты для вас.

Некоторые охотники отреагировали странно. Не сговариваясь, в один прекрасный момент они начали пятиться к воротам, не сводя испуганных глаз с нашей разношерстной компании. Расталкивали локтями застывших статуями собратьев и методично пробирались к выходу. Где-то на середине пути один из них развернулся и со всей прыти побежал, остальные — как по команде — за ним, дезертировали, оставив оставшихся решать, что делать дальше. И я вдруг поняла: битва кончилась, толком не начавшись. Без единой жертвы, без утрат. Мы просто... победили.

Оставшихся было около тридцати. Один из них, судя по всему, достаточно старый, чтобы вскоре стать древним, но пока до этого уровня силы не доросший, выступил вперед и обратился к Гектору.

— Ты знаешь, я глубоко уважаю тебя и твой клан. И если ты говоришь, что мы зря побеспокоили твоих... друзей, я прошу прощения, но... О какой катастрофе ты говоришь? Чего боишься? Если новой власти, которая нестабильна после смерти Альрика, то я могу гарантировать...

— Слепцы! — резко перебил Гектор. — Не видите дальше собственного носа. Тешитесь амбициями, когда баланс кена в городе нарушен. Разве ты не чувствуешь? Разве не понимаешь, что происходит?

Пристыженных охотников редко доводится видеть, потому я наслаждалась. Тяжесть резко прошла, в голове царил покой и умиротворение, страха оказаться под властью Гектора не было. Был триумф. Радость необъяснимая, почти детская, что мы победили. И более взрослая — оттого, что никто из близких не погиб. Усталость еще и небольшая сонливость, которую, благодаря стылому ветру, контролировать удавалось успешно.

— Что грядет, Гектор? — тихо спросил охотник, и на небольшой площадке, заполненной людьми, воцарилось минутное молчание. Лишь снег шелестел, бился в окна, сыпал за шиворот наспех накинутых курток. И ветер — могу поклясться, выл диким волком, и мне подумалось, что это плохой знак.

— Первые, — мрачно ответил ясновидец, и голос его потонул в гуле разбушевавшейся метели. Впрочем, я была уверена — охотник услышал. Его лицо меняло маски: недоверие, подозрительность, страх.

А потом мир качнулся, потерял резкость, меня сорвало с места, и, кажется, кто-то в последний миг успел меня удержать. Или нет? Важно ли?

Картинки проносились перед глазами диафильмом — выдернутые мгновения будущего, которые мне, как пророчице, суждено было увидеть. Я поняла две вещи, которые положат конец всему этому кошмару.

Первая — Хаука можно убить. Ритуальный нож — с виду простенький, но насквозь пропитанный древностью, хранящий отпечатки кена многих хищных, ясновидцев и охотников, созданный самим Арендрейтом, ведь именно его знак украшал костяную рукоять.

Лив, сжимающая в хрупкой руке эту самую рукоять. Лезвие в крови.

Хотелось смеяться и плакать одновременно. Смеяться — оттого, что будущее больше не выглядело безнадежным. А плакать — потому что будущего для меня не существовало.

Я хохотала, как сумасшедшая, глотая слезы, сжимая кулаки и впиваясь ногтями в ладони, стараясь ощутить боль, ведь боль — это жизнь. Я дышу, вижу, слышу, касаюсь холодного, липкого снега. Я жива. Жива!

Жива ведь?

Кто-то гладил меня по голове, вокруг гомонили люди, пытаюсь выяснить, все ли со мной в порядке.

Я не знала сама.

Потому что вторая вещь, которую я увидела, была фатальной. Необъяснимой. Нереальной и глупой, потому что так не бывает, не должно быть...

Люди, пусть и пророки хищных, не должны знать такого. Потому что как же теперь жить? Как верить? Как принять будущее, когда знаешь страшную правду?

Принять свою смерть...

Глава 7. Гарди

Темно.

Глаза закрыты, но я все равно чувствую темноту, ощущаю, как она липнет к коже. Пачкается.

Горло болит от криков, и при выдохе из него вырываются хрипы. Тело онемело от судорог, и теперь кончики пальцев неприятно покалывает. Сами пальцы, как и остальные части тела расслаблены. Сил нет ни на что.

Холод осторожно касается лица, лаская его медленно падающими снежинками. Изредка виска касаются губы — так же невесомо, едва ощутимо, но в отличие от снега, они дарят тепло. Воздух сладок... Свежо — не то, что в доме, где стены съезжаются, и потолок готов раздавить в любую секунду. Помню, внутри я тут же начала задыхаться, и Эрик вынес меня на улицу, спрятал в укромном уголке сада скади.

Глаза открывать не хочется. Голова болит и, кажется, я растворяюсь в этой пульсирующей боли. Даже ладонь на лбу не спасает — приглушает боль, но не приносит избавления. Впервые.

Поэтому я не двигаюсь и притворяюсь, что сплю. Впрочем, не только поэтому. Если открою глаза, со мной заговорят. Последуют вопросы, на которые нужно будет отвечать, а я впервые растерялась, имею ли право. То есть, как вождю, я обязана сказать Эрику о видении. Должна. Непременно.

Даже мысленно это «должна» звучит фальшиво. Я знаю, что за этим последует — золотая клетка, несколько слоев защиты и иллюзия безопасности. Возможно, это даже поможет. Спасет меня. Изредка ловлю себя на мысли, что сама готова в эту клетку влезть. Только вот...

Барт.

Он с первого дня нашего знакомства говорил о моей цели. О том, что я должна уйти от сольвейгов во внешний мир, построить здесь жизнь, обучиться использовать свой кен, стать сильнее. А потом, перед смертью, он учил меня... Печать и...

Знал ли?

Знал. И готовил с самого начала. Иначе на кой мне уметь ставить печать? Слова Лив все еще отчетливо звучали в голове: только тот, чья жила порвется...

Вспоминать не хотелось. Даже мимолетные касания воспоминаний о видении, далекие отголоски, превью несвершившегося усиливали боль.

Поэтому я застыла в настоящем, пытаюсь мысленно остановить время. Будущего не хотелось. Никакого. Совсем.

Меня качали на руках, как ребенка. Закутали во что-то мягкое и теплое, обняли, закрыли от всех невзгод мира. И если бы отпустили, не заметили, оставили в одиночестве со своими мыслями, я быстрой бы пришла в себя. А тут — разомлела. Расслабилась. Испу плавно перерос в жалость к себе, из-под закрытых век потекли слезы, а их не заметить сложно.

Меня рассекретили.

И я открыла глаза.

— Больно?

— Немного, — соврала я. И слезы вытерла, хотя тщетно — они как текли, так и продолжали течь.

Мы сидели на лавочке, почти у самого конца аллеи. Вернее, Эрик сидел, а я полулежала у него на руках, с ног до головы укутанная в мохнатый плед. Аллея замыкалась непростительно запущенным садом — деревья и кусты сплелись ветвями, пытаюсь выжить, заглушить друг друга, отобрать лишний кусочек света и тепла. Сплетения эти, припорошенные снегом, ночью выглядели особенно зловеще, а если учесть недавнее видение...

Я вздрогнула.

— Что ты видела?

Вопрос осторожный, но в голосе — настойчивость вождя. Необходимость знать. Анализировать. Каждая минута неведения приближает нас к опасности — Эрик выучил это правило давно.

— Я...

Запнулась, впервые не зная, что сказать. Соврать? Придумать? Или, может, выдать правду, и пусть Эрик решает, как этой правдой распорядиться? В конце концов, самого Хаука мы еще не видели. Возможно, он не так страшен, каким вижу его я. Подумаешь, охотник! Сколько их было — молодых и древних? Совсем недавно целая армия бежала, сверкая пятками. Возможно, и этот...

Невозможно. Нельзя себе врать — Хаук не побежит.

Но ведь это не наша битва! Херсир тоже вернулся, вот пусть он и...

— Полина?

Настойчивый взгляд, и ложь сама вырывается в мир:

— Не помню. То есть... Смутно все. Там была Лив и Хаук. У него жуткие светящиеся щупальца, метров по двадцать каждое. Их много, они...

Слезы соленые и холодят щеки, покрывают коркой кожу. Почему бы не дать мне отдохнуть? Почему, черт возьми, нельзя понять, что мне больно?! Страшно. И жить... жить хочется. Очень.

Злость захлестнула — на себя саму, за то, что хороню себя раньше времени. Видения — не стопроцентная гарантия событий.

Видения — нет. А слова Барта?

И вот я злюсь уже не него. Я же к нему, как к отцу... Доверяла, а он... Он просто готовил меня к жертвоприношению. Методично, аккуратно выписывая на душе ритуальные узоры смертницы.

— Хорошо, не надо говорить, — шепнул Эрик мне в волосы, обнимая крепче, окутывая теплом. — Мы справимся, слышишь?

Слышу. Только веры нет. Паника захлестывает, отдается дрожью в теле. И нигде больше не осталось безопасных мест.

Шорох в кустах заставил буквально выпутаться из объятий, вскочить на ноги. Ничем и никем не поддерживаемый плед свалился с плеч в снег, плечи обдало промозглым декабрьским ветром. Я спряталась за спиной у Эрика, который тоже встал и уставился в темноту.

— Кто здесь? — резко спросил он, а через секунду из кустов на дорожку вывалился человек.

Он был чумаз. Растрепан. Худ. Сильно горбился и держал руки в карманах, шарил, будто

пытался что-то там отыскать. Волосы незнакомого сваялись и топорщились во все стороны лохмами. Из дырки в рукаве пучком торчал пух. На осунувшемся лице, испещренном морщинами, отражалась решительность и азарт.

Он зыркнул на нас узкими, глубоко посаженными глазками и гордо сообщил:

— Я зашел с тыла!

Неожиданно. Если он собрался на нас напасть, то это просто забавно. Что я и продемонстрировала нервным смешком.

— Хорошо, — кивнул Эрик, слегка расслабившись. — А ты кто?

— Тебе ли не знать, — надменно ответил мужчина и прищурился. — Только больше ты меня не обидишь. Не в этот раз.

— И в мыслях не было. Я вообще тебя... Пстой-ка!

Эрик шагнул к нему, оставляя меня одну, лишая защиты и покровительства. Ветер мазнул по плечам, вызывая дрожь, и я машинально подняла упавший плед. Закуталась в него, как в защитную мантию.

Напрасные опасения — незнакомец опасным точно не выглядел. Скорее, потерянным и несчастным. А еще... пустым. Я уже видела такое и не раз. Впервые — в беседке в городском парке, когда я и Влад... и наполненные слезами глаза ясновидицы Тани... и радуга. Потом на Тибете — тот ясновидец называл себя принцем и обещал, что всех нас покарает. И кульминация — краски и холст, обреченность на лице Эрика, когда Лидия цеплялась за его рукав...

Догадка осенила, как всегда, внезапно. Впрочем, Эрик понял на минуту раньше меня. Склонился к буквально сжавшемуся в комок найденьшу, навис над ним и спросил:

— Ты — Гарди?

Незнакомец нерешительно кивнул, отступил на шаг и, споткнувшись о торчащий из брусчатой дорожки камень, упал на пятую точку. Эрик протянул ему руку, но ясновидец ее не принял — решил подняться сам. Упираясь ладонями в снег и не сводя с Эрика испуганного взгляда, отполз на несколько шагов назад и неуклюже встал.

Подумать только, Первый! Настоящий и такой... нелепый. Испуганный. Потерянный. Что он делает в саду скади?

— Идем в дом, — благодушно предложил Эрик и улыбнулся, словно боялся спугнуть неожиданного гостя. — Здесь холодно. А там обогреешься и расскажешь, на кого ты тут с тыла нападать собрался.

— Нет-нет-нет! — решительно запротестовал Гарди и замотал головой. — Все будет не здесь и не сейчас. Не так... Там. — Он указал рукой в сторону дома. — Глупая девчонка порвет колпак, и никто вас не спасет. Вас... нас... — захихикал и прикрыл ладонью рот, а с рукава опали лохмы снега, пачкая полы куртки. — Вот дура, кто же бьет изнутри!

— Тот, кто хочет выбраться? — предположил Эрик.

— Тебе не выбраться точно.

И перевел взгляд на меня. На миг показалось, он притворяется и абсолютно нормален, а спектакль этот разыграл специально для нас. А на самом деле Гарди знает, что мне суждено умереть. Знает и посмеивается про себя.

Впрочем, через секунду ясновидец снова выглядел растерянным и жалким. И тут мне подумалось: Лидия! Мысль-вспышка. Нет, не то ее предупреждение, о котором я благополучно забыла. Она сама. И способ, которым мы ее вернули.

— Эрик! — схватила мужа за рукав. — Мы можем попробовать излечить его!

Наполнить моим кеном, как Лидию. Возможно, тогда...

— Хаук уйдет, — закончил он за меня. — Ты умница!

И повернулся к Гарди, пытаясь ухватить, но тот, несмотря на видимую неуклюжесть, прытко отскочил в сторону и ненавидяще на меня посмотрел. Несчастное лицо исказилось злостью и, показалось, он сейчас на меня с кулаками бросится — таким яростным был его взгляд.

— Ты! — почти завизжал он. — Это все из-за тебя. И Херсир тогда, и Хаук... Зачем, скажи, на милость, мне все это терпеть? Ты когда-нибудь ответишь или так и будешь молчать? Кому все это нужно?

— Никому, — согласился Эрик, ловко хватая Гарди за шею и притягивая к себе. Ясновидец испуганно рванулся в сторону, но Эрик прижал его крепче и успокаивающе зашептал:

— Тише, тише. Скоро все закончится. Потерпи.

По морщинистому, тусклому лицу Гарди потекли слезы. Костлявые, опутанные кольцами ревматизма пальцы вцепились в руку Эрика, пытаясь сбросить, освободиться от пуг. Тщетно. Физически Эрик намного сильнее, держит крепко и ни за что не отпустит такую ценную добычу.

И он сказал правду: если повезет, скоро все закончится. Я очень постараюсь вылечить Первого, и тогда Хауку не будет смысла убивать нас — причина мести исчезнет, канет в небытие.

Жаль, что Гарди был иного мнения...

— Тик-так, тик-так, — не обращая внимания на слезы, бормотал он, уже не пытаясь выбраться из удушливых объятий моего мужа. — Слова-бритвы, слова-ножи. Прошное убивает... И тебя убьет.

— Прошное не убивает, — ласково возразил Эрик, ослабляя хватку, обнял Первого за плечи, решительно подталкивая в направлении дома. — Идем, ты совсем околел тут.

— Посмотрим, как оно не убьет тебя! — Он резко вывернулся, потянулся вверх и положил ладонь Эрику на лоб.

Время, казалось, остановилось. Падало, кружась и смешиваясь со снежинками, и замедленно стучали воображаемые часики, повторяя голосом Гарди.

Тик-так. Тик-так.

Тик.

Так...

А потом схлынуло. Время встрепенулось и понеслось галопом. Эрик отпрянул, нахмурился, вглядываясь в лицо Первого ясновидца, будто ища на нем...

Что?

Неужели... Нет-нет, только не мое видение! Мне нужно подумать, решить, что с этим делать, а если Эрик будет в курсе, то запрет меня. Снова поставит вокруг дома удушливую защиту. Будет шушукаться с Владом и Мирославом, улыбаться, будто все в порядке, а если заикнусь... В этот раз он не позволит мне выбраться, даже если захочу. Круглые сутки станет охранять и...

Эрик мазнул по мне взглядом. Колючим, холодным, а ветер, будто слушаясь его, хлестнул по щеке, опалил морозом плечи, вполз за воротник, и я поежилась. Бледное лицо, сжатые в узкую полоску губы, прозрачные глаза, пронизывающие насквозь...

Гарди хитро ухмыльнулся и отступил на шаг, наблюдая за Эриком с явным

удовольствием. Но Эрик о нем забыл. Эрик смотрел на меня.

— Что?..

Зашуршали, трескаясь, ветви у нас над головами, струшивая снег прямо за шиворот. Серое небо выпустило на волю серп молодой луны. Его окружили темные тучи, как стая волков — дичь.

Почему-то я сама себя почувствовала дичью.

Эрик сглотнул и закрыл глаза. Сжал кулаки, будто боялся что-то выпустить. Словно, если выпустит, весь мир перевернется, разлетится на осколки. А когда он открыл глаза, на меня больше не смотрел.

— Помнишь, — спросил он глухим, гулким голосом, от которого у меня по спине поползли неприятные мурашки, — после случая с Гектором ты сказала, что я могу задать любой вопрос, и ты ответишь правду?

Я машинально кивнула, а потом, осознав, что он все равно не видит реакции подтвердила хриплым «да».

Гарди с довольным видом потоптался на месте, отчего снег под подошвами его растоптанных ботинок, противно заскрипел.

— Скажи, есть ли у тебя... секрет от меня, Полина?

Есть.

Секреты есть у всех, но у меня большой, а если большой, это уже считается предательством. Или нет?

— Секрет?

Голос противно дрогнул. Выдал и страх, и волнение, и безумное желание разведать то, что я увидела на крыльце. Меньше знаешь — крепче спишь. Любая мало-мальски одаренная пророчица согласится с этой поговоркой.

Эрик снова на меня посмотрел. Лучше бы не на меня — на снег, на притихший внезапно сад, на Гарди, в конце концов. Но пронизывающий, почти презрительный взгляд предназначался мне.

Нужно признаться. Сейчас. Чистосердечное признание, как говорится, смягчает наказание. Странно, но слова смешались в голове в кашу, и нужные никак не находились. Ну не говорить же, в самом деле: «Эрик, я скоро умру». Как-то... глупо.

Я сглотнула.

— Возможно, я смогу помочь. — Голос вкрадчивый, мягкий. Обманчивая мягкость эта заставляет расслабиться, выдохнуть. Сердце только колотится, и ребрам больно. Вдох получается скованным, будто грудь стянули невидимыми цепями. И продолжали стягивать.

Гарди еще раз подпрыгнул и радостно, словно ребенок, получивший конфету, захлопал в ладоши. Повяло сюрреализмом, ненастоящестью, и я — так, на всякий случай — ущипнула себя за запястье. Не было и дня, когда в доме не произносилось бы священное слово «Первые», мало ли, может, Гарди мне просто снится. И злость Эрика — выдумки коварного подсознания.

Злость не исчезла, как и Гарди. Ко всему прочему прибавилась боль в запястье от сильного щипка.

— Вспомни вечер, когда Альрик подослал охотника в дом андвари, — настойчиво продолжил Эрик, окончательно сбивая меня с толку.

Андвари? При чем тут... И какое они имеют отношение к видению? Может, уже там были намеки, а я не поняла?

Пепел и разбитое стекло. Испуг. Переполох, который удобно прикрыли деланными улыбками и искусственным сочувствием. Раздражение — Влад постоянно пытался уколоть, задеть, а мне не до того было...

Эрик ждал. Смотрел на меня в упор, и я почувствовала себя смертником на плацу, прозрачные глаза — как дула автоматов... Придумается же такое.

— У меня там не было видений, — тихо ответила я первое, что пришло в голову.

— Видений не было, — терпеливо кивнул Эрик, и, показалось, терпение он брал из резервных запасов. — Было нечто иное, верно? То, о чем я не знаю.

Копаться в памяти в такие моменты бесперспективно. Память, реагируя на испуг и волнение, швыряется картинками, не имеющими никакого отношения к заданному вопросу. Вспомнилось наше венчание. Тома, раскрашивающая мою руку. Потом почему-то снег в крови и Юлиана. Хмурящаяся Лидия в кабинете скади...

Лидия! Она предупреждала о Гарди. Просила не приближаться. Почему?

Не о том думаешь, Полина. Эрик ждет. Злится. А я растерянная... Какого, собственно, черта?!

Я глубоко вдохнула, разрывая придуманные цепи, и резко спросила:

— Что с тобой?

Хорошо, когда резко. Когда чувствуешь собственную уверенность и правоту. Потому как в последние несколько мгновений я готова была признаться в чем угодно, лишь бы он перестал так смотреть. Но ведь я ничего не сделала.

— Почему ты злишься?

Взгляд прямой выдержала. Даже не подалась назад, не отступила, хотя очень хотелось. Эрик прекрасно умеет напирать и давить.

— Действительно не понимаешь, почему я злюсь? — шелестяще выдохнул он, теряя, похоже, последние крупницы самообладания. Знакомый взгляд. Суженные зрачки. Губы, изогнувшиеся в саркастичной улыбке. И ореол опасности. Зверь, которого так боялся Эрик, вот-вот вырвется на свободу.

— Пойму, если объяснишь, — стараясь оставаться спокойной, не поддаваться панике, ответила я. — Мне нечего скрывать.

— Не ври мне, Полина! — выкрикнул он, одновременно шагнув ко мне, нависая.

Я вздрогнула. Вздрогнул Гарди, прекратил пританцовывать и застыл, испуганно глядя на Эрика. Тучи полностью заволокли луну, и мир погрузился во тьму. Кажется, в древности, это считали знаками.

Интересно, чем считали неожиданные вмешательства?

— Она не врет.

Неподалеку, метрах в тридцати от нас по направлению к дому, сунув руки в карманы, стоял Влад.

Эрик шумно выдохнул, но от меня отступил. Гарди попятился, снова споткнулся, но в этот раз удержался на ногах.

— Хочешь сказать, ясновидец показал мне то, чего не было? — спросил Эрик Влада, и мне почудилось, в голосе его скользнули отголоски надежды на положительный ответ.

Положительного ответа у Влада, похоже, не было...

— Я думаю, нам всем сейчас нужно успокоиться, — примирительно сказал он, приближаясь. Движения его были обманчиво-расслабленными, что насторожило меня: так Влад обычно подходит к опасным врагам.

Но ведь Эрик не враг!

— Успокоиться? — Эрик хищно улыбнулся и повернулся к нему. — Действительно считаешь, это то, что мне надо?

— Что происходит? — пискнула я, уже понимая, что ситуация накалилась до предела, судорожно соображая, что в конце концов тут происходит. Или произошло уже давно?

Андвари. Та ночь... Ира приходила и просила не делать глупостей. А я... я спала в его кровати. Возможно, это, но ведь Эрик сам велел Владу за мной присматривать!

Думай, Полина, думай. Пока все еще можно исправить, предотвратить.

— Эрик узнал то, что я хотел скрыть от него. То, что пришлось удалить из твоей головы, родная.

Последнее слово было лишним. Провокационным. Совсем не в духе Влада — вот так подставляться, и лишь потом, много позже, лежа в холодной, огромной кровати, я подумала, что сказал он его для того, чтобы отвести от меня удар. Я стояла в шаге от Эрика, сам Влад — намного дальше. Зверь сломал клетку, и меня бы непременно задело, если бы Эрик не отошел.

Но Эрик будто бы сам ждал — и слова этого, и провокации, и возможного шанса выплеснуть неприязнь, злость, ненависть, неизменно накапливающуюся внутри месяцами.

Шагнув мимо трясущегося от страха Гарди, он взмахнул рукой, и Влада подбросило в воздух, швырнуло, и он, с гулким звуком ударившись о ближайшую березу, рухнул в сугроб.

— Не смей ее так называть! — прошипел Эрик ему вдогонку.

Я вскрикнула от неожиданности и зажала рот ладонью, все еще не понимая, что тут происходит, но уже чувствуя запах пожарищ — так всегда пахнет, когда горят мосты.

Влад поднялся на корточки, мотнул головой, видимо, стараясь прийти в себя. Я перевела взгляд на Эрика. Он все еще улыбался, и улыбка его была безумной. Глаза лихорадочно блестели, на скулах ходили желваки, и сам он напоминал своего предка — таким, каким я иногда представляла Херсира.

— Как удобно, правда? — выплюнул он мне в лицо. — Но, как по мне, жутко несправедливо. Ты ведь пророчица, призвана видеть будущее, а тут такое. Помнить прошлое не менее важно, как считаешь? — И, не дожидаясь ответа, он шагнул к мнущемуся неподалеку Гарди. Схватил его за шиворот и приволок упирающегося ясновидца ко мне. — Ты так любишь говорить о предательстве, о своем благополучно забыла.

Эрик притянул к себе Гарди и прорычал Первому в лицо:

— Покажи ей!

Ясновидец упираться не посмел, поднял руку и положил ладонь мне на лоб.

Картинки были яркими. Сочными.

Ночь. Потолок, разукрашенный тенями. Громкие выдохи. Яростные, честные слова. Тепло губ на губах. Ванильный кен, который...

Я отпрянула. Пошатнулась. Пальцы сами коснулись висков, будто старались пощупать воспоминания на предмет реальности. Воспоминания моими не казались. Словно кто-то нарочно нарисовал в голове картинку и заставлял в нее поверить.

Я ведь замужем и не могла... Или могла?

Взгляд Эрика метал молнии, и их целью была я.

— Что теперь скажешь, пророчица? — спросил он, хотя ответа, скорее всего, не ждал.

— Тебе нужно остыть, Эрик!

Еще одна провокация. Мы с Эриком повернулись к Владу синхронно, и я не смогла

сдержат испуганного всхлипа.

Выглядел Влад прескверно. Ссадина на щеке, наливающаяся синим, струйка крови прямиком из виска, рука, которой он придерживал вторую, хриплое дыхание.

— Заткнись! — отреагировал Эрик, сбивая его с ног очередным пассом.

Безумие! А ведь действительно, прошлое умеет убивать. В Эрике, например, он убивает человека. А виновата в этом я...

— Прекрати! — выкрикнула, шагнула к нему, становясь между ним и притихшим в снегу Владом. Было страшно и больно, хотелось плакать, как маленькой, а еще лучше — убежать туда, где никто не найдет. Спрятаться, пока буря не утихнет и снова не выглянет солнце.

Бежать вот только некуда. И незачем.

— Защищаешь его. Как мило, — едко ответил Эрик и попытался меня обойти, но я ухватила его за рукав.

— Никого я не защищаю. Ты не должен судить его за предательство. Суди виновного, Эрик.

Наверное, это были правильные слова. Если вообще существуют правильные слова в таких ситуациях. Во всяком случае, они остановили Эрика, заставили снова на меня посмотреть — и этот взгляд был другим. В этом взгляде мелькнул испуг — на секунду, но мне хватило, чтобы заметить.

— Я — твоя жена, — сказала я тихо, с силой сжимая кулаки в надежде, что ногти, впивающиеся в ладони, помогут сдержать приближающуюся истерику. — И именно я виновата. Не он, — я махнула рукой в сторону Влада, — не Гарди, не весь мир. Я. И если ты сейчас хочешь кого-то ударить, чтобы выместить злость — ударь меня.

Сознание отреагировало вялой вспышкой страха: а что, если Эрик действительно...

Не смог. Отступил. И голову склонил, разглядывая снег под ногами. Кулаки все еще сжимал, но на Влада, тщетно пытающегося подняться, не смотрел. На меня, впрочем, тоже. Гарди громко всхлипнул и обнял себя за плечи.

Холодно. Ветер хлещет, обнимает гибкими, длинными пальцами, но я его почти не чувствую. Холод, сковавший меня, идет изнутри.

А потом Эрик просто исчез. Только что был здесь, и вот уже нет. Пустое место, истоптанное ботинками, но и его скоро засыплет снегом.

Может, мне все причудилось? И, поддавшись тому же порыву, что и несколько минут назад, я ущипнула себя за запястье.

Глава 8. Пепел пожаров

Оцепенение вызвал мороз. Холодный ветер. Снег, оседающий на плечах пуховой накидкой. Зима сковала мысли.

Что же еще, если не зима?

Кровь на снегу в темноте казалась почти черной, и я старалась на нее не смотреть. Прижимала к виску Влада уголок пледа и глубоко дышала. В глаза ему, к слову, тоже не смотрела. Глаз не хотелось. Ничьих. Взглядов осуждающих, хлестких, которые непременно заставят стыдиться, а ведь стыдиться не стоит. Казнить себя — да, но стыд... Не заслужила я прощения, значит, и стыд ни к чему.

— Ненавидишь меня?

Вопрос тихий, в нем слышится почти не завуалированная мольба.

Ненавижу? Нет. За что? За то, что он, бесспорно, торжествует из-за того, что мой брак развалился? За то, что всегда ломал то, что я строила? За «я же говорил», не произнесенное, но подуманное?

Глупо перекладывать свою вину на чьи-то плечи.

Душно. Мучает безумное желание разреветься.

— Надеюсь, ты рад...

Слова першат в горле. Слов не хочется.

Не хочется ничего.

— Я не рад.

Ложь? Очередная попытка покрасоваться, выглядеть благородным? Еле стоит, а туда же...

— Я знаю, кто убьет Хаука.

Говорить о Первых проще. Вспоминать опутывающую липкость видения, отголоски которого все еще стучат в висках. Щупальца охотника — длинные, извивающиеся, светящиеся холодным светом. Боль — минутную, дикую, после которой придет... Что? Искупление?

Бред. Смерть — не искупление.

Наверное, прав был Влад тогда: сольвейги счастливыми не становятся. И я, как доказательство: лишилась наставника, мужа, а скоро и жизни лишусь. Хотя для этого нужно найти девушку...

— Что именно сделала Лив?

— Уверена, что сейчас хочешь это обсуждать? — поморщился Влад, отмахиваясь от заботы. — Тебе не кажется, что нужно поговорить о другом?

— Нет! — замотала я головой. — Не хочу о тебе и... о том, что было у андвари.

Не хочу. Понимаю, что не спрячешься, что поговорить придется. Когда-нибудь потом... Говорить сейчас означает признаться себе: ничего уже не изменить. Признаться, перестрадать, смириться и жить дальше.

Я не готова.

— Так что сделала Лив?

Лив почему-то представлялась мне лучше всего. Темные, до талии волосы, блестящие, шелковистые и гладкие. Испуганные карие глаза. Лицо узенькое, с ямочкой на левой щеке.

Карминовые губы. Тонкие пальцы, сжимающие пресловутый клинок. Где его искать? А ее? И что если Хаук нападет раньше?

— Если верить легенде, она сдала Херсира. Подставила, сама того не желая. Потом пожалела, но поздно было — боги прислали Хаука. Ты знаешь, до сегодня я до конца не верил, но вот этот...

Влад замолчал. Застыл, придерживая ребра. И я невольно проследила за его взглядом. Гарди не было. На его месте остался лишь смятый снег.

Странно, но исчезновение Первого никак не откликнулось во мне. Какая разница, куда он ушел? Исчез? Испарился? Был ли вообще, или нам почудилось?

Был. Темные брызги на снегу — свидетельство его присутствия. Багровый синяк на скуле Влада. Его дыхание — свистящее, тяжелое, полусогнутая спина. Как бы ребра целы остались...

— Тебе нужно показаться Кириллу.

— Пустяки.

Крепится. Ущемленную гордость прячет за деланым безразличием. Смотрит пристально, пытаюсь выискать на моем лице последствия случившегося. Только нет их. Пусто. В груди будто дыра, а нее ползут сквозняки, намедает снег, сочится холод.

Нужно идти в дом. Там камин и обогреватели. Там Эльвира, которая тут же примчится отпаивать чаем, будет улыбаться, а от улыбки ее, как в детской песне, всегда становится теплей. Да, определенно нужно в дом.

Я медлила. Стояла и растерянно смотрела на то место, где несколько минут назад злился Эрик. Ждала, что вернется. Пусть бы кричал, смотрел ненавидяще, обвинял, клеймил. Но был бы рядом.

Где он сейчас?

— Лив убьет Хаука?

Вопрос из реальности, и меня вышвыривает из мыслей в зиму.

Холодно. И снова вспоминаются подробности видения. Мой сдавленный крик, почти рычание, хлещущий и порванной жилы кен, который приходится буквально черпать ладонями. Застывший на месте охотник. Отчаяние в его глазах. Тающие секунды, и, если не успею, оступлюсь, все будет напрасно. Дрожащая, как лист на ветру, Лив. Острие ножа, опасно блеснувшее в темноте.

Странно, но будущее больше не пугало. Зачем жить, если на горизонте маячит настоящий ад? Непрощение. Осуждение. Боль.

Влад ждет ответа. Смотрит, а от взгляда его расползаются по коже насекомые страхи. Вдруг узнает? Не позволит ведь... Заставит жить, принять ад, но дышать. Мучиться, но просыпаться по утрам. От удушливой, навязанной защиты потемнело в глазах, и я кивнула.

— Она.

И ведь не соврала даже. Недосказанность ведь не ложь?

Влад кивнул. Расспрашивать не стал: то ли решил сейчас не наседать, то ли боль пересилила любопытство. К дому мы шли в полном молчании, изредка останавливаясь передохнуть. Ночь окутывала предновогодним волшебством, искрился снег в свете фонарей, кружились в воздухе пухлые снежинки, и дом, обычно мрачный и хмурый, принарядился в белую шубу. Застыли деревья, будто в ожидании волшебства.

Любоваться хотелось. Я бы, наверное, смогла забыться — пусть на минутку — в снежном этом великолепии. Но Влад закашлялся и схватился за грудь. Я не сильна в

медицине, но подумалось, что это плохой знак.

Я усадила его на ступеньки, велела не шевелиться и ждать Кирилла. Пусть осмотрит, в больницу повезет. А мне не до этого. Почему-то что делать дальше, я понимала четко. От легкости в мыслях стало немного жутко. Впрочем, много ли я знаю о смертниках? Может, у них всегда так?

В доме царил полумрак. Тени ползли по серым стенам, скалилась ночь в провалы окон, лестница готично оканчивалась темнотой. О произошедшей несколько часов назад стычке с охотниками не напоминало ничего. Куда делись сами охотники — тоже непонятно. В доме ли, договариваются с Гектором? Ушли? Вернутся? Гостиная открывать тайны не спешила.

Дом спал, спали его жители, либо же затаились, попрятались по комнатам, и были не в курсе произошедшего в саду скандала.

В абсолютной тишине выдох получился отчаянно громким, пугающим. Как и шаги за спиной, на который я обернулась в надежде... которой не суждено было сбыться.

Алиса. Сверкнула глазищами и руки на груди сложила.

— Где Эрик?

В вопросе — напор и ненависть, скрывать которую она даже не старается. Непонимание еще — отчего я, а не она, такая сильная и умеющая много. Законопослушная. Красивая. Готовая на многое, а я...

Я — предательница. И показалось, Алиса знает и мысленно посмеивается, злорадствует, и от взгляда ее вспыхивают щеки, уши, шея даже горит от чувства вины. Хотя, если подумать, кто она мне? Соперница? Смешно... Смешно и больно, ведь теперь у нее появился реальный шанс. Эрик зол. Обижен. Гордость задета, и он может захотеть затереть обиду, вытеснить другими эмоциями. Женщины часто лечат мужчин лаской.

Отвечать я не стала. Почти бегом поднялась наверх, разбудила Кирилла — Владу нужно, чтобы о нем кто-то позаботился. А мне заняться важным делом...

Дэн на звонок не ответил, зато на мысленный толчок откликнулся сразу, и в груди горячо стало, как тогда, когда Барт обнимал. Снова захотелось плакать, в доме я не стала — выскользнула с черного хода в ночь, глотая морозный воздух и дрожа от холода. Нужно было одеться потеплее, но об этом я подумала, когда доковыляла до кованного, увитого резными лозами забора.

Дэн ждал, сунув руки в карманы, и хмурился. Смотрел на меня пристально, и возникло странное ощущение, что о ссоре с Эриком он в курсе и сейчас станет меня отчитывать.

Дэн в курсе очень даже был — но не об Эрике.

— Люсия пророчила о тебе.

Сказал он это быстро, будто выплюнул. И замолчал, словно боялся выпустить зло в мир. Поздно — зло уже выпустил Крег, и я боялась представить, где это зло сейчас, и кто уже успел пострадать от его светящихся злостных щупалец.

— А, это... — Я потупилась и многозначительно вздохнула.

Говорят, о собственной смерти рассуждать легко. Врут.

— Даже не смей! — резко предупредил Дэн. В лице изменился, острее проступили скулы, и глаза блеснули недобро. — Не вздумай...

— Что? — усмехнулась. Горечь вырвалась изо рта паром. И слезы — горячие, крупные — по щекам потекли. — Барт умер за это! Погиб. Учил... Меня, тебя. Отдал... Оно во мне.. горит, жжется... Ждет. Он ведь для того и...

— Поля.

Насколько мне нужны объятия сольвейга, я поняла лишь тогда, когда Дэн меня обнял. По волосам рука, и тепло, и душно. Реву, как дурочка, а слезы все бегут, и конца им нет. Хочется оплакать все и сразу: и судьбу свою нелегкую, и душу непутевую, которая, как бы я ни старалась, к Владу тянется. Сколько бы я не злилась, сколько бы не убеждала, что ненавижу его, но ненависть сошла на нет, обиды забылись, а память осталась. Память хранила только хорошее. Помнились вечера в его кабинете, усталые глаза, улыбка, от которой веяло теплом. Легкий поцелуй в лоб, теплый плед на плечи. Ярость, с которой он меня спасал.

Всегда.

Только вот это в прошлом — теперь я отчаянно это поняла. Не нужно бежать от прошлого, прошлое нужно отпускать. Отпустила на свою голову!

— И ты пойдешь на это? Сама? — Дэн отстранился и в глаза всмотрелся, ища на нем признаки лжи. — Безумная!

— Барт так хотел, — вздохнула я и вытерла слезы. Холодно от них, да и без толку плакать. Рядом с Дэном стало полегче, как и всегда в близости сольвейга. Еще бы с Люсией увидеться, поговорить, поплакать у нее на плече. Она бы качала головой и повторяла: «Бедный мой, бедный Паулина...»

Бедный, да. Сама виновата!

— Барт погиб ради этого. И печать... Почему я?

— Барт уже ставил печать, а это право, как ты знаешь, один раз всего дается, — мрачно пояснил Дэн. И переносицу потер, а он всегда так делает, когда злится. — Среди сольвейгов не так много безумцев, как ты думаешь. Люсия — сильная провидица, но не так решительна и совсем не воин. Да и отвыкла она от внешнего мира, нет у нее там поддержки.

— У меня есть, — кивнула я и взгляд отвела.

Барт поступил цинично. Он с самого начала знал, но вот... ненавидеть его не получалось. Злиться — тоже. То ли усталость, то ли понимание: Барт не со зла так поступил. Из необходимости. Наверное, нет в мире больше хищного, который сможет, не побоится. Который пережил столько, что не страшны ему никаких Первые.

— Я могу, — тихо сказал Дэн. — Я не ставил печати, и...

— Нет! Тебе Барт сольвейгов оставил, и ты не имеешь права их бросать.

Я тряхнула головой, утрясая мысли. Принятое решение казалось единственно правильным и логичным. И события сегодняшние: внезапно всплывшее воспоминание, ярость Эрика, уход его — знаки, подтверждающие выбор. Впрочем, видения пророчицам даны, чтобы предотвратить беду. И черта с два я отдам свою жизнь просто так!

Кулаки сжались сами собой, и слезы высохли, покрывая коркой онемевшие щеки.

— Мою судьбу ты не заберешь, — сказала я твердо. — Но вот изменить... — Подняла на него глаза и спросила: — Поможешь?

Дэн на мою задумку отреагировал скептически. Хмурился и поправлял челку, которая методично падала ему на глаза.

— Что об этом думает твой муж?

Вопрос поставил в тупик. И не то, чтобы я к нему не готовилась — вопрос был вполне логичен, но... Воспоминания были слишком острыми. Глаза, в которых обида. Растерянность. Злость через края, готовая вылиться, обрушиться на меня, на мир. Об Эрике думать было сложно.

— Он... — Взгляд отвела, боясь, что Дэн прочтет в них вину. — Я поговорю с ним.

Дэн вздохнул. Руку на плечо положил, и от этого стало легче. И мне бы к сольвейгам, хоть на денек. Посидеть у костра, выпить чаю из алюминиевой кружки, посмотреть, как танцует Люсия. Сбежать? Пожалуй. Жаль, что от себя не сбежишь. А если так, то какая разница, где находиться? К тому же Эрик вернется. Нужно поговорить, выяснить, что теперь будет. Со мной. С нами.

— Ты знаешь, я во всем готов тебя поддержать, но это не тот случай, — серьезно сказал Дэн. — Ты теперь жена, а для процедуры нужно...

— Знаю. Нужен кен.

Кен Влада. Много кена, ведь Гарди — не обычный ясновидец. Первый. Сильнейший из всех. И если до страшной правды Эрик был готов и даже сам предложил, то теперь... Это же я и Влад... Теперь Эрик ни за что не согласится, и, если запретит, я не стану спорить. Не смогу его ранить еще больше.

И умру.

Эта мысль зависла в воздухе, а потом гулко провалилась куда-то в пустоту. Голова все еще болела, на плечи навалилась невероятная усталость.

И потому, как только я вошла в пустую темную спальню, то, не раздеваясь, рухнула в кровать. Снились мне цветы. Распустившиеся лотосы на неподвижной глади озера в хельзе. Рассветное солнце золотило песок. И небо из нежно персикового перетекало в ясно-голубое. Полупрозрачное, как глаза Эрика...

Слезы очень даже можно придушить, если закусить подушку и думать о Первых. Об охотниках, которые вроде и поверили Гектору, но согласились ли с его прогнозами? О том, как найти Гарди.

В реальном мире рассвет был серым. Чертил узоры полупрозрачными тенями. Прятал солнце за сизыми, низкими тучами. Новый день хмурился, будто тоже осуждал.

Эрик так и не вернулся. И первое, что я ощутила утром — одиночество. Бездна, которая рождала панику. Хотелось вскочить, позвонить, поехать в город, а если понадобится, то и за границу, чтобы найти его. Попытаться оправдаться.

Глупо...

И каждый раз, когда я брала в руку телефон, не решалась набрать номер. Не знала, что сказать. Да и имею ли право... после всего.

Заставила себя умыться и привести себя в порядок. Признаться, такой усталости я не ощущала давно, с того момента, как узнала о том, что Кира — драугр. Но понимала, что должна. Двигаться. Дышать. Улыбаться даже, хотя улыбка в тот момент была для меня чем-то за пределами трудным.

В гостиной собралось много народа. Роберт и Лара, держащиеся за руки на диване. Молчаливая Лина. Бледная и потерянная Даша, которая, казалось, хотела быть отсюда как можно дальше. Мирослав, хмуриющийся и глядящий исподлобья на Алису.

Алиса говорила. Яростно, громко. Слова ее находили отклик у тех, кто ее слушал. Некоторые старались удовлетворение спрятать. Некоторые, как Лина, стыдились его. Мирослав, казалось, был разочарован. И на меня посмотрел осуждающе.

Алиса говорила обо мне. В моем присутствии она, конечно, замолчала, но выглядела при этом жутко недовольной — видать, речь была отрететирована и требовала слушателей.

Даша поднялась резко, словно мой приход стал для нее поводом это сборище покинуть. Она молча взяла меня за руку и потащила наверх. И уже у двери своей спальни, не сдержав эмоции, выдохнула злое:

— Стервятники!

И толкнула меня внутрь.

У нее было уютно. Кровать, накрытая вязаным покрывалом. Римские шторы на окне. Низкий резной комод. Кресло-каталка в углу. И огромный портрет, откуда на нас смотрел Эдмунд Стейнмод. Он лукаво улыбался, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок.

— Как ты? — участливо спросила Даша и усадила меня на кровать.

— Я...

— Влад рассказал мне. Надеюсь, ты не против? А эта... Алиса подслушала. Гадина! Растрепала всем... Извини.

Она крепче сжала мою ладонь. А я растерялась. Она меня не осуждает? Совсем? Или что это — жалость? Ну да, осталось только меня пожалеть.

— Влад в городе, — тем временем продолжала она. — Нет, все хорошо, но он решил, так будет лучше, потому что Эрик... Вернется, а тут... И Андрея — охотника этого твоего — Влад тоже забрал. Эрик, когда злой, может глупостей наделать. Он и тебя хотел забрать, но я отговорила. Тебя Эрик не тронет.

— Осуждаешь? — спросила я, отводя взгляд. Удивительно, но слез не было, хотя Даша смотрела очень жалостливо. В груди только ныло. И поясница. Почему-то когда нервничаю, в последнее время болит. Наверное, нужно врачу показаться.

Потом. Если выживу.

— Нет, — абсолютно серьезно ответила Даша и к моему огромному облегчению руку мою выпустила. — Разве я имею право? Ты — скади. Сестра мне, по сути. Кто я такая, чтобы забрасывать тебя камнями? Все ошибаются.

Поддержки от Даши я ждала меньше всего, поэтому не знала, что сказать. Сидела, слушала ее неумолкаемую трескотню, которой, я теперь была уверена, она хотела отвлечь меня от мрачных мыслей. Даша говорила много. О Владе и его состоянии. Что у него сломано два ребра, но Кирилл уверил, что он быстро пойдет на поправку. Об Андрее, которому теперь не страшно в городе. Охотники приняли условия Гектора, и препятствовать нам не станут. Присоединятся ли они к нам в борьбе с Хауком, неизвестно, но нападать больше не будут, и то радость. Об Алисе, которая встала ни свет, ни заря, и начала распоряжаться в доме, будто она здесь хозяйка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Для Алисы это реальный шанс, — усмехнулась я. — Она благодарить меня должна, а не судить.

— Глупости, — строго сказала Даша. — Эрик остынет. Подумаешь, поцелуй... Переживет его гордость!

— Вот уж не думаю, что она переживет.

Гордость у Эрика была живучей. Она сплелась корнями с его яростью, которую выпускать было опасно. Особенно сейчас.

— Эрик тебя любит. Просто он не привык...

— К предательствам? — горько улыбнулась я.

— К тому, что женщина может хотеть кого-то, кроме него. У Эрика никогда до тебя не было конкурентов. Он избалован и уверен в собственной неотразимости. То, что ты выбрала его, удивления в нем не вызвало, а это... Думаю, он растерялся.

— Не только он. Я тоже. Думала, прошло, а оно видишь как...

— Ты в курсе, я всегда была против вас с Эриком. Я знаю Влада с детства, и историю

вашу будто бы сама пережила. Мне было трудно. И Эрик — он не умеет с девушками так, чтобы серьезно. Не умел — до тебя. — Она вздохнула сложила руки на коленях. У нее был красивый маникюр. Классический красный, и ногти аккуратно подпилены. На среднем пальце левой руки — кольцо с одиноким камнем. Никаких излишеств. — А потом он изменился. Ты изменила его, понимаешь? Влад мой лучший друг, но я не могу не понимать, что вы с Эриком — пара. Настоящая, с глубокими привязанностями.

— Уже нет.

Мне ли не знать, как легко рвутся путы привязанностей. Чувства — еще не все. Доверие — главное. Доверие — как девственность, его не вернешь.

— Эрик остынет, — повторила Даша, и показалось, она убеждает больше себя, чем меня. — Вот увидишь.

Все же дар убеждения у нее был так себе.

Зато она отлично умела отвлечь. Заболтала. Непринужденно рассказала об их детстве. Об атли, с которыми со скади были дружны. Об Эрике, который до смерти отца был другим. Мягче. Неопытнее. Более открытый миру, он пытался мир постичь. Много читал и ночи проводил в библиотеке. В то время он был слабее — огромную часть кена Эрик получил в результате автоматического наследования. Когда их папа...

На этом моменте Даша запнулась, и глаза ее блеснули, будто она собиралась расплакаться. Сдержалась. Улыбнулась нервно, и мне подумалось, что они с Эриком все же похожи. От схожести этой защемило в груди.

Вина. Горечь, которая шла, казалось, из самой жилы. Чувство потери, которое, как ржавчина, разъедает.

О родителях Даша говорила сбивчиво, яростно. Они были безусловно интересными личностями, и во время ее рассказа я ловила себя на мысли, что жалею о том, что не вышло с ними познакомиться.

Божена — сильнейшая целительница всех времен, если верить летописям. Говорили, она буквально вытаскивала хищных с того света. Прямой потомок Херсира, в которого я не верила до момента открытия портала. И в митаки ее ценили, вождь даже замуж звал, однако удержать не смог.

Любовь?

Поговаривали, Эдмунд ради нее отменил свадьбу. И специально купался зимой в пруду, чтобы заболеть. Чтобы она вылечила...

Слухи, которым хотелось верить. О том, что можно вот так — душа в душу — без предательств и соблазнов. Пусть не у меня.

У меня не вышло.

Опомнилась я, уже когда стемнело. Усталость и апатия накатили внезапно — от сильных видений, бывает, штормит несколько дней. Дом ожил снизу, первым этажом. Наполнился гулом голосов, смешками, лязганьем посуды. Четыре племени хищных в одном доме — это вам не шутки. А еще и ясновидцы. Комнат свободных не осталось, приходилось ютиться по несколько человек в одной спальне.

Уходить от Даши не хотелось, но я засыпала на ходу, потому попрощалась. И к себе шла в приподнятом настроении, несмотря на случившееся.

Настроение пришлось оставить за порогом собственной спальни.

Он сидел на кровати, и плечи его были непривычно опущены. Устал. И круги под глазами пролегли. Когда я вошла, он сжал кулаки, но глаза на меня не поднял.

— Эрик...

Выдох оцарапал горло. И перед глазами поплыло — от усталости, наверное. И я застыла, едва прикрыв дверь, не зная, как себя с ним вести. Подойти? Говорить? А если говорить, то что?

Эрик избавил меня от необходимости принимать решение.

— Уходи.

Слово вышло колючим. Злым. Он напитал его той своей яростью, которой не умел сопротивляться. Ярость ушла, а слово осталось.

— Пожалуйста...

Мои слова выходили жалкими, и их полупрозрачные окончания, тонули в шумных выдохах. Моих. Его. Напряжение было таким сильным, что отдавалось звоном в ушах.

— Давай поговорим...

— Нет. Я не готов тебя слушать.

Не готов... Будет ли? И сколько ждать? Я буду ждать — пусть бы вечно, только вечности у меня нет.

Внезапно стало холодно. До озноба. И только он — мой Эрик — теплый и в состоянии согреть. Прогнать разъедающие меня эмоции. Наплевать бы на все и прижаться! Только не позволит.

— Я не смогу с тобой спать. Видеть даже... Так будет лучше.

Уйти? Но... куда?

— Мне все равно, — ответил он на невысказанный вопрос. Ну да, теперь можно забыть об обещаниях и спокойно читать мысли.

Мысли закончились. Растеряла.

Вышла я на автопилоте. Был коридор. Ступени, устланные коврами. Темная, высокая дверь. Запах пыли. Хлам в углу. Драное, линялое покрывало. Сквозняк из окна, и я пытаюсь согреть себя, обняв руками. Они холодные. Мне все равно.

Сны — путанные, вязкие, пропитанные туманом и сыростью. Из них с трудом получалось вырваться, и я тяжело дышала, растирая плечи окоченевшими ладонями.

А ближе к рассвету не выдержала — встала. Облокотилась на ледяной подоконник и выглянула на улицу. Снег блестел от света фонарей. Зима. Я невольно подумала, что вовремя Андрея отсюда унесли. Тут просто невозможно жить.

Мне придется. Свободных комнат нет, а подселиться к кому-то... Я не выдержу — взглядов, жалости, шепота за спиной. Лучше здесь, в одиночестве.

Зря я надеялась, что вырвалась из прошлого — оно опутало ноги и тянет вниз, на дно. Значит, такова судьба. Надоело!

Дверь противно скрипнула, впуская ручеек света из коридора.

— Поля...

— Не надо! — Горло сжалось, и на глазах выступили слезы. Сочувствие делает нас слабыми, а мне нельзя.

— Ну что же ты, а...

Глеб горячий. И я прижимаюсь, втискиваюсь ему в грудь, кутаясь в объятиях. Взрываюсь рыданиями — сухими, беззвучными. А он гладит, гладит по спине.

Больно. Боль рождается в груди, и я не знаю средства, чтобы ее унять. Ребра давят, окольцовывают распирающее, тяжелое.

— Не реви, — бурчит Глеб, а сам утешает — сдержанно, как умеет только он. — Или

нет, пореви лучше. Легче станет.

Не станет. Но я разрешаю себе поверить Глебу, пусть на несколько минут.

Глава 9. Предок

Жила горит, пульсирует печать Эрика — странно, но до той ссоры я ее почти не ощущала. Сейчас чувствую явно. И неведомая сила тянет к нему, побуждает искать встреч. Сдерживаюсь. Сижу. Подоконник холодный, но на нем подушка, а колени укрывает плед.

Встречи ни к чему хорошему не приводят. В его взгляде — злость и холод. Он обжигает, подавляет, заставляет ежиться, отступать в тень. Прятаться в этой комнате, которую я так и не смогла привести в божеский вид. Смотреть сквозь мутное стекло на улицу. На слепящее солнце и тающий снег. На раскрасневшихся, смеющихся защитниц, которых тренируют Эрик с Гектором.

Алиса там. Неизменно. И ее улыбающееся лицо причиняет физическую боль. Больно в груди, и голова словно в тисках. Терплю. Потому что только так можно на него смотреть.

Нет, мир не рухнул мне на голову после того дня. Я даже выходила из комнаты. Голову держала прямо, общалась с друзьями. Проводила много времени с сыном. Обедала, правда, у себя. Аппетит пропадал под тяжелыми взглядами, но в целом моя жизнь осталась моей жизнью. Во всяком случае, презрения не было. Как и мифических наказаний, изгнаний и гонений.

Холод был. И одиночество. Но его разгоняли друзья. Глеб, Ника, Ира — она так вообще засиживалась у меня допоздна, будто боялась, что я могу... Глупая. Я никогда не смогу — слишком люблю жизнь.

О Гарди я думала часто, особенно после возвращения Влада.

Странно, но ничего страшного не случилось, когда он вернулся. Потолок на него не упал, гнев Эрика — тоже. Если на меня Эрик злился, то Влада просто игнорировал. Делал вид, что ничего не произошло. И часто уходил с защитницами на улицу.

Как сейчас.

Куртку не надел ведь! Простудится, а я не целитель. Алиса, к счастью, тоже. И та девушка, которую он привел с собой.

Маленькая. Зажатая, забитая даже. Затравленный, бегающий взгляд. Глубокие, темные глаза. Дрожащие ладони, которые она прятала в широкие рукава бесформенного свитера. Шлейфовый аромат розы.

Пророчица из Америки.

Линда.

Она совершенно не говорила по-русски и ходила за Эриком хвостом, стараясь ни на шаг от него не отступать. А когда он работал, сидела, притихшая, где-то неподалеку. Читала. Водила пальцем по экрану смартфона. Или же смотрела на Эрика, не отрываясь, отчего мне становилось жутко.

Даша сказала, она не опасна. Но отпечатки ее взглядов мне хотелось с Эрика смыть.

Последствия венчания... Они не ощущались, когда мы были вместе, а теперь мучили меня. Изматывающими снами. Жжением в ладонях. Тупой болью в жиле. Ревностью.

Или она не зависит от ритуалов?

В доме все чаще заговаривали о Первых. И Линда, прячущая взгляды, была подтверждением тому, что нас все же ждет что-то страшное. Потому что она видела Хаука. Видела и выжила — нелепица какая-то. В моих снах Хаук никого в живых не оставлял.

Линду в родном племени не любили. Была темная история, подробностей которой никто не знал. После нее пророчица изменилась, отстранилась ото всех и замкнулась в себе. Говорили, она была очень сильной — до той истории. А потом дар ее предал. Ушел. И вернулся недавно — болезненными снами о Первых. Линда считала, что возвращение дара почуял Хаук, потому и пришел.

Она часто проводила время у источника. А когда вернулась, гонимая плохими предчувствиями, ничего уже нельзя было вернуть — ее соплеменники были мертвы. Хаук ее не тронул. Посмотрел только пристально, коснулся щупальцами жилы и ушел.

Из ее племени спаслось всего трое — в тот момент они охотились на неподконтрольных властям территориях. Это их спасло, только вот племени больше не осталось. Вождь погиб... А саму Линду отдали Эрику.

Почему?

Бесполезно у него спрашивать — не ответит. Он вообще со мной не разговаривает, и я не навязываюсь. Приняла правила игры.

Много думала, пытаюсь сложить кусочки головоломки в единое целое. Не получалось. Барт говорил, Хаук придет убивать сильнейших. Но если так, почему он все еще не пришел к нам? Ведь в нашем доме собралось достаточно уникалов и безумцев.

На эти вопросы ответов не было.

На подоконнике действительно холодно, и немеют колени. К тому же, защитницы закончили тренировки, и во дворе остался лишь Гектор. Ясновидец сложил руки за спиной и смотрел в сторону уходящей в сад тропинки. Из дома вышла Лидия, вынесла плед и накинула отцу на плечи.

Я встала и немного размялась. Пространства было не слишком много, и я подумывала о том, чтобы снова начать бегать по утрам. Побороть лень и психологическую усталость, взять себя в руки... когда-нибудь. Завтра?

Откладывание на завтра превратилось в привычку. Как и ежедневные мучения в виде рассматривания Эрика в окне. Он не простит меня. Не поймет. Три месяца прошло, а ничего не изменилось. И, наверное, стоит смириться, принять новую роль, но я не могла. Противилась. Надеялась, что рано или поздно мы поговорим, выясним все, ведь у меня с Владом нет ничего и быть не может. Мало того, у них с Ирой все вроде хорошо. Нашли общий язык, чему я была рада.

Эрику этого было мало.

И я ждала, когда же он, наконец, скажет... Кто я? Мы? Осталось ли что-то от этого «мы».

Но Эрик по вечерам был с Алисой. Они закрывались в кабинете, а я сходила с ума. Заслужила? Наверное. Но с каждым днем все больше хотелось послать все к черту.

Решив для начала послать к черту собственную лень, я нацепила кроссовки. Снег уже почти растаял, и на подсохших виляющих дорожках сада можно укрыться и от взглядов, и от страхов, и от апатии.

Бег разгоняет кровь. Она стучит в висках ускоренным пульсом. В наушниках — «Nightwish», ветер в лицо, и первые весенние лучи ластятся к коже. В такие моменты о плохом не думается. Можно отпустить разум и наслаждаться реакциями тела на нагрузку и скорость.

Бегать я любила. И не заметила, как выдохлась — нельзя после большого перерыва работать на износ. В боку закололо, и пришлось остановиться. Я обхватила себя руками,

стараясь восстановить дыхание. Таблетки наушников выдернула из ушей. Сердце колотилось, а вокруг просыпалась весна. Птицы пели. В прогалинах между деревьями пробивалась первая зелень — сочная, яркая.

Весной страдать легче, подумалось мне. Не так угнетает. И мысли появляются новые, свежие. Идеи. Решения.

Давно пора начать искать Гарди. Обсудить с Владом и с Дэном. Эрику до меня дела нет, возможно, он не станет возражать. А если станет... Мне не впервой делать что-то вопреки воле вождя. Хуже не будет, я и так не в фаворе.

Только я забыла, что хуже может быть всегда.

Я реально перестаралась. Подъем по лестнице на третий этаж дался мне с трудом — колени дрожали, так и норовя подкоситься. Приходилось держаться за перила и мечтать о мягкой кровати. Душ потом, когда отдохну. А пробежки нужно сделать регулярными, а то совсем себя запустила — и морально, и физически. Страдашки мне чести не делают. Отстрадала свое — хватит.

Перила закончились вместе с лестницей. Коварные! В коридоре-то не за что держаться. И дверь в мою каморку, как назло, в конце этого самого коридора. Сорок чертовых метров без опоры.

По инерции получилось сделать три шага. Всего три шага, прежде чем замереть. Потому что коридор пустой, нет никого, да и кому тут быть, если на нашем этаже лишь ясновидцы и хегни, а ни те, ни другие по дому шастать не любят.

Эрик шел навстречу, как ни в чем ни бывало. Один. От странной интимности — лишь я, он и приглушенный, желтый свет кованых бра — я растерялась. И понимала, что стоять глупо, но ничего не могла с собой поделать. Ноги будто вросли в треклятый пол!

Впервые с момента ссоры мы одни в почти замкнутом пространстве. И взгляд, которым Эрик по мне мазнул, лишен привычного холода. Или показалось?

Дыши, Полина, дыши. Что же ты, как школьница, застыла тут, мнешься? Жизнь не кончается на расставаниях.

Поэтому я вздохнула и сделала шаг. Наше движение друг другу напоминало танец, в котором вел Эрик. Я лишь подстраивалась. Танец мне не нравился. Хотелось поскорее его закончить, спрятаться за закрытой дверью и отдышаться. Сбежать? Пожалуй. Но лучше так, чем раскрывать эмоции, которых от тебя не ждут.

Мы почти поравнялись, чтобы разойтись, когда в шаге от мнимой свободы колени у меня все же дрогнули. Подвели. Уверена, удержаться на ногах я бы смогла — подумаешь, споткнулась.

Прикосновение обожгло. И от запахов — родных, близких, но затертых памятью — потемнело в глазах. Цитрус. Кедр. Карамель. Прозрачный холод глаз. Голос хриплый, пробирающий. От него еще сильнее колотится сердце.

— Осторожнее, пророчица. Упадешь еще, поранишься.

Выдох — слишком громкий, и волнение скрыть не удастся. Цепляюсь взглядом за его взгляд, как крючком, стараясь удержать. Но он срывается скользкой рыбой. Эрик отпускает меня и идет дальше. А я стою еще несколько минут, боясь спугнуть его запах, оставшийся на одежде.

Цитрус. Кедр. Карамель.

И горячей волной накатывает понимание: я потеряла его.

Нет, человека нельзя потерять, он же не кошелек. Однако наши отношения треснули, и

трещину эту ничем не замажешь. А это значит...

Нужно жить дальше. Забыть. Возможно, Эрик больше не злится и выслушает. Если ему все равно... Будет больно, но я переживу. А сейчас дело важнее. Гарди и его излечение. А если так, то нужно поговорить, выяснить, что Эрик думает об этом. Вести себя, как добропорядочная и послушная хищная. Не будем же мы друг от друга вечно бегать.

Если ему все равно... А если нет?

Когда в ванной я посмотрела на себя в зеркало, из груди вырвался невольный стон. Ну почему я встретила Эрика именно сейчас, после пробежки? Растрепанная, потная, щеки горят, а волосы... Черт-черт-черт! Единственный раз, когда Эрик решил заговорить со мной, я в таком виде. Конечно, Алиса на моем фоне выигрывает. Она-то всегда опрятная, причесанная и помнит про духи.

Почему-то стало обидно оттого, что я себя запустила. Сижу тут затворницей, забыла, что такое косметика, утюжок для волос и мини-юбка. Нет, к мини я не готова даже чтобы заткнуть за пояс Алису. Да и не умею я правильно использовать все эти женские штучки. Хлопать ресницами, томно вздыхать, соблазнительно поводить плечом.

Единственное, что у меня есть — повод.

Говорить о деле проще. И это лучше, чем ни о чем не говорить, теряться в догадках. Давно нужно было, а я медлила. Но не сегодня. Сегодня наберусь, наконец, смелости.

Карамельный шлейф рассеивался, и мне было жаль, что нельзя запихнуть запах в банку.

Одевалась я быстро. Руки тряслись от волнения, и никак не получалось застегнуть чертову пуговицу на джинсах. Я накрасилась даже — впервые за несколько месяцев. Губы тронула блеском. Наверное, выглядела глупо с этими своими приготовлениями. Хотелось нравиться ему, заставить вспомнить, как он шептал мне на ухо всякие милые словечки. Как прикасался. Он любил ко мне прикасаться. Теревить мой мизинец, когда был чем-то озабочен. Водить большим пальцем по запястью.

Почувствовать его оказалось легко. На первом этаже, в кабинете. Дымка задумчивости. Оттенок грусти. Сосредоточенность.

Шаг. Еще один. Картины на стенах провожают. Мне страшно и в то же время волнительно. Звук шагов глушится мягким ковром.

На пути мне встречаются люди, они задают вопросы. Я им что-то отвечаю, улыбаюсь даже, правда, растеряно. У меня есть цель. Она прячется за тяжелой дубовой дверью, и по пути я репетирую речь. Я войду спокойно и попрошу Алису выйти. Дождусь, когда она — раздосадованная и злая — закроет за собой дверь. Выдержу тяжелый взгляд Эрика. Скажу о Гарди. О Хауке. О том, что сейчас не то время, чтобы ссориться.

Дожидаюсь, пока коридор, ведущий к кабинету, опустеет. Ловлю запахи жареного мяса и вспоминаю, что хорошо бы поесть. И, возможно, сегодня я буду обедать со всеми, в столовой.

Но сначала разговор. Настраиваюсь на то, чтобы говорить спокойно, рассудительно. Вдыхаю и нажимаю на ручку двери.

Распахнуть не успеваю, лишь приоткрыть. Но мне хватает.

— Чувствуешь? — спрашивает Эрик.

— Да, — выдыхает она так, как я не умею — томно.

Я не вижу их, но воображение рисует картинки, от которых мутит.

— Еще хочу, — почти шепчет Алиса, и моя рука сжимает ручку двери, будто бы силась ее сломать.

— Позже.

Эрик говорит это мягко, но в голосе — категоричность. От слов «еще» и «позже» у меня кружится голова. И уйти бы — я явно тут лишняя — только любопытство держит. И еще одна непонятная мне эмоция. И вдруг я отчетливо понимаю: мне нужно знать. Здесь и сейчас.

— Ты подумал о моей просьбе? — еле слышно спрашивает Алиса. И через несколько секунд, не дождав ответа, напоминает о себе: — Эрик?

— Не о чем думать, — отвечает он глухо.

Я почему-то представляю его, стоящего у окна, со сцепленными за спиной руками. И в своем воображении не позволяю ему обернуться к ней. Смотреть на нее. Отвечать тоже не позволила бы, если бы это было в моей власти.

Больно дышать. И вокруг все тусклое. Но нужно дослушать.

— Почему? — Алиса раздражена. Шуршит одежда, шаркают шаги. Хотелось бы уметь запрещать ей приближаться к Эрику. — Я давно хочу быть скади. Я сильная, ты сам говорил. От меня в племени будет польза.

Дыхание. Стук в висках. Напряжение в пальцах.

А потом Эрик говорит:

— Это невозможно, ты знаешь.

— В скади принимают женщин!

Она настойчива и отступать не привыкла.

— Только перед венчанием с кем-то из скади, — соглашается Эрик.

И я уже понимаю, к чему ведет этот разговор. Знаю, какой будет следующая реплика Алисы.

— В чем проблема? Ты мог бы на мне жениться.

Я зажимаю рот рукой, чтобы не закричать. Отпускаю ручку. Нарастающий шум в ушах глушит ответ Эрика. Я не хочу его знать, не хочу слышать.

Ничего не хочу.

Обида душит, дерет горло. Тыльной стороной ладони остервенело стираю блеск с губ. Банальщина какая! Накрасилась, будто на свидание собралась. Дура!

И заплакать бы, а не плачется. Злость только, и от злости ноет жила. Ладони чешутся, перед глазами — белая пелена. Как тогда, у очага атли. От греха подальше выхожу из дома через черный ход. Я рада, что прошло время, и мое предательство — не главная сплетня в доме. Оно потускнело, к нему потеряли интерес, а потому резкий мой уход остается почти незамеченным.

Почти...

К вечеру весна отступает, прячется. Поднимается холодный, промозглый ветер. Он рвет тонкие ветви деревьев, швыряет в лицо замерзающие на лету капли дождя. Надо же, а ведь еще днем было солнце. Я зажмуриваюсь, подставляю ладони, стараясь почувствовать хоть часть того единства с защитником, которое было в атли. Пусто. Ничего. Моя жила трансформировалась навсегда. Это просто дождь. Холодный, колючий, безразличный.

— Замерзнешь, — отметил кто-то и заботливо укрыл мои плечи пледом.

Обернулась — Лидия. Смотрит на меня жалостливо, и жалость с ее лица хочется стереть. Сжимаю кулаки, сдерживая рвущийся на волю кен.

— Уходи, — процедила я сквозь зубы и отвернулась.

— Она ему не нравится, — тем же спокойным тоном продолжила Лидия, игнорируя

мою реплику. Стала рядом и обняла себя за плечи. Хрупкая. Раньше я не замечала, насколько. Острые скулы, прямой нос, во взгляде — некая доля обреченности, свойственная для всех ясновидцев. — Вернее, нравится, но... не так.

— А как? — вырвалось прежде, чем я успела себя остановить.

Злость утихала. Остывала на холоде жила, расслаблялись вены, переставали гореть ладони.

— У Алисы уникальный дар. Эрику нравится его развивать.

Дар. Хорошая отговорка и повод остаться наедине. Слушать томный шепот, касаться руки, направлять своим кеном. Бессилие рождало паранойю, и Лидия, как ни старалась, помочь не могла.

— Нет ничего непреодолимого, Полина, — сказала она тихо, и мне показалось, в тот момент она была очень похожа на отца. Надолго лишённая нормальной жизни, оттого к ней равнодушная. Мудра не по годам. Сильная? Тут уж не мне судить, но кена на нее ушло больше, чем на ясновидца, которого я исцелила в селении Барта.

Знает ли она, что нас ждет? Выражение лица непроницаемо, и не поймешь. В какой-то мере она права — нет ничего непреодолимого...

— Кроме смерти, — вырвалось у меня.

— Ты чертовски права!

Обернулись мы с Лидией синхронно. Он стоял, облокотившись о косяк двери, и смотрел на нас насмешливо. Высокий. Длинные русые волосы до плеч явно нуждались в расческе. Кожаные штаны... Черт, сейчас кто-то такое носит? Рокеры разве что. Жилетка в тон. На поясе — кинжал в ножнах. Глаза — то ли серые, то ли светло-голубые — сверкают азартом. В целом — ничего особенного. Хищный как хищный. Только вот...

— Ты в курсе, что в городе не выцепишь ни одного ясновидца? — пожаловался он и шагнул к нам. Лидия напряглась и ко мне придвинулась, будто бы искала защиты. — Беспредел!

— Кому сейчас легко?

Я нервно усмехнулась и Лидию осторожно обошла, чтобы ясновидица оказалась за моей спиной. Нет, не то, чтобы я думала, что смогу с ним сладить... Кто я, а кто он? Но инстинктивно свое «детище» защитить хотелось. Я столько кена на нее потратила. Не позволю, чтобы весь труд насмарку пошел!

— Сложно, да, — согласился он и усмехнулся. — Но я фартовый. Ты вот сама вышла!

— Я...

Его глаза гипнотизируют, мир вокруг меркнет, плаваются, размываются очертания, охватывает блаженство, и я ловлю себя на мысли, что улыбаюсь ему. Мне легко. Я счастлива. И то, что совсем недавно хотелось плакать, кажется смешным.

Очнулась я, когда он взял Лидию за руку. Наверное, если бы не ее вскрик, я бы и дальше улыбалась ему. Оцепенение спало, проснулась злость.

— А ну отвали! — раздраженно выдохнула я и потянула ясновидицу на себя. Она мелко дрожала, и, показалось, ее испуг вот-вот перерастет в истерику. — Ее трогать не смей.

— А она что, особенная?

— Послушай, — я тряхнула головой, стараясь избавиться от его влияния — сладкого, тягучего, как патока, — если ты пришел помочь...

— Он не помочь пришел! — выкрикнула Лидия, стараясь вырваться из цепкой хватки. — Зови Эрика!

Он покачал головой.

— Никто никого не будет звать.

Звон в ушах оглушил. Помню, что в глазах потемнело. И его ладонь помню — теплую, шершавую. Запах древесной смолы. И глаза, глядящие прямо в душу.

Картинки.

Тяжелое свинцовое небо над лесом. Пруд — темный, холодный — и по поверхности воды разбросаны желтые листья. Туман запутался в кустарнике полупрозрачной ватой. Камни у реки обросли темно-зеленым, мягким мхом. Мох устлал и землю пушистым ковром.

Бугристая кора дерева больно впивается в спину. На бедрах — мужские руки. Дыхание в ухо, хриплый шепот. Стон, срывающийся с моих губ.

— Лив...

Клубника. Древесная смола.

— Моя Лив...

Мир завертелся воронкой. И мне бы вспомнить про Лидию...

Лидия? Кто это? Ее нет, она еще не родилась. Родится. Позже.

Древесная смола и клубника...

— Не бойся.

Не боюсь. Как его можно бояться? Он ведь мой, я всегда это знала. Мой... Херсир.

Глава 10. Четвертый элемент

Очнуться меня заставила боль в жиле. Резкая — она отрезвила. И голос, будто бы из тумана настойчиво приказал:

— Иди в дом.

Звуки смешались, мир расплывался уродливыми кляксами. Картинка меркла. Лес? Озеро? Клен?

Клен качался и бил голыми ветками по навесу крыльца.

— Иди в дом, Полина! — настойчиво повторил Влад.

Меня больше никто не держал, и рука была свободна. Херсир посмеивался и не спускал с меня внимательного взгляда. Впрочем, Лидию он так и не выпустил.

— Ты — Первый, — зачем-то сказала я.

Влад повернулся к растерянному Глебу и велел:

— Живо!

Что он имел в виду под словом «живо», я не поняла. Но Глеб послушался и скрылся в доме. Голова кружилась, а вокруг дурманящее пахло клубникой.

— Приемчики охотника, — поморщился Первый, качая головой. — Где нахватался?

— Там уже не преподают, — отмахнулся Влад и зачем-то ко мне придвинулся. — Нехорошо обижать девочек.

— Нехорошо мешать старшим.

— Даже если у этих «старших» напрочь крыша слетела?

— Это древнее проклятие, — нахмурился Херсир. — И я его сниму.

— Какое проклятие? — Собственный голос я слышала словно сквозь вату. Холод пробирался к телу медленно, рождая крупную дрожь. Плед, брошенный Лидией, уже не спасал. К слову, она дрожала не меньше.

— А пусть Первый расскажет, — предложил Влад. — Довольно занимательная история выходит.

— Тянешь время. Умно.

Как он снова оказался рядом, я не поняла. Словно бы перетек по воздуху вместе с Лидией. Рядом с Первым кружилась голова. И пьянящие образы всплывали в памяти. Запах прелых листьев, древесной смолы и клубники.

— Свою кровь я чую прекрасно. Он не успеет.

Когда он снова взял меня за руку, стало хорошо. Спокойно. И спать захотелось. Лидия, казалось, уже дремала, устроив голову на плече Херсира.

— Подожди. — В голосе Влада послышалась обреченность.

И чего переживать? Хорошо ведь все. Уютно. А там, куда мы отправимся, трещат в камине поленья. Свечи горят. Магический круг на полу. Книга.

Там все закончится. Наконец-то не будет больно.

Голос Херсира в мыслях успокаивал.

— Разве у тебя есть все... для ритуала?

— Хочешь напроситься?

— Хочу.

— Хорошо, — кивнул Первый. — Только больше никаких охотничьих трюков. Иначе на

цепь посажу.

Реальность смялась, скомкалась картинка, и нас выплюнуло в небольшую комнатку с низким потолком.

Стены, обшитые деревом. Деревянный пол. Пасть камина, прикрытая шторкой. Ритуальный круг нарисован красным, около привычных символов стихий будто бы в спешке начертаны незнакомые мне вязи рун. Свечи. Запах ладана и мирры.

Старая софа у окна, а само окно с наружной стороны наполовину залеплено снегом. И если так, то... Где мы?

Где-то справа брякнул металл, и я обернулась. В темном углу, прикованный к полу цепями сидел Богдан. Выходит, про цепи Херсир не шутил... Охотник взглянул на нас с Владом с ненавистью, а на Первого — с опаской.

Херсир выпустил мою руку, и я выдохнула с облегчением. Все же первобытной мощи мне на сегодня явно достаточно.

— Располагайтесь, — гостеприимно сказал он и подтолкнул оцепеневшую Лидию к софе. — Мне нужно подготовиться. И да, — на этот раз он повернулся к Владу, и за внешней насмешкой проступила угроза, — дабы предотвратить ненужные попытки... этот дом защищен.

— Никто не выйдет, — задумчиво кивнул Влад.

— И не войдет, — уточнил Первый и исчез.

Готовиться, видать, пошел.

К чему?

— Зачем мы здесь?

Лидия опомнилась быстрее меня. Она испуганно озиралась, косилась на Богдана, словно искала в охотнике поддержки.

— Он нас убьет, — зло выплюнул Богдан и дернул цепь, будто пытаясь вырвать из пола кольцо, к которому она была прикреплена. — Чертов зверь!

— Убьет?..

Мои губы онемели. Пересохло горло — от испуга, наверное. Все же такого поворота я явно не ждала и к нему не готовилась.

— Послушай, Полина. — Влад развернул меня к себе и сильно сжал плечи. — Времени у нас не так много, так что придется импровизировать. Херсир считает, есть ритуал, способный умиловить богов, чтобы те сняли проклятие с него, Лив и Гарди.

— Какое проклятие?

— Вернуть все, как было. Сделать их такими, какими они родились изначально. Людьюми. Херсир боится Хаука, Поля, и не собирается больше убегать.

— Хочешь сказать, есть ритуал, способный сделать Первых людьюми?! — удивилась я.

Влад покачал головой.

— Не только Первых. Нас всех.

Прозвучало неправдоподобно. Дико. Я и вдруг человек... Без кена, дара предвидения, без способностей сольвейга. Попыталась вспомнить себя прежнюю, до знакомства с атли. Не получилось. Казалось, я с рождения в курсе о принадлежности к хищным.

— Мы станем людьюми, — повторила вслух, чтобы свыкнуться.

— Мы не станем, — откликнулся охотник и еще раз с остервенением рванул цепь. Та, естественно, не поддалась. — Оглохла, что ли? Мы умрем!

— Богам нужна жертва, — мрачно подтвердил Влад. — По одному представителю

каждого вида.

— Мы — жертва?!

Богдан кивнул. Лидия заплакала, закрыв лицо ладонями.

Ну же, ясновидица, ты сильная. Подумаешь, умрем...

Умрем.

Мы. Умрем.

Я больше никогда не вернусь домой... Алана не увижу. От него пахнет молоком и лавандовым маслом, а когда я целую его в макушку, торчащие волосы щекочут нос.

Но, наверное, это милосерднее — умереть тут. Во всяком случае, лучше, чем от щупалец Хаука. Для меня.

А для них?

— Пстой, ты сказал, по одному каждого вида. — Я повернулась к Владу. — Богдан — охотник. Лидия — ясновидец. Только не говори, что пришел сюда умирать вместо меня!

— Вместо тебя не получится, увы. Потомок Лив Херсиру тоже нужен.

— Потомок... Лив?

— Не ожидала? Я тоже. Считается, что их не осталось, кроме Первого сольвейга. Однако оказалось, у Лив был еще ребенок — от хищного. Так что ты тоже часть древности, привыкай.

Сегодня прям день крышесносных открытий! Я — потомок Лив? Быть не может! Хотя... Картинки там, на пороге: древний лес, мягкий мох, шепот на ухо — все это могли быть ее воспоминания. Проснувшаяся кровь? Не она ли привлекла нас с Эриком друг другу? Древность к древности. И тогда наши чувства могут оказаться ненастоящими, навязанными генетической памятью... Удобно так думать. Особенно, когда перед глазами встает довольное лицо Алисы.

— Бла-бла, — подал голос Богдан. — Пустые разговоры. Мне показалось, у тебя есть план.

— Такой себе план, — честно признался Влад. — Херсир боится Эрика. А если не боится, то опасается. Иначе он не торопился бы так, чтобы успеть раньше, чем Глеб сообщит Эрику.

— Насколько я вижу, Эрика тут нет, — скептически отозвался Богдан. — Так что план действительно такой себе.

— Эрика нет, — согласился Влад и посмотрел на меня. — Но есть та, кого он услышит.

Меня? Серьезно? Я — последняя, кого Эрик станет слушать! Да и кеном мы давно не обменивались — связь могла затереться, особенно если расстояние между этим местом и домом значительное.

— На твоей жиле его печать, — уточнил Влад уже тише.

Печать. Ее я чувствую. Легкое жжение в животе. Натянутая жила. Она стремится к тому, кто ее заклеил. Зовет. Дозовется ли? Услышит ли он? А если услышит, то...

— Постарайся, Полина. У нас действительно мало времени...

Несмотря на сомнения, я послушно закрыла глаза. Постаралась отрешиться от реальности, которая грозила гибелью, и гибель эта рождала страх. Страх — естественная реакция организма на опасность. Проявление инстинкта самосохранения. Его у меня иногда получалось приглушить. Возможно, и сейчас получится.

Вторым слоем шел страх иного рода. Эрик наверняка меня ненавидит. Не желает общаться. И если раньше это удавалось игнорировать, скрываясь в полутемной, пыльной

спальне, то сейчас укрытия пали. Прятаться негде. И на волю вырвался страх быть отвергнутой. Ведь если Эрик сейчас не услышит, не откликнется, перед смертью я буду знать, что он меня бросил. Окончательно.

Не этого ли ты хотела, Полина — определенности?

И этот слой бессознательного я сорвала без сожалений. Горькая правда лучше сладкой лжи. А еще говорят, смерть затирает воспоминания.

«Эрик, — позвала я мысленно. — Если ты слышишь, если ты все еще... Мы в беде! Сс мной Лидия, слышишь! Она должна жить. Ты должен ей, ты должен Гектору!»

Слова придумывались на ходу. Они трансформировались в мысли — правильные, спокойные. Действительно, я не могу думать только о себе. И если не нас с Владом, то Лидию Эрик спасти обязан! Хотя бы попытаться. Аргумент показался мне достаточно весомым, и я несколько раз повторила призыв. И с шумом выдохнула, когда в ответ не получила ничего. Никакого отклика, подтверждения, что меня услышали.

Звонящая тишина.

Наверное, это прекрасно читалось на моем лице, потому что, когда я открыла глаза, Влад опустил взгляд, а Лидия расплакалась сильнее.

— Может, ты попробуешь? — обратилась я к ней. — Все-таки у вас тоже связь — когда-то он тебя выпил...

— Это так не работает, — перебил Влад. — Из всех нас связь с Эриком только у тебя.

— Тогда это изначально был провальный план, — мрачно констатировала я и присела рядом с Лидией.

— Мы умрем, — посетовала она, пряча заплаканное лицо у меня на плече.

— Мы... что-нибудь придумаем, вот увидишь!

Только вот что?! Как выбраться из дома, окруженного супер-защитой? Я помню, как она умеет держать внутри...

Она и держит. Давят стены, сбивается дыхание, перед глазами ползут противные мошки. Раздражающе лязгает цепь Богдана — охотник злится и шагает по кругу, насколько позволяет «поводок». И Влад задумчиво-притихший.

Душно! Наружу бы, на воздух. Умыться холодным снегом, прийти в себя.

— Защита внутри, — прервал мои размышления Влад и посмотрел на меня. — Попробуем пробить?

— Пробить?

Я встала. На ногах почувствовала себя лучше. Увереннее, что ли.

— Ударим по защите вместе.

Я пожала плечами.

— Давай попробуем.

Ощущать, что я не одна, было приятно. Глупо, наверное, ведь мы тут, чтобы умереть, а значит, Влад умрет тоже. Наверное, я привыкла, что меня вечно кто-то спасает. Расслабилась. Не стоит расслабляться. Нужно уметь постоять за себя самой.

Когда я ударила, в голове зашумело. Защита, окутывающая нас невидимым коконом, вздрогнула. Завибрировала, и от ее тонкого звона захотелось зажать уши. Я оступилась, зацепилась пяткой за выступ в неровном полу и, наверное, рухнула бы, если бы не Влад. Он поддержал меня за плечи и шепнул: «Потерпи». И еще раз ударила, потратив изрядную порцию кена. Барт учил так не расходовать — это сильно выбивает из колеи, но тут другого выхода нет. Если мы погибнем, от моего кена пользы будет мало.

Влад тоже бил в полную силу. Его пассы тянулись от жилы, и я сомневалась, что пассам этим Влад научился у хищных. Знания Альрика много раз помогали нам, и я надеялась, помогут и в этот раз.

Нельзя рассчитывать, что за нами придут. Эта мысль оказалась на удивление трезвой и хладнокровной. Эрик то ли не услышал, то ли не захотел приходить. Действительно, смысл нас спасти? Меня и Влада — особенно. Есть возможность наказать предателей, а смерть в один день — отличное наказание. И другим наука, чтобы не...

— Черт! — яростно высказался Влад, отпустил меня и отступил на шаг. Защита Херсира ответила ему противным звенящим эхом.

— Не получается? — тонким, срывающимся голосом поинтересовалась Лидия, следящая за нашими попытками заплаканными глазами.

— Придется придумать что-то другое, — мрачно ответил Влад.

Меня затошнило. Перед глазами поплыли багровые круги, во рту пересохло — последствия слишком большого расхода кена. И если мне поможет несколько дней в спокойной обстановке, то Владу придется питаться, чтобы восстановить силы.

Впрочем, у нас нет ни нескольких дней, ни вообще надежды, что мы отсюда выберемся.

— Отлично! — посетовал Богдан и снова рванул цепь. За эти лязганья мне самой уже хотелось его стукнуть. — Сдохну, как собака!

Лидия снова заплакала, и я присела рядом. Не столько, чтобы ее поддержать, сколько из-за подкашивающихся от усталости коленей.

— Все будет хорошо, — сказала я машинально и погладила ее по спине. — Вот уви...

Темное, затянутое непрозрачным пузырьем туч, небо. Вытопанная тропинка от домика до припорошенного снегом камня. По обе стороны от тропинки — сугробы высотой с половину человеческого роста. Метель, и снег вихрями кружится над головами. Не моей. Людей я знаю, только имен припомнить не могу — в этом мире я бесплотный дух. Давно? Не помню. Это и неважно, я здесь ненадолго.

Посмотреть...

Человек, стоящий на коленях перед группой людей, в крови. Его голова опущена, русые волосы слиплись и висят космами. Одежда изорвана, а сам он выглядит избитым. Он поднимает усталый взгляд на окруживших его и безумно улыбается, хотя улыбка больше напоминает оскал.

Над ним возвышается великан. Наверное, он пришел из сказок, где такие злые, сильные и абсолютно неконтролируемые воины. Они безжалостны к своим врагам. Этот тоже... Он сжимает губы в тонкую линию и поднимает руку. В его руке нож, очень древний и опасный, я это точно знаю. Мне не радостно, не страшно, даже сожалений нет, и от этого обидно. Чувствовать хорошо, а пустота угнетает. Обида, впрочем, проходит очень быстро. Я — безмолвный, беспристрастный наблюдатель.

Высокий человек берет виновного за волосы, обнажая белую шею с острым кадыком. И, глядя в глаза своей жертве, медленно проводит ножом по рвущейся коже, выпуская кровь...

В голове пульсировала боль. Боль тянулась ниточками к вискам, наливалась соком глазные яблоки, вызывая слезы. Боль откликнулась в жиле, заставляя свернуться калачиком на небольшом диванчике. Зря я столько потратила на пробивание защиты! Было бы намного легче сейчас, оставь я в жиле больше кена.

— Эрик, — прошептала я, садясь и растирая лоб горячей ладонью.

— Хорошо бы ему поторопиться, — сказал Влад, глядя меня по плечу.

— Он придет. Опоздает, правда. Позже... Убьет Херсира.

— Опоздает, говоришь? Значит, все, что нам нужно — тянуть время?

— Как? О чем, черт возьми, говорить с этим безумцем? Ты слышал, что он задумал?!

От экспрессии в висках кольнуло, и я прикрыла глаза.

— Можно подумать, предел его мечтаний — стать человеком. Убеди его, что Хаук умрет. Ты же пророчица, наври про видение. Мы подтвердим. — Влад метнул взгляд на Богдана, и тот послушно кивнул. Надо же, когда жить хочется, и со зверем договориться не зазорно! — Главное — выбраться.

Ну если про видение, то... Врать необязательно. Только вот для некоторых синица в руке всегда лучше, чем журавль в небе. Впрочем, синица тоже легко может выпорхнуть...

Когда в дверь постучали, я подпрыгнула на месте. Вернее, стуком это сложно было назвать, скорее, грохотом, от которого тонкое, деревянное полотно выгнулось, норовя разлететься щепками. Наверное, оно и разлетелось бы, если бы не защита. Защита держала крепко. Звуки, правда, не сдерживала. И потому от злого «Открывай, сукин ты сын!» у меня гулко забилося сердце, а в груди разлилось тепло.

Он пришел! Пришел за нами. Наверное, не за мной, но все же...

Влад подошел к двери и спокойно сказал:

— Его тут нет. Защита наподобие той, что ты ставил в доме. Пробить не получается — мы пробовали. Так что лучше тебе поторопиться.

Тишина. Минуты, стекающие в вечность тяжелыми медовыми каплями. И... надежда.

Шорох за дверью, взволнованные голоса. Один, кажется, принадлежал Глебу. И Мирослав... Он тоже здесь? Понимание, что там, за дверью, друзья, а мы тут — как в клетке, рождало досаду. Я даже хотела еще раз ударить снаружи, возможно, удалось бы пробить защиту хоть немного. Помочь.

Не успела.

Херсир появился так же внезапно, как и исчез. В руках у Первого была книга в черном переплете, тисненая золотом. Древняя, кажется. Он непринужденно улыбнулся нам и спросил:

— Готовы?

Лидия распахнула заплаканные глаза и вжалась в спинку дивана. Влад отступил от двери, будто собрался броситься на Первого. Впрочем, может, он и собирался — черт знает, что на ум придет в пяти минутах от неминуемой гибели.

Дверь снова содрогнулась, но на этот раз без сопровождающих ругательных реплик. Влад предусмотрительно отошел от нее влево, мои кулаки непроизвольно сжались. Херсир, однако, ничуть не удивился.

— За вами? — кивнул мне. — Хитро.

— Это Эрик, и он очень сильный, — подтвердила я.

— Не настолько, чтобы защита не выстояла, — спокойно парировал Первый и шагнул в круг. Вспыхнули свечи, и пламя заплясало на кончиках фитилей. Лидия странно притихла, Богдан сел и скрестил ноги. На меня нахлынула волна внезапного блаженства, и когда Херсир протянул мне руку, я послушно вложила в нее свою ладонь.

Качаются волны, и я качаюсь им в такт. Обволакивает тепло, стираются границы тела. Я уже почти не ощущаю — ни кожи, ни очертаний своих, ни рамок. Только в центре, там, где когда-то был мой живот, бьется сердце мира. Пульсирует, покрываясь светящимся налетом кена.

— Удивительно, — шепчет откуда-то голос, и голос мне знаком. — Ты себя-то видела изнутри?

Видела. Белая пелена ярости. Маленький шарик, наполненный мощью. Не моей — заемной. И эта мощь бьется внутри, требует выхода. Ей все равно, кого убивать. Когда она вырвется наружу, я не смогу ее контролировать. Но пока не время, я это знаю. Откуда? Этот факт мне неизвестен.

Эта же сила побуждает меня очнуться. Я открываю глаза.

Четыре знака стихий. Четыре жертвы — каждая у своего знака.

Хищный, отнимающий кен. Воздух.

Священная земля, дающая нам пропитание. Ясновидец.

Карающий огонь, расплата за грехи. Охотник.

Волнистые линии перед моими глазами. Вода...

— Сама жизнь, — произнес Херсир, будто читая мои мысли. Впрочем, наверное, так и было. — Как ты, Лив.

— Я не Лив!

Контролировать нарастающую злость было сложно. Она дурманила, требуя подчиниться. Побуждала разгромить тут все к чертовой матери. Злость собиралась по крупицам, будто ртуть. Множилась эмоциями людей за дверью. Росла.

— Неважно, — отмахнулся Первый.

Хрустящий шепот, треск поленьев в камине. Сопrotивляться дурману сложно, но я держусь из последних сил. На границе забвения и собственной ярости. Разбавляя туман ослепительно белым. Иду на голос в моей голове. Он ведет, не позволяя оступиться.

Очнись, Полина!

Знаю, Барт, знаю. Я должна выжить, чтобы потом умереть. У каждой смерти свое время, и мое еще не пришло. И чтобы не запутаться в дурмящих лабиринтах внушения Херсира, я смотрю на охотника. Ему страшно, но он держится. Богдан — единственный из нас, кто остался в сознании, и оттого ему сложнее всего. Нет эйфории, притупляющей страх.

От дверей летят щепки в священный круг. Опыянение скрадывает звуки, и я не разбираю слов, которые выкрикивает Эрик.

Очнись!

В голове что-то щелкнуло, возвращая меня в реальность.

— Ты умрешь здесь, — вырвалось прежде, чем я смогла обдумать, что и кому говорю.

Херсир покачал головой, не отрывая взгляда от книги.

— Это вряд ли.

— Умрешь, — настойчиво повторила я, отмахиваясь от назойливого влияния Первого, которое значительно усилилось после моей фразы.

Лес, озеро, поросшие мхом камни... Древесная смола. Клубника.

Все это не мое, не со мной. Все давно в прошлом, хоть кто-то и старается его оживить. Тлен. Он просыпается прахом сквозь пальцы, вспыхивает на ладонях ослепительно-белым огнем. — Как только ритуал завершится, защиты не станет. Эрик и остальные войду. А ты умрешь.

— Как только ритуал закончится, ничего уже не будет иметь смысла. Моя смерть в том числе.

— Ты слишком долго живешь один и забыл, что месть всегда бессмысленна.

Херсир замер. И на меня посмотрел. В глазах мелькнул испуг, а влияние ослабло.

Поверил? Или перестраховывается?

— Хаук умрет. Лив убьет его.

Молчание. Немой вопрос в глазах, и я смелею. Терять-то все равно уже нечего, кроме Влада, Лидии и, пожалуй, того охотника, который смотрит на меня сейчас со смесью восторга и ненависти во взгляде. Хотя вру, Богдана не жаль.

— Я видела смерть охотника, — продолжила я, — как и твою собственную, если проведешь этот ритуал. А ты ведь совершенно не хочешь терять то, что имеешь, верно?

— Покажи! — потребовал Херсир и отложил книгу в сторону.

Подвинулся ближе, и прохладные пальцы легли мне на виски. Полегчало. Боль притихла, отошла вглубь черепной коробки, тело расслабилось, от плеч к кистям поползло приятное тепло. В кончиках пальцев почувствовалось легкое покалывание, а в ладонях — жар от прилива кена. Но на этот раз Первый не пытался меня одурманить.

Я послушно откликнулась на требовательное надавливание, раскрыла сознание. Свежее видение всплыло сразу, красочное, показательное. И пальцы Херсира слегка дрогнули, когда перед моими глазами кадрами пронеслись картинки.

Страхам подвержены даже бессмертные. Хотя человек всегда смертен, а именно к этому ведет ритуал. Умирать Херсир не торопился.

— Как... умрет охотник? — хрипло спросил он, не убирая пальцев с моих висков. И, наверное, я впервые была так близко к древности, к истокам. Смотрела в глаза дремучему прошлому. Умилиться бы, проникнуться, затрепетать... Однако единственной осязаемой эмоцией в тот момент была усталость. Слишком тяжелый день. Насыщенный. И, пожалуй, когда вернусь... если вернусь домой, первым делом выплусь. Достали переживания, особенно напрасные.

Показывать второе видение желания не было. Наверное, самый страшный из всех виденных мной вариантов будущего хотелось похоронить в памяти. Лучшее будущее то, которого не знаешь. Но выбора не было, и я послушно закрыла глаза...

...Отдышаться не получалось, и я хватала ртом воздух, от запаха мирры и плавленого воска тошнило. Или то от воспоминаний о Хауке? Живот болел, будто жилы и в самом деле коснулись щупальца охотника. Херсир же смотрел на меня прищурившись, серьезно. От пристального взгляда хотелось укрыться.

— Ты все равно умрешь, — тихо произнес он, и мне почудилось в его голосе сожаление. — Так зачем...

— Они будут жить.

Он кивнул и отстегнул от пояса нож. Чехол, в котором он хранился, был изготовлен из светлой кожи и расписан краской, похожей на хну.

— Отдай его Лив. Скажи ей... — Он замялся, усмехнулся нервно. И взгляд отвел. — Впрочем, я сам.

— Ты бросил ее. Почему?

Не удержалась от вопроса. Странно, у меня их столько было, когда я впервые слышала легенду, а остался лишь этот. Глупый.

— Странная ты, — рассмеялся Первый и вложил мне в руки подарок. — Все так делают. Люди бросают людей.

И исчез. Я посмотрела на свои руки и лежащее в них оружие. Очертание ножен расплывалось, картинка теряла четкость, и я не сразу поняла, что это от слез.

— Какого... — выдохнул Влад совсем рядом, а в следующую секунду треснула дверь,

брызнула щепками, впуская внутрь наших спасателей. Инстинктивно я крепко сжала ценный подарок и попыталась встать, но меня вздернули в воздух чьи-то руки, крепко сжали, лишая возможности вздохнуть, а затылок опалило дыханием.

Я... жива?

— Жива, — подтвердил кто-то, целуя мой лоб, мокрые щеки и соленые губы. Слезы были странными на вкус. Даже воздух странно вдыхался, а кожа остро реагировала на каждое прикосновение. Наверное, я поэтому не сразу поняла, а лишь через несколько мгновений...

Хотя что для нас значит время?

Я всхлипнула, прижимаясь к родному, близкому. И разве когда-то было иначе?

— Жива, — повторил Эрик, будто сам себя убеждая.

Я кивнула, соглашаясь. Все-таки слезы странные на вкус.

Глава 11. Сорванные маски

— Это так мило, что я сейчас расплачусь! — раздраженно произнес Богдан, и цепи лязгнули, возвращая меня в реальность. Реальность царапала взглядами — настороженными, внимательными. Обидами, которые возвращались, наполняя опустевшую меня. Словами, застывшими на губах, когда взгляд напротив постепенно наполнялся привычным холодом.

И я отступила. Наверное, все остатки воли ушли на тот небольшой шаг назад. И выдох получился тяжелым, громким. Вошедшие столпились вокруг нас полукругом — Глеб, Мирослав, Дэн и... Андрей? Я сплю? Или Эрик добровольно взял его с собой?

— Богдан... в цепях, — вырвалось у меня. Нервное, не иначе. — Освободить бы.

— Богдан? — нахмурился Эрик.

— Охотник.

Зря я это сказала. Он даже в лице переменился, и я отвернулась, чтобы не видеть этих перемен. Успею еще насмотреться.

Охотник выглядел удивленным и смотрел попеременно то на меня, то на нож, который я все еще сжимала в руках.

— Я попробую, — вызвался Влад, и мир снова пришел в движение.

Меня обнимали. Щупали, стараясь убедиться, что я цела. Говорили слова. Ругались за беспечность. Глеб, кажется, даже встряхнул, пытаюсь привести в чувство. Я выдавливала смущенные улыбки, стараясь не смотреть в сторону Эрика. Щеки пылали. И безумно хотелось домой.

Пока Влад возился с замком на наручниках Богдана, я подошла к Лидии. Ясновидица притихла и сидела на краю софы, глядя в одну точку.

— Испугалась?

Она вздрогнула, когда я положила руку ей на плечо.

— Все хорошо, — нервно улыбнулась она в ответ.

— Все уже закончилось.

— Я не понял, гребаный Первый что, сбежал? — спросил Глеб, и гомон в комнате снова стих. А все почему-то посмотрели на меня. Даже Богдан. И Эрик, на которого сама я смотреть боялась. Но его взгляд чувствовала явно — прожигающий, едкий.

От духоты и запаха воска мутило.

— Он дал нам шанс убить Хаука.

Я показала нож, который все еще боялась выпустить из рук.

— Разве можно убить Хаука? — спросил кто-то. Лицо Дэна осталось непроницаемым, но глаза он опустил, отчего стало еще хуже. Труднее говорить. Однако, у всех нас есть роли, и мы должны их играть.

— Лив сможет, — услышала будто со стороны свой собственный голос.

— Видение? — безэмоционально поинтересовался Эрик.

Я кивнула.

Щелкнул замок, Богдан, наконец, встал и остервенело потер натертые запястья.

— Пора возвращаться, — сухо сказал Эрик. Мы с Лидией, как по команде поднялись. Волшебство рассеялось окончательно, а усталость вернулась. Как и желание плакать. Его я решила приберечь до момента, когда останусь одна.

Я сунула нож за ремень джинсов, взяла ясновидицу за руку и шагнула к Дэну. Терзаться проблемой выбора не хотелось, страдать оттого, что Эрик, возможно, не захотел бы ко мне прикасаться — тоже. А Дэн Лидии точно вреда не причинит, даже невольно. Тренировался много.

Он молча взял меня за руку и крепко сжал. Прикосновение сольвейга успокоило.

Мирославу достались Влад и Андрей, а Эрику — Глеб и Богдан. Богдана он сначала не хотел брать. Сказал что-то типа: «Охотники пусть сами выбираются», а потом посмотрел на меня и резко передумал.

От взглядов его было тяжело. И я снова не знала, как себя с ним вести, что говорить, да и стоит ли вообще говорить.

— Увидимся дома, — подмигнул мне Глеб, мир вокруг меня завертелся, смазлся, а через секунду вокруг нас образовалась гостиная скади. С изрядной частью обитателей дома, к слову. Рядом со мной сразу оказалась Люсия, обняла за шею и прижала к груди. От нее пахло кофе и полевыми цветами, она разрыдалась, не обращая внимания на собравшихся в комнате людей. Гладила меня по спине и приговаривала:

— Глупый, глупый сольвейг...

Отчего «глупый», спрашивать я постеснялась.

Лидия бросилась на шею отцу.

Мирослав с Эриком появились через пару мгновений после нас. Эрик тут же отошел от Богдана, а тот покачнулся, вытер внезапно вспотевший лоб и бледные щеки, согнулся пополам, и его стошнило прямо на ковер.

— Отлично! Теперь в химчистку отдавать, — раздраженно посетовал Эрик, но привычной злости в его голосе, как ни странно, не было.

— Дьявол! — выругался охотник, медленно разгибаясь, затем увидел стоящую неподалеку Дашу и улыбнулся. — Привет, блондиночка.

Даша раздраженно выдохнула и повернулась ко мне.

— В порядке?

— Все хорошо, спасибо.

— Где Херсир? У него получилось?

Алиса возникла откуда-то справа — будто бы из воздуха материализовалась. Подошла к Эрику, по-хозяйски взяла его под локоть. И все замолчали, опуская глаза в пол либо же глядя на меня с жалостью. Жалость эта кололась, сочилась ядом, который проникал под кожу и собирался комком в груди. От вдыхаемого воздуха горчило во рту. Руки отчего-то затряслись, и Люсия сжала мои ладони, растирая.

— Если бы у него получилось, ты не была бы хищной, не находишь? — едко заметил Влад и без лишних слов направился к лестнице.

Наверное, ему тоже тяжело. Да, мы оба виноваты — в одинаковой мере. Только вот вина у него другая. Впрочем, от своей вины Влад умел прятаться отлично.

— Я тоже пойду, — сказала я, не дожидаясь неминуемых расспросов. В конце концов, у них есть Лидия и Богдан — пусть их пытаются!

— Я тебя провожать! — с энтузиазмом заявила Люсия и потянула меня к лестнице. — Баюкать. Петь тебе.

Петь — это хорошо. Она красиво поет. И танцует. И вообще она у меня замечательная!

— Как ты вообще тут оказалась? — спросила я ее, пока мы поднимались.

— Увидеть. — Она прислонила указательный палец ко лбу. — Первый. Хитрый, он тебя

ждать. Ты выйди.

Я кивнула.

— Поняла.

— Я видеть, ты умереть. Испугаться. Сказать Дэн. Он взять меня и примчаться сюда.

Они говорить с твоим мужем. А потом пойти за тобой. Он тоже бояться.

— Я думала, Дэн никогда не боится, — попыталась я пошутить.

— Не Дэн. Твой муж.

— Да уж...

Нож я сунула в ящик старой, трухлявой тумбочки, которая левым боком упиралась в кровать. Думаю, если бы не поддержка кровати, она бы давно рухнула на пол — такой у нее был плачевный вид. На лишнее движение тумбочка отреагировала недовольным скрипом.

— Ложиться! — велела Люсия и указала на кровать. С этим спорить желания совершенно не было. Я уснула почти сразу под тихую английскую колыбельную, снилась мне хельза с теплым песком и ласковыми волнами. По поверхности озера бегали яркие солнечные блики. Мне было хорошо. Меня любили. Я была счастлива.

Надеюсь, все счастливы после смерти. Иначе зачем все это?

Пробуждение было резким. Тело дернулось, будто сопротивляясь возвращению в реальность, и я открыла глаза. Удивление смешалось с испугом, потому что рядом был тот, кого я совершенно не ожидала здесь увидеть.

Его глаза — натуральные льдинки, но еще секунду назад они были теплыми. Вмиг все изменилось. В них боль и обида плещется, но взгляда Эрик не отводит — и то хорошо. Впрочем, я уже окончательно потеряла надежду все исправить.

В этой заброшенной хламом, ветхой комнате он смотрелся нелепо. Король снизошел до бывшей фаворитки, лежит тут на драном покрывале, смотрит. Рука запуталась в моих волосах, ласково гладит. Зачем?

— Что ты здесь делаешь?

Голос был хриплым. К глазам подкатило горячее, напрашивались слезы, но я прекрасно научилась их подавлять.

— Убеждаюсь, что ты жива.

В словах — ни намека на злость, лишь облегчение. Оттого сильнее желание расплакаться прямо здесь, покаяться во всех возможных грехах и вымолить прощение. Когда еще, если не сейчас? Ведь он здесь, рядом, руку протяни — дотронешься. Дотрагиваться было боязно. Вдруг сбежит?

Поэтому я искренне сказала:

— Спасибо, что пришел за нами.

— Ты скади, — ответил он почти безэмоционально. Еще несколько секунд пристально смотрел в глаза, а затем резко притянул к себе, прижал так крепко, что, показалось, ребра хрустнут. Поцеловал в макушку. Совсем, как раньше, до катастрофы. Когда мы еще были близки...

Были ли? И если были, то почему я тогда... Ведь уверена была, что Эрик мое «все». И что «навсегда» для нас возможно. Ошиблась. «Навсегда» — самое лживое слово.

От этой несправедливости я все же расплакалась. Сильнее вжалась в Эрика, обняла его, вцепившись мертвой хваткой, и прошептала:

— Я люблю тебя.

Нужно было сказать. Там, за дверью моего убежища — жестокий мир со своими

правилами. Даже если Эрик захочет, даже если простит, этот мир не примет нашего примирения. Потому что есть законы, и их нельзя нарушать.

Это я нарушаю всегда, Эрик такой роскоши себе не позволит. У него есть племя, обязанности и авторитет.

Будто бы вспомнив об этом, после моих слов он окаменел. Отцепил меня от себя и строго спросил:

— Тогда зачем было то, у андвари?

Странный вопрос — зачем. Если бы я знала. Догадывалась, конечно, но объяснить трудно. Слова слишком острые и бесспорно ранят. Меня, Эрика... Его больше, а причинять ему боль я не хочу.

Но он смотрит и ждет ответа, и я понимаю, что время для ответов пришло. Возможно, завтра я уже не смогу их озвучить. Теперь у меня есть нож и четкое понимание, что с ним делать.

— Его я тоже люблю.

Призналась. Себе, в первую очередь, а ведь себе признаться тяжелее всего. Отчего-то гордости за смелость не было, лишь горечь и тоска, а еще дикое желание уснуть. Проспать все оставшееся выделенное на жизнь время, перестать решать задачи, которые я решать не умею. Пусть Эрик решает — он вождь, ему привычнее.

Эрик с шумом выдохнул. Отодвинулся, встал, оправляя одежду. Подошел к окну.

Спина его была прямой, и руки, сцепленные сзади в замок, казались полурасслабленными. Словно он услышал то, что ждал услышать давно. Ждал ли?

Ждал.

— Нужно было сказать мне до венчания.

Шелестящие звуки опадают на пол пеплом, расплзаются по комнате. Горечь во рту, мокрые от слез щеки, и я понимаю, что здесь и сейчас все решится навсегда, он уйдет, а я останусь тихим призраком дома скади. Его дома. Иначе я тут не смогу, и даже Алан не спасет.

Эрик больше не злится. Свою злость он одолел, мое предательство принял и готов вынести вердикт. А я готова выслушать.

— Ты прав, нужно было.

— Но ты говоришь сейчас. — Он повернулся ко мне, метнул осколками злости, будто не мог держать внутри, будто эта злость отравляла его. — Что, ты думаешь, это изменит?

— А это может что-то изменить? — горько усмехнулась я и села. Поправила волосы, которые, как оказалось, спутались и торчали во все стороны. Да уж, внешностью мне его сейчас точно не сразить. Но и на жалость давить я не буду! Слезы вытерла резким, отчаянным движением и губу закусил, чтобы больше не расплакаться. Боль помогла.

— Я мог бы наказать тебя, знаешь, — едко бросил Эрик, отводя взгляд. Пыльные занавески выглядели, должно быть, лучше меня.

— Так накажи.

Усталость сковывала. Лишала желания выяснять то, что необходимо было выяснить давно. И я пыталась бороться с ней ерзаньем и невесть откуда взявшимся раздражением.

Если он так хочет наказать меня, почему медлит? Почему так долго ждал? Все эти месяцы, когда я, раздавленная собственной виной, ютилась тут, в пыли и забвении. Когда Алиса прикасалась к нему, а он... он...

Я всхлипнула и подняла на Эрика глаза.

— Для наказания не стоило выжидать так долго...

— Вот как?

И снова он рядом, близко. Аромат одеколona приятно щекочет ноздри, будоражит. Широкая ладонь в нескольких сантиметрах от моей — так и тянет коснуться, ведь, скорее всего, в последний раз.

— Есть несколько вариантов. Муж отрекается от жены, но она остается в племени. По факту никто из скади не посмеет больше поддержать тебя, даже слово лишнее сказать побоятся. Ты станешь тенью, которой запрещено будет почти все, в том числе, воспитывать собственного ребенка. Второй вариант — тебя изгоняют еще и из племени, и ты остаешься одна. Но ты в курсе, что печать мужа с жилы жены стереть может лишь смерть. Ты не сможешь венчаться никогда, тебя не примет ни один вождь без моего на то согласия. Ты никогда не увидишь сына...

— Это все... варианты? — хрипло спросила я. Почувствовала себя подсудимым, которому вот-вот вынесут приговор. Приговор будет страшен, отменить его нельзя — можно только отсрочить. И выбрать себе наказание.

— Не все.

Голос Эрика не смягчился. И весь он напрягся как-то, подался вперед, его лицо оказалось напротив моего — и страшно, и глаз не отвести. Легкий карамельный аромат, жар тела, который я всегда ощущала даже на расстоянии, внимание — я ведь уже отвыкла, и сейчас не знаю, что с этим делать.

— Есть еще один. Тринадцать ударов кнутом, Полина. При изготовлении в него специально вплетают тонкую проволоку, а конец венчают металлическим шариком — для усиления... ощущений. Виновную предают наказанию на глазах у всего племени. После этого ее спина заживает месяцами, и на всю жизнь на ней остаются уродливые шрамы, которые не дают забыть о предательстве. Это клеймо, пророчица. Метка. Тринадцать лиловых полос. Выдержишь это... для меня?

Тишина после этого оглушила. Шум собственного дыхания, отголоски пульса в ушах, шорох покрывала под пальцами Эрика — злость выплеснулась не только словами, тело отреагировало рефлексом, и мне показалось, Эрик мысленно уже сжимает рукоять упомянутого орудия пытки.

Я замерла, застыла от ужаса. Представила себе: крюк под потолком, витую веревку, стянувшую запястья, холодок по обнаженной спине. В последний раз глаза в глаза. И свист приближающегося к коже кнута.

А ведь Эрик не шутит. Уверена, он тоже представлял: и меня в качестве наказуемой, и скади, столпившихся вокруг, мнущихся, отводящих взгляды, и момент, когда дикое желание отплатить, выпустить боль становится непреодолимым. Вопрос этот — не риторический, и я должна ответить, смогу ли... сумею ли принять, чтобы доказать...

Что? Любовь так не доказывают! Любовь не включает в себя наказаний.

Открываю рот, чтобы возмутиться, высказать, но оттуда, вопреки желанию, выдохом вырывается короткое:

— Да.

Молчание и... Это сказала я?! Действительно я, или у меня раздвоение личности? Возможно, во мне живет тот, кто жаждет, стремится к наказанию? Впрочем, отступать и отказываться от своих слов — дурной тон.

— Если тебе от этого станет легче, то...

Эрик дослушивать не стал — резко поднялся и вышел, оставив меня один на один с окончанием предложения.

— ...накажи.

Куда он пошел? Быть может, доставать из чулана кнут — тот самый, тяжелый, с металлическим шариком? Плевать! Пусть идет.

Я потянулась к тумбочке и достала ритуальный нож Херсира. Вытащила из ножен, погладила острие. Красивый. Рукоять исписана рунами, и вязь эта хранила заклинания — древние, опасные. Пока на клинке нет крови, он спит. Но внутри клокочет, живет, дышит почти бесконтрольная сила.

Кто его сделал и для кого? Наверное, Херсир мог бы ответить, но он ушел, оставив меня наедине со своей игрушкой.

— Так, все, хватит страдать! — приказала я себе и встала.

Душ, расческа и чистые джинсы поднимают настроение на раз. Вечером, пожалуй, устрою себе еще один забег. И завтра. Если конечно, смогу. Если Эрик действительно не...

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Сунула подарок обратно в тумбочку, подошла к окну, за которым серело небо, постепенно проявляя очертания деревьев в саду. Рассвет.

Весна скоро, воздух пахнет уже иначе, и птицы поют по утрам. Жаль, что тут нет балкона, чтобы выйти, вдохнуть полной грудью, понять, что я выжила.

Жива!

Дверь распахнулась настолько резко, что я вздрогнула. Развернулась, прикрывая спину от возможного нападения. Нервы эта ночь расшатала сильно, сон усталость не снял, а лишь приглушил. Руки тряслись, и за это я себя почти ненавидела. За страх. За невозможность собраться. За чертовы сомнения, за вину, что сжирала изнутри. За нежелание исполнять волю Барта. Ведь я... Кто я? Обычный сольвейг, которого не заметили в детстве, не воспитали по законам других сольвейгов. Одиночка, прибившаяся к стае.

Я совершенно не умею принимать правильных решений. Вот и сейчас, застыла, не зная, как реагировать на неожиданный визит.

— Довольна? — зло выдохнула Алиса и сложила руки на груди.

— Что?

Я покосилась на тумбочку, в которую убрала нож. Алиса стояла к ней ближе, чем я, и странная, неконтролируемая ревность поднялась во мне. Жила натянулась, что-то побуждало броситься к сокровищу, защитить от цепких рук защитницы. Хотя бы нож, раз Эрика защитить не получилось.

Стараясь ступать медленно и плавно, я отошла от окна и сделала вид, что поправляю покрывало на кровати.

Зачем она пришла?

— Думаешь, можешь сыграть дурочку в беде, похлопать ресницами, и он к тебе вернется?

— Что... кто? Эрик?

— Эрик, Эрик, — передразнила она и решительно шагнула ко мне. А заодно и к тумбочке.

Ну уж нет, этот подарок ей так просто не достанется! Кен к ладоням потек послушно, кожа вспыхнула привычным жаром. Пусть только попробует!

— Терять не очень приятно, так? — едко продолжила она. — Но ты потеряла его,

смирись.

— Послушай, Алиса...

Зуд в ладонях почти нестерпимый, вены вспухли от кена, перед глазами — белесая пелена, и я догадываюсь, что это значит. Встреча с Херсиром — не случайность, а еще один ход в многоходовке Барта. Как и то, что он отдал мне нож — ведь это тот самый, что держала Лив в видении. Вспыхнувшие письма на лезвии, монотонный шепот. Эти голоса манят, зовут, и зову этому нельзя сопротивляться. Вокруг все белое, я тону в молоке, меня выворачивает наизнанку, и я взрываюсь брызгами чистой силы.

— Нет, это ты послушай, — перебила она и буквально вцепилась мне в плечи. Когда она успела подойти так близко? — Мне абсолютно плевать на то, что ты сольвейг, что у тебя особенный кен и глаза, как у куклы. Мне плевать, даже если ты можешь ублажить его сто одним способом в постели. Уясни одну вещь: такие мужчины, как Эрик, не прощают измен!

Абсолютная ярость. Белая. И я почти не сдерживаю ее — кен срывается с пальцев, осыпается на пол. Воняет горелым. Эта дурочка что, не чувствует? Держит... Я сама себя держу — из последних сил. Сорвусь и прибью ее ненароком. Этого Эрик мне точно не простит.

— Убери. От меня. Свои. Руки.

Слова приходится цедить сквозь зубы, и мне кажется, следующая порция кена вырвется из моих глаз — прямо в пылающее гневом лицо Алисы. Потому я закрываю глаза. Дышу. Внутри клоочет, ругается, рвется на волю заемная сила. Шумит в ушах, и я не сразу понимаю, что Алиса меня уже не держит, а сквозь ватную пелену моего безумия, в сознание проникают звуки.

— Алиса! Я задал вопрос.

Голос отвлекает. Как и горелый паркет на полу — два обугленных круга с рваными краями. Все-таки я вредитель.

— Что здесь происходит?

Схлынуло. После этого вопроса схлынуло. Пульсирует еще глубоко, в районе жилы, но я снова контролирую силу Барта. И перед глазами проясняется. В комнате уже совсем светло, утро наступило, и свет проникает внутрь сквозь широкую щель между не задернутыми шторами. У меня из груди свистящими звуками вырывается дыхание. Вдох-выдох. Сжатые кулаки. Концентрация на контроле.

И когда я вновь подняла взгляд на Алису, ее злость снова спряталась. Вползла в душу ядовитой змеей и скрутилась там кольцами, ожидая подходящего момента, чтобы ужалить. И она сама сейчас казалась мне змеей.

— Так ты ответишь мне? — настаивал Эрик. На меня не смотрел, все внимание было приковано к Алисе. Но нет, это все-таки моя комната, и я тут хозяйка, значит, и инициативу могу на себя взять легко.

— Алиса заглянула выразить радость по поводу нашего возвращения, — сказала бесстрастно. — Уверена, она молила богов, чтобы все окончилось благополучно.

— Выйди, — велел ей Эрик холодно, и от тона его голоса во мне проснулось злорадство. Нет, не то, чтобы я ее ненавидела... разве что чуть-чуть. Самую малость. И я убедилась, что имею право.

— Но я... — начала было она, но он перебил:

— Пожалуйста, выйди. Мне нужно поговорить с женой.

Ого! Я не ослышалась? Он назвал меня женой? Наказывать, видать, пришел. Сейчас

соберет всех скади и отведет меня в подвал. Там сыро, наверное. Ненавижу сырость! И крыс. Надеюсь, крыс там все же нет.

Истерика подступала незаметно. Сначала начали дрожать колени, затем руки, а потом уже все тело, и я обняла себя за плечи, стараясь не смотреть ни на Эрика, ни на Алису. Она же громко и обиженно выдохнула, размашисто прошагала к двери и с силой захлопнула ее за собой. Разозлилась, видать.

Эрик же остался стоять на месте, прожигая меня взглядом. От таких взглядов мне всегда хотелось спрятаться. Такие взгляды обнажают нутро, проникают в душу, выискивая там маленькие секретки. Они выворачивают наизнанку, препарируют, делая тебя совершенно беззащитной.

— Может, объяснишь, что это только что было? — спросил он строго, и я автоматически прикрыла собой тумбочку. Мало ли что.

Эрик смотрел и ждал ответа. А я... Что мне ему сказать? Ситуация дурацкая, пятна еще на полу... Дрожь. Ее уже почти не получается сдержать, и единственное, что кажется мне логичным и правильным — рассмеяться. Смех вышел нездоровым. Рваным. От него кислил во рту, и болел живот.

— Тебе смешно? — обиженно поинтересовался Эрик.

— Извини, но ты... сам... и она... — Ответ вышел путанным из-за спазмов и коротких смешков, которые я никак не могла остановить. И понимала: если не получится, начнется настоящая истерика, с соплями, глубокими всхлипами и слезами в три ручья. Поэтому я старалась дышать и не думать об Алисе, наказаниях и дурацком ноже, который хотелось от всех спрятать, а лучше — зарыть в саду.

— Что я сам?

— Немного странно, не находишь? Твоя эта... Алиса приходит сюда, орет на меня, хватает за руки. А я нервная, между прочим! Паркет вон испортила...

— Черт с ним, с паркетом!

— Хорошо, черт с ним, — кивнула я. — Ты приходишь, потом она... Орет. А виновата я? Seriously? Давай на меня все грехи повесим!

— Полина...

— Что — Полина? Поверь, я сама прекрасно справляюсь с ролью палача для себя!

Я отвернулась и подошла к окну. Тяга защитить артефакт была практически непреодолимой, но я убедила себя, что Эрик не знает, где он лежит, а если узнает и захочет забрать, я все равно противиться не смогу — он сильнее. Особенно сейчас, когда силы у меня были практически на исходе, несмотря на сон и отдых. Все же я много кена потратила в хижине Херсира, пытаюсь пробить защиту.

— Что тебе сказала Алиса?

Эрик, похоже, сдаваться не собирался. Оставлять меня в покое — тоже. Значит, впереди день разборок, к которым я оказалась совершенно не готова. В голову лезли совсем другие мысли. О Гарди и том, хватит ли мне сил его излечить. О Лив. О том, где она может прятаться. О Хауке, который затаился.

Лужайку перед домом заливало солнце. Трава пробивалась нежно-зелеными полянками. Защитницы сегодня тренировались без Эрика — лишь с Гектором и Никой. Алисы среди них не было, как и Дарлы. Шепчутся, небось, перемывают мне кости. Ну их! Солнце проникало сквозь мутное стекло и грело кожу.

На вопросы об Алисе отвечать не хотелось. Вообще все вопросы Эрика таили в себе

некий тайный смысл, вникать в который — себе дороже.

— Какая разница, что она сказала? Извини, мне не хочется обсуждать твоих любовниц. Или, может, уже стоит называть ее невестой?

Эрик, казалось, опешил. Несколько мгновений молчал, будто придумывал ответ. Ну а что? Я тоже умею задавать неудобные вопросы. Могу поклясться, этот был для него неудобным. Потому он и ответил на него своим вопросом:

— Это что, ревность?

— Эта пытка пострашней тринадцати ударов, которыми ты пугал меня. Когда я услышала вас в кабинете...

— Ты подслушивала? — удивился Эрик настолько, будто я сказала, что ем младенцев на завтрак. Будто подслушивать — это нечто уникальное и удивительное в нашем мире. Все подслушивают... время от времени. Мне вообще с этим везет — случайно получается.

Я пожала плечами.

— Пора привыкать считать себя дрянью. — Повернулась к нему, так как остро захотелось посмотреть на его реакцию. — Так когда ты женишься, Эрик?

— Ты плохо знаешь меня, если считаешь, что я могу жениться тебе назло, — обижено ответил он. От выражения его лица защемило в груди. Навернулись тщательно сдерживаемые слезы. Запечатанная за семью замками тоска вырвалась.

И я снова отвернулась. Сдалась. Вина давила на плечи. Неприятными волнами накатывала горечь. Показалось, Эрик ищет мне оправдания. Ищет и не находит, оттого злится. Оттого снова пришел. Зачем? Для предательства не бывает оправданий.

— Ты прав, я тебя не знаю. Я и себя уже не знаю... Но мне действительно жаль, что я сделала тебе больно. Меньше всего хотела этого.

Глупо было думать, что какой-то ритуальный нож и ритуальное убийство может решить проблему...

— Мне стоило остаться с сольвейгами. Зря я послушала Барта...

Если бы не послушала, пришлось бы умирать? Вопрос, на который нет ответа. И не будет. А значит, не стоит заморачиваться, но мысли, как надоедливые насекомые, ползают в голове, отвлекают.

— Я тебя не узнаю. Что-то случилось с нами, а я не заметил? Тебе чего-то не хватало? Ты ведь на самом деле не такая.

— А какая? — Горечь все же прорывается, и частично я делюсь ею с Эриком. У него есть своя, и она меня душит. Перед глазами мошки ползут, и я стараюсь не сорваться, удержать себя, а для этого обнимаю за плечи. Пытаюсь защититься — от его обиды, от мнения, которого не изменить... наверное. Или зачем он здесь? — Если тебе будет проще, накажи меня, Эрик. Только мучить перестань.

Он резко шагнул ко мне и неожиданно оказался рядом. Развернул к себе. Слишком близко. Рядом с ним воздух густой, как карамель. Сладкий. Приторный. Он оседает на гортани, заставляет вдыхать глубже. От него кружится голова и путаются мысли.

— Действительно думаешь, что я мог бы сделать с тобой такое?

Я пожала плечами.

— Почему мне знать...

— Я сказал это и сам себя возненавидел. До сих пор ненавижу.

— Какая разница, Эрик? Хуже уже не будет.

Его рука скользнула по моим волосам, по плечу, несильно сжала ладонь. Я только

сейчас поняла, насколько замерзла тут. Эрик теплый, а я... Мне приходится замораживать себя изнутри, потому что иначе я сойду с ума.

— Подслушивать тоже нужно уметь. — Его голос опустился почти до шепота. Дыхание скользнуло по затылку. Он обнял меня, а я застыла, не зная, как реагировать на неожиданную ласку. Очередную. Сегодня мне их выдали сверх меры. — Алиса пришла к тебе, потому что я сказал, что никогда на ней не женюсь. Она не моя любовница, Полина, и никогда ею не будет. Возможно, я бы хотел. Чтобы забыть о тебе, пусть ненадолго. Только суть в том, что забыть не получается. Оттого еще обиднее.

— Ты ей нравишься. То есть серьезно нравишься, и сейчас, когда я... когда мы... А она сильная. Интересная опять же. Ее дар...

— Ты всегда сбиваешь меня с толку! — перебил он и отстранился. — Сначала признаешься в любви, потом говоришь, что любишь Влада. Сначала отвечаешь на поцелуи, потом отталкиваешь и нахваливаешь Алису. Что это, Полина? Коварный план по сведению меня с ума?

— Не мне же одной сходить, — вздохнула я.

— Может, если определишься, чего на самом деле хочешь, и сходить перестанешь, — иронично заметил Эрик и заправил прядь волос мне за ухо. Совсем как раньше. — Пока я еще в состоянии с этим помочь.

— Помочь?

— Наши законы давно пора выбросить в топку. И если ты хочешь изменить что-то...

— Я хочу найти Гарди, — перебила я. — Если удастся вылечить его, возможно, Хаук уйдет. А если нет...

— Лив убьет охотника.

Я кивнула. Неохотно выпугалась из объятий Эрика, шагнула к заветной тумбочке. Достать нож было невероятно тяжело. Он плавил ладони. Тянул вниз, притворяясь неподъемной ношей. Рождал тревогу и подозрения. Нельзя, ни в коем случае нельзя никому его показывать! А, тем более, давать в руки. Он — единственный в своем роде, сокровище, ценность, завладеть которой захотят многие. А это значит, никому и никогда... Он только мой!

Верно, мой. Но Эрик тоже часть меня. Или я его часть? Какая уже разница? Приближение Хаука я чувствую затылком.

— Вот, пусть побудет у тебя. — Я протянула нож Эрику. — Он слишком странно на меня влияет.

Так действительно будет правильно. Воля — единственное, что поможет нам победить, и нельзя позволять ломать ее. От искушений нужно уметь отказываться.

Лишних вопросов он не задавал, просто взял нож. Внимательно смотрел на него несколько секунд, будто пытался понять, в чем же тайная сила этого куска металла с костяной ручкой. А потом небрежно сунул подарок Херсира в карман широких шаровар.

— Мы найдем Гарди, — пообещал серьезно. — На самом деле, у нас не так много вариантов. И времени в обрез.

— Бесит неизвестность! — посетовала я. — Чего ждет охотник? Почему медлит?

— Хаук придет в мае, Полина. — Он вздохнул и отвернулся к окну. Я запомнила солнечный свет, играющий в его волосах. Штору, льнущую к его плечу. Замершие в воздухе пылинки. Когда он сказал: — Охотник оставил для меня послание.

Послание он прислал с Линдой. Нацарапал щупальцами на ее жиле. Пропитал страхом

ее взгляд, как бисквит сиропом. Проникнул в самую суть ее видений.

Линде снились вещие сны. Они были красочные, четкие, наполненные запахами и звуками. Во сне пророчица проживала еще одну, дополнительную жизнь, и часто эта жизнь становилась похожей на кошмар. В последнее время ей снился Хаук. Светящиеся щупальца, дрожащие, как хвост кобры перед броском. Они накрывали дом, опутывали смертоносными лозами. Трескались стены, стеклянными крошечками осыпались окна. Ломалась крыша, обрушивая на обитателей тяжелые дубовые балки.

И каждую ночь Линда кричала, вырываясь из пугающих снов в реальность. Монотонно двигались стрелки, отсчитывая время до часа Икс. Истошно стучало сердце, словно пыталось вырваться из тела, прервать невыносимость бытия. Покончить со страхом навсегда.

Линда успокаивалась, лишь когда приходил Эрик. Он гладил ее по голове, и страх оседал мутным осадком на дне ее души, чтобы взбаламутиться следующей ночью.

Поэтому Линда боялась засыпать. Она подолгу засиживалась на подоконнике в коридоре второго этажа. Смотрела в окно — в ночь. Ночь, в свою очередь, смотрела в нее.

Пророчицы очень близко к ткани бытия. Слишком остро чувствуют приближение беды. Слишком верят в нее, чтобы победить. С каждым днем убеждаюсь, что незнание — дар, которого мы лишены.

Знать о своей смерти и ничего не делать невыносимо.

Пытаясь забыться, я ловила каждое слово Эрика, каждую интонацию его голоса. Отмечала, как меняется мимика, когда он волновался или, наоборот, успокаивался. Как хмурил брови, вспоминая о неприятном. О многих племенах, в которых он гостил во время поисков пророчицы, и которых уже нет, потому что Хаук...

Эрик винил себя. Нет, он не озвучивал этого, но я видела — в отведенном в сторону взгляде, в опущенных уголках губ, в отголосках усталости, поселившихся в глазах.

Вину тоже должен кто-то нести, как и знание. И говорят, бог не дает нам ношу, тяжелее той, которую мы не сможем нести.

Христианский бог. А наши?

Наши мертвы.

— Знаешь, в чем ирония? — усмехнулся Эрик, отпивая красное вино из бокала. Мы сидели у камина в его... нашей комнате, на толстом ковре с длинным ворсом. Ворс приятно щекотал пятки, вино согревало. — Я видел его. Мир, в котором жили боги.

Светлый. Просторный. В нем ты чувствуешь, что у тебя есть крылья. Там все задачи существуют решения, на каждый вопрос — ответ. Этот мир легко принимает и тяжело отпускает. А чтобы попасть туда, нужно стать достойным.

Только вот каждый закон можно обойти. Наиболее ушлые обходят. Такие, как Крег.

— Разве он был достоин? — В голосе Эрика звучала обида, и я не знала, что ему ответить.

Впрочем, на некоторые вопросы ответов не найти, как ни старайся. Их задают взволнованным шепотом, доверяя, будто секреты.

— Думаешь, Первые пришли из-за того, что я вернулся?

Горечь на губах. Терпкий привкус вина. Нестерпимое желание обнять, но я ограничиваюсь лишь прикосновением к ладони. Разряд на коже, тихий треск статического электричества. В глазах Эрика пляшут блики огня.

Темно. Уютно. И кажется, беда отступила.

Обманчивый покой заставляет расслабиться. Поверить, что все хорошо. А как иначе

может быть, если мы здесь, вдвоем, на подносе сыр и орехи, и мне впервые за последние месяцы не хочется плакать?

Хаук придет. Когда-то потом, в далеком мае, до которого больше месяца. Сорок три треклятых дня ожидания смерти. Что значит время для того, кто счастлив?

Все или ничего.

Глава 12. Седьмой

Нож.

Предмет бытовой и часто используемый в повседневности. Его берут, когда хотят сделать бутерброд, нашинковать овощи на салат, отрезать кусок сыра.

Для меня нож значил гораздо больше.

Первый пролил кровь во время посвящения в атли, и я в полной мере стала той, кто я есть. Хищной.

Второй проткнул восковую фигурку во время ритуала кроту, и погиб древний охотник.

Третий вспорол мои вены, выпуская кровь и кен пророчицы. Одно из самых жестоких предательств не убило меня, а значит, сделало сильнее.

Четвертый я вонзила в жилу колдуна, освобождаясь от проклятия. И научилась отличать мнимую свободу от истинной.

Пятый чуть не убил Эрика в заброшенных ангарах. Тогда я впервые узнала, на что способен мой кен.

Из-за шестого погиб Барт. Он дал мне оружие, использовать которое можно лишь раз. По сути, он сделал меня тем самым оружием.

И вот, наконец, седьмой. Древнейший клинок хищных жрецов, способный убить Хаука. Что мне с ним делать? И были ли шесть предыдущих... Чем? Тренировкой? Предвестниками?

Я сидела на кухне и пялилась на нож. Обычный, для нарезки хлеба. Все же хорошо, что подарок Херсира я отдала Эрику. В отличие от первых шести, он был опасен для моей души.

— Выглядишь лучше.

Влад присел рядом и плеснул кофе себе в чашку. К слову, он тоже выглядел неплохо. Спокойный, уверенный. Слегка отстраненный. О том, что случилось в хижине Херсира, мы не говорили ни разу. Как и о том, что я снова переехала к Эрику.

Нет, волшебного примирения и бурных любовных игр не произошло. Просто Дэн с Люсией остались, а потом и остальные сольвейги вышли из подполья. Появились у нас полунпуганные, полу-восхищенные величием дома. Смущенно улыбались, мялись на пороге, обнимая огромные рюкзаки. Шептались. Хихикали. А вечером устроили на кухне показательный балаганный концерт с пением под гитару и танцами босиком на столешнице.

Дикие люди!

Комнату на третьем этаже пришлось освободить. Люсия вытолкала меня пинками и даже вещи помогла перенести. Я честно хотела остаться там с ней и еще двумя девушками. С сольвейгами проще, свободнее и не нужно замирать каждый раз, как открывается дверь. С Эриком мы ладим, но я все еще вздрагиваю, когда он входит и заполоняет почти все пространство, лишая меня места для маневров, воздуха и самообладания.

За прошедшую неделю мы много говорили. О разном. Об их с Дашей детстве, с родителями, смерть которых все еще тяготила Эрика, и затертая, полупрозрачная злость на мать вырывалась резкими фразами, сменяющимися нежностью встревоженных воспоминаний. А я впервые поймала себя на мысли, что восхищаюсь Боженой. Она так легко пошла на смерть, когда я леденею от одной мысли, что в мае самой придется сделать решительный шаг. Сумею ли? Хватит ли воли? С волей у меня всегда были проблемы.

Мы рассуждали о будущем, которое заставит многих пересмотреть свое место в мире. Хаук убивает ежедневно. Десятки племен, тысячи хищных гибнут, а мы просто бессильны это изменить. Мы можем лишь ждать. Искать Гарди и Лив в надежде, что однажды нам улыбнется удача.

Удача ли?

Каждую ночь перед сном я повторяла пассы, которым учил меня Барт. Подождать, пока шупальца расслабятся, стянуть их в узел. Скрестить средний и указательный, вторую ладонь как можно ближе к жиле. Надавить, выплеснуть кен, запечатать.

Все просто. На словах. Когда я представляла перед собой Хаука, появлялись дрожь в коленях и лихорадочный, парализующий страх.

Даже здесь, на кухне, в кольце непробиваемой защиты он владел мной. Видимо, против страха защиты еще не придумали.

— Мне лучше, — кивнула я, не отрывая взгляда от ножа. — Нужно найти Лив. И Гарди.

— Думаю, не стоит торопиться, — ответил Влад и отхлебнул из чашки.

Наверное, мне стоило насторожиться уже тогда, ведь он не посмотрел в глаза. И этот тон я прекрасно знала — он означал, что Влад недоговаривает или даже врет. Прячет нечто важное за маской безмятежности. Но я не насторожилась. Думала о своем. Уверила себя, что все просчитала.

Влад всегда умел просчитывать точнее.

— Шутишь? У нас совсем мало времени. Не знаю, говорил ли тебе Эрик...

— О Хауке? — перебил он. — Говорил. А ты не задумывалась о варианте, что именно Гарди Хаук и пасет? Сунешься к ясновидцу, а там охотник?

— В прошлый раз никто Гарди не пас, — возразила я и сунула нож в ящик стола. — Он сам к нам пришел и... Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем приходил ясновидец?

Влад пожал плечами.

— Почему мне знать.

И отвернулся. Это был последний раз, когда мимика выдала его. Но я пропустила этот знак, как и все предыдущие. Наверное, Барт был прав — некоторые вещи предопределены, и их нельзя изменить.

Охотник пришел вечером. Крыльцо купалось в лиловых сумерках, над раскидистым кленом повисла округлым сырным боком почти полная луна. Воздух пах весной. И Богдан на фоне весеннего вечера смотрелся весьма романтично.

Причесался. И футболку белую надел, которая подчеркивала загорелую кожу. Куртку надеть он не потрудился, отчего кожа эта под совсем не весенним ветром покрылась мурашками.

— Главный дома? — спросил он с порога. От него Богдан предусмотрительно отошел на несколько метров. Во избежание. Потому как защита, над которой потрудились Гектор с Эриком, по их же словам, от древнего даже пепла не оставила бы, если бы он решился вломиться в дом.

— Тут нет главных, — мрачно ответил Влад, и заслонил от меня дверной проем, а с ним и Богдана. Пфф, будто охотник может мне что-то сделать!

— Ага, как же, — усмехнулся Богдан. — Демократы, блин! Так этот ваш... Эрик дома?

— Эрика нет, — ответила я и решительно протиснулась мимо Влада в дверь. — Но даже

если бы был, не уверена, что он обрадовался бы твоему приходу.

— Он обрадуется, увидишь. У меня есть информация о Гарди. Интересует?

Немая сцена. Сумерки стали гуще, а воздух — холоднее. К слову, Богдан на этот факт никак не отреагировал. Сложил руки на груди и продолжал ухмыляться.

— Хочешь сказать, ты знаешь, где...

— Именно, — кивнул охотник.

— Входи.

Богдан потребовал чай. С лимоном. Чтобы горячий, а к чаю — булочки или, на худой конец, печенье. А еще сахар-рафинад, который он ел вприкуску, смачно похрустывая.

Даша хмурилась, поджимала губы и сжимала кулаки. Алиса подпирала спиной каминную полку и пялилась на меня. Наверное, пыталась проверить, есть ли у нее умение прожигать людей взглядом. Хвала богам, таких умений они ей не послали.

Влад пристроился на подлокотнике кресла и выглядел расслабленным. За его плечом притаился Мирослав, а рядом со мной на диване пристроился Дэн.

— Ну? — скучающим тоном осведомился Влад у охотника — Информация будет? Или ты пообедать пришел?

— С обедом тут, как я понял, туго, — ни капли не смутившись, ответил Богдан и сунул в рот очередную зефирку. Между прочим, мои любимые! Я их на ужин берегла. — Не уверен, что могу доверить вам столь ценные сведения. Вот придет Эрик...

— Убирайся! — не выдержала Даша, и ее щеки полыхнули лихорадочным румянцем. Она повернулась к нам и раздраженно выдохнула: — Видно же, что ничего он не знает! Просто у нас безопасно, вот и пришел. Охотники поджали хвост, как только узнали о Хауке.

— Что-то я не заметил тебя на улицах города, — огрызнулся Богдан. — Сидишь тут, прячешься. Под покровом защиты так просто говорить о страхе, не так ли?

Даша шумно выдохнула, но ничего не ответила. Глаза опустила только и снова сжала кулаки. Злилась. Но, как верно заметил Богдан, страх пересиливал злость.

— В отличие от тебя, блондиночка, я бываю на улице и знаю, что говорят, — сказал он уже спокойнее. — Хаук придет за потомками Херсира, и, насколько мне известно, в твоих венах течет его кровь.

— Что еще говорят на улицах? — вмешался в разговор Дэн и обнял меня за плечи. В последнее время он всегда так делает, когда разговор заходит о Хауке. Пытается, должно быть, защитить от неприятных мыслей. Жаль, что против некоторых мыслей объятия бессильны.

— Хаук придет сюда совсем скоро. И у вас не хватит сил, чтобы ему противостоять. Наверное, будь ситуация иной, я бы порадовался...

— Но сейчас охотники тоже под ударом, верно? — съязвила я. — Альрик подставил вас с некими нюансами в законах.

— Так ли важно сейчас, кто виноват? — тихо спросил Мирослав. — Важнее, что нам делать. А план у нас есть.

— Для этого вам нужен Гарди, верно? — ухмыльнулся Богдан и поставил пустую чашку на поднос. — Я могу с этим помочь.

— А взамен... — подсказал Влад.

— Взамен хочу защиты. В этом доме, разумеется. Ну и покушать я люблю, так что...

— Денег не надо? — поинтересовался Влад. — Миллиона, скажем, три? Возможно личный вертолет?

— Будешь язвить, попрошу!

— Довольно! — Даша встала и резко оправила юбку. На Богдана не смотрела, но видно было, что само присутствие охотника вызывает в ней странные эмоции, объяснить которые я пока не могла. — Видно же, что ничего он не знает. Пришел тут кланчить!

— Полегче, блондиночка, я и обидеться могу. Уйду и не скажу ничего. — Богдан странно на меня посмотрел и добавил: — И некоторым тут будет очень плохо.

Он прав, будет. Мне. И Богдан знает, потому что он — единственный, кто в хижине Херсира оставался в сознании. Он слышал наш разговор, а потому знает, что...

— Он останется, — сказала я, и голос прозвучал глухо. Почти обреченно. Богдан ухмыльнулся уголками губ.

— Полина! — возмутилась Даша, но я пресекла ее негодование.

— Он останется, — повторила твердо. — Когда Эрик вернется, то решит, что с ним делать. А пока, — я повернулась к Богдану и попыталась изобразить гостеприимную улыбку. Вышло, должно быть, карикатурно, — добро пожаловать.

Кухня опустела почти сразу, как мы туда вошли. Юркнула в дверь притихшая Эльвира. Поджав губы, испарилась Рита. И Игорь молчаливой тенью последовал за ней.

Богдана боялись. И страх предпочли скрыть бегством.

Лишь Даша некоторое время стояла, сложив руки на груди, и сверлила охотника взглядом, но потом ее позвал Влад, и она тоже ушла.

— Бойтесь, что стырю ваши серебряные вилки, — пожаловался Богдан и вздохнул с сожалением.

— Ничего, я прослежу, чтоб не стырил, — ответила я. — Так где Гарди?

— В надежном месте. Не думаешь же ты, что я скажу тебе, не получив того, за чем пришел?

— Не думаю. Но и помощь просто так тебе никто не окажет. А ты ведь сильно боишься, верно? Даже в отчаянии. Раз пришел сюда.

Он встал, подошел к холодильнику и бесцеремонно начал там копать. Будто у себя дома. За справедливость ратует, а воровать еду под носом у хозяев не стесняется. Тоже мне, предводитель армии!

— Хочу посмотреть, чем все закончится, — спокойно ответил Богдан и, немного поразмыслив, взял ветчину. Ее он резал ножом прямо на столешнице, тут же откусывал и жадно жевал.

— А ты не очень-то стесняешься, — заметила я. Ветчины жаль не было, но и симпатии к охотнику не возникло.

— Время такое, — с набитым ртом кивнул он. Прожевал ветчину и прищурился. — На кой тебе Гарди? Думаешь, если запрете его тут, Хаук отступит?

— Если запрем, не отступит, — согласилась я. — Но мы не собираемся запирать. Я хочу его вылечить.

Он даже ветчину выронил, и она с мерзким звуком плюхнулась на стол.

— Вылечить?

— Видел Лидию? Дочь Гектора? Раньше она не была такой... здоровой. Пока мы не познакомились ближе.

Молчание. И взгляд пристальный, недоверчивый. Этим взглядом Богдан словно пытался меня просканировать и выявить ложь. Скрывать мне было нечего, поэтому я просто ждала, пока он придет в себя. Осознает. Хотя растерянность охотника была приятна. Сразу

вспомнилась ночь, когда он пришел впервые, презрение в голосе, едкие слова. И ненависть.

Ненависть, которая таяла на глазах, меня выражение его лица, меня больше не трогала.

— К...как? — выдавил он, наконец.

— Неважно. На всех меня все равно не хватит. И если ты хочешь, чтобы я исцелила кого-то из твоих родных...

— Не хочу, — перебил Богдан и опустил глаза. — Больше некого исцелять.

— Извини...

Пресловутое удовлетворение испарилось. Ушла и неприязнь, и желание досадить, уколоть больнее. А Богдана стало жаль. Кто из нас не терял? Не плакал, понимая, что смерть — единственное, что практически невозможно исправить. И разве виноват он, что родился ясновидцем? И что, подавшись собственной слабости и злости, прошел треклятые испытания, подарком за которые явилась благодать?

Не виноват. Как и хищные, которым природа велела питаться.

— Я слышал, что ты говорила Первому, — глухо произнес он. — И пришел сюда не ради защиты.

— Ради чего тогда?

— Чтобы увидеть, как Хаук тебя убьет.

Правда неприятно резанула и вырвалась громким выдохом после напоминания о возможном исходе. О видении я старалась не думать. О ярких, цепких щупальцах Хаука, о страхе в глазах Лив, о печати, черт бы ее побрал. О боли, ярче которой я еще не испытывала.

Нельзя много размышлять о собственной смерти. Такие мысли испытывают волю, а я никогда не отличалась особой стойкостью. Засомневаюсь, передумаю, и тогда умрут все. Выбора нет, и если не получится с Гарди, придется принять то, что есть. И отдать нож Лив.

— Надеюсь, не увидишь, — сказала я и встала. Богдан снова стал мне неприятен, но не из-за озвученной правды. Из-за необходимости пережить видение снова — пусть лишь в мыслях.

Думать о таком опасно. Нельзя забывать о даре Эрика.

— И они согласились на такую жертву? — В голосе охотника послышалось искреннее удивление. — Все они — те, кого ты так защищала?

— Они не знают. И не узнают. А если скажешь...

Я посмотрела на него, и Богдан кивнул.

— Прибьешь, понял. Не скажу.

— Хорошо.

— Гарди у меня. — Он решил сменить тему. — С моими людьми — в надежном месте. И для тебя у меня есть бонус. Девушка тоже с ним.

— Лив?!

Воздух казался горячим, раскаленным даже. В глазах потемнело, а голову будто железным обручем сдавило. Тоже горячим. В висках застучало, и горло пересохло от внезапной духоты.

— Она самая.

Близко. Охотник знает, где Лив, а значит, я нашла ее. Мы нашли. И теперь...

Додумать не удалось. В кухню вошел Дэн и сообщил:

— Эрик вернулся.

— Отлично, — просиял Богдан. Встал, открутил крышку у «Колы» и, не дожидаясь нас, вышел в коридор.

— Он знает, где Лив, — сказала я и посмотрела на свои ладони. Ладони покрылись испариной и были холодными, как лед.

— И Гарди. Не забывай о Гарди! — с энтузиазмом дополнил Дэн.

Я кивнула. Странно, но эмоции улеглись, как февральская метель. Только слепящее солнце и снег. Холодно. Спокойно. Но так и должно быть.

— Помню. А если не получится...

— Полина...

— Если не получится, — настойчиво повторила я, — у меня есть нож.

Нож.

Он должен был освободить, а стал моим проклятием.

Снова.

Глава 13. Надежда не умирает

Существует мнение, что счастье — это минута тишины перед тем, что тебя ждет. Таких минут у меня впереди было много. Мгновений, текущих вяло, оставляющих на душе маслянистый след. Оболочку, напоминающую мутный пузырь, фильтрующую звуки и размывающую изображение действительности.

Сквозь эту оболочку вновь прибывшие казались иллюзорными, фантомными даже. Полупрозрачные призраки, жмущиеся друг к другу, чтобы не потерять целостность. Потерявшие дом и племя — Хаук бесчинствовал в Лондоне, и, наверное, это еще одно послание Эрику. Насмешка. Несколько выживших из десятков его друзей.

Они улыбались. Говорили на ломаном русском, смешивая слова, и в разговоре прорывались иглами английские с глубокой, носовой «а» и тонкими, свистящими согласными.

Ричард был высок и худ. Рыжеволос. Переносица с горбинкой и внимательный взгляд синих глаз. Под стать ему Мария. Прямая спина, светло-голубой брючный костюм, остроносые туфли на невысоком каблуке. Аккуратное каре. Подчеркнутая строгость движений, граничащая с чопорностью, но эту границу не перешедшая. Тонкие черты лица придавали ей аристократизма.

Третья гостья была невысокой. Несуразной. Русые волосы, наспех перехваченные черной резинкой, отчего прическа казалась неряшливой. Полное отсутствие макияжа. Блуждающая, неуверенная улыбка. Распахнутый взгляд, в котором испуг, почти перешедший в отчаяние. Но она держалась, изредка вздергивала подбородок и пыталась казаться увереннее. Этот жест еще больше выдавал ее.

И мне показалось, наши с ней желания совпадают — мне тоже хотелось спрятаться. И от охотника, который нашел Лив, и от новых знакомств, а значит, известий об очередном погибшем племени. От мыслей, которые муравьями копошились в сознании.

Ее ладонь была теплой, а глаза распахнулись еще больше, когда я представилась. А моей первой мыслью была: «Боги, что он в ней нашел?!»

За эту мысль тут же стало стыдно. Нашлась, тоже мне, красотка писаная! Небось, Лара обо мне так же думала, когда узнала, что я и Влад...

Быть, как Лара, не хотелось. Поэтому невесть откуда всплывшую стервозность я усилием воли зачихнула поглубже.

У Элен был низкий, приятный голос. Теплая улыбка. Она старалась не отходить от Ричарда, в отличие от Марии, которая заставила Дашу провести ей экскурсию по дому. Даша ушла неохотно, и я с неудовольствием заметила, что Богдан проводил ее внимательным взглядом. Не хватало нам только влюбленных охотников! От них одни проблемы. Плавали — знаем.

Линда отреагировала на Элен бурно. До этого момента тихая, неприметная — она выронила стакан на пол, резко развернулась, взлетела вверх по лестнице и скрылась за поворотом в коридор. Осколки блестели на полу, переливались, отражая свет ночных ламп.

— Shes still?.. — спросила Элен Эрика, запнулась и опустила глаза.

Эрик не ответил, но было очевидно, что Линда до сих пор... И это жутко бесило. Количество поклонниц Эрика на квадратный метр росло с каждым днем, возвращая

ревность, а с ней и напрасные надежды.

Надежды мне сейчас противопоказаны. А жизнь теперь мало напоминает любовный роман. Скорее, триллер. Или ужастик. Особенно по ночам, когда страхи проникают в сны темным, мутным раствором.

Эля принесла совок и веник, чтобы убрать осколки. В гостиной повисло неудобное молчание, лишь Богдан два раза кашлянул в попытке привлечь внимание.

Удалось. Ответом ему был взгляд Эрика — пристальный и злой.

— А этот что здесь делает? — поинтересовался он вкрадчиво, даже не стараясь скрыть угрожающие нотки.

Богдан взгляд выдержал.

— Он знает, где Гарди, — пояснила я, и молчание вернулось. Опутало, заполонило гостиную, и новые гости притихли под влиянием общего замешательства.

Про Лив я умолчала. Богдан и так скажет, если они с Эриком договорятся, а если нет... А если нет, я сама у него узнаю. Вытрясу правду, даже если придется при этом его прибить.

Говорили они долго, закрывшись в кабинете. Некоторые из нас ходили посмотреть на двери, будто информация могла просочиться сквозь них бесплотным привидением. А потом надоело. Собравшиеся в гостиной разбрелись по своим делам. Загремела посуда на кухне — готовился ужин, и по воздуху поползли восхитительные ароматы еды. Желудок тут же откликнулся, однако в последнее время мы ужинали с Эриком вдвоем, ровно в восемь, на полу у камина.

Часы показывали уже полдевятого, а дверь в кабинет была все так же молчалива и нема к мысленным просьбам. Ждать у двери — уныло, поэтому я решила принять душ и переодеться. И на втором этаже, в коридоре, прислонившуюся к стене и смотрящую в окно, нашла Линду.

Она не шевелилась. Руками только себя обняла и стиснула плечи, будто старалась удержать их на месте. Будто бы, если отпустит, они отвалятся от туловища. Пальцы побелели и спина сгорбилась, а из-под свитера, который встопорщился, задрался, виднелись...

Я застыла. И внезапно возникший ком в горле попыталась сглотнуть. Не вышло. Колени дрогнули, и от них вверх поползло, охватывание, онемение. Наверное, из-за него я и не могла пошевелиться. Именно из-за него, а еще от усталости, а не от четких лиловых шрамов, полосующих спину пророчицы. Они липли к коже и, переплетаясь, тянулись вверх.

И слова Эрика о наказании приняли иной, ужасающий смысл.

Она ведь... ее ведь... И, небось, при всех. Соплеменники смотрели, как тяжелый, темный кнут касается кожи, разрывая. Свист его пригрезился мне, отчего передернуло от отвращения.

И разве есть преступление, за которое нужно терпеть такие муки? Разве это справедливо?

Линда обернулась, стегнула меня взглядом, будто крапивой. Я не была ей симпатична, как и Элен, но если раньше она скрывала эмоции под веером ресниц, то сегодня прятаться не хотела.

Приветливые слова застыли у меня в горле. Что мне ей сказать? Если ее наказали из-за Эрика, то я, должно быть, кажусь ей воплощением чудовищной несправедливости. Никакие слова не смогут это изменить.

Не сводя с пророчицы взгляда, я попятилась, нажала на ручку двери. Промахнулась.

Тихий шорох. Полумрак. Щелчок выключателя, и мягкий свет всполошил тени, залил

комнату. Не мою.

И обитатели, которых я нечаянно потревожила, замерли в кровати от эдакой наглости. И я замерла — у двери только. Уперлась в нее спиной и, прежде чем успела подумать, выдохнула возмущенное:

— Эльвира!

Эля потупилась, сжалась и подтянула одеяло, которое прикрыло даже нос, но все равно было видно, что она густо покраснела.

— Ты так и не научилась стучаться, — покачал головой Влад, ни капли не смутившись. Выглядел он при этом довольным, как кот, объевшийся сметаны. Правда, в отличие от кота, пойманного на полочном, ни капли не испугался.

— Черт! Вот ведь черт!

Я старалась смотреть куда угодно, только не на них. На занавески в розовых рюшах. На постеры на стене с изображением молодежных групп. На фотки на комод, устланном вязанной салфеткой. Салфетки эти вязала мама Эли, и было у нее их десятки, если не сотни. Целительница украшала ими каминные полки, обеденный стол, подоконники в коридорах, где жили вазоны с розовыми азалиями и мясистыми фикусами. Даже у нас в комнате на тумбочках лежали кружевные таблетки рукодельницы Авроры.

Так Эльвира хранила память о матери, погибшей на войне.

Она скорбела. Грустила, и каждый раз, когда впадала в меланхолию, виделась мне ребенком, лишенным материнского тепла.

Боги, да она и есть ребенок! Что он тут... они...

— Извиниться не хочешь? — настиг меня язвительный вопрос.

— Да, я... — Я на всякий случай отвернулась, мысленно желая отмотать время назад и посчитать чертовы двери. Элина была следующей после нашей в коридоре, полном одинаковых дверей. И, если бы я не засмотрелась на шрамы Линды, точно не перепутала бы. А теперь... — Извини, Эля.

И вышла на ватных ногах в коридор. Дверь закрыла и прислонилась к ней, закрыв глаза. Щеки горели, будто бы это не я — меня застали вот так... А если и застали, то...

Какое мне дело? Ира наверняка в курсе, да и знает она, что Влад не станет хранить верность. Верность для него имеет совсем другое значение.

А я... мне надо найти Эрика. Аппетит пропал, а желание его видеть стало невыносимым, осязаемым почти. Оно приклеилось к груди, в районе сердца, заставляя это сердце биться сильнее.

Линда стояла все там же, у окна, и на этот раз не обернулась. Свитер только оправила, и теперь он скрывал следы ее давнего позора.

В гостиной было неожиданно пусто. Полумрак. Запах сандала от ароматических палочек, которые зажгли и зачем-то оставили на столе. От них вился сизый, тонкий дымок и рассеивался, наполняя комнату сладким ароматом.

Даша стояла у окна, упершись ладонями в подоконник, и смотрела на улицу.

— Охотник ушел, — сказала мне, не оборачиваясь, глухим, полумертвым голосом. От тона этого голоса у меня по спине поползли мурашки. Случилось что-то, а я не заметила? Верно, произошло, когда я была наверху, рассматривала шрамы Линды и сцену, которая не предназначалась для моих глаз. Или предназначалась?

— Он вернется, — будто стараясь успокоить меня, добавила Даша. — Договорились вроде. Думаешь, альянс с охотниками возможен?

Я пожалала плечами, на ходу понимая, что Даша не могла видеть этот жест.

— Гектор уже ведет переговоры с теми, кто отступил тогда. Они вроде не против нам помочь. А если и Богдан пришел, то... — Я шагнула к ней, тронула за плечо. — Что с тобой?

— Охотник сказал, что я красивая, — ответила она тем же глухим тоном и прядь волос заправила за ухо.

— Он прав, — кивнула я. — Но ты же понимаешь, что вы не сможете... ну, ваши энергетики...

— Несовместимы. Да, знаю.

Показалось, в словах этих скользнула горечь. Она странно вела себя в последнее время, а я не замечала, либо не хотела замечать. Своих проблем было полно, а на чужие времени не оставалось. И сил. Сил особенно.

Нужно было ее как-то отвлечь. Хоть как-то, иначе она себе такого надумает, что Эрик ее либо убьет, либо запрет, а мне бы этого не хотелось. Отвлечь было чем.

— Послушай, ты бы поговорила с Элей, — постаралась я мягко сменить тему. Тема Даше приглянулась. Она даже повернулась ко мне и прищурилась, будто судьба Эли ее волновала больше всего на свете.

— А что с ней?

— Я только что двери спутала. Случайно, и... В общем, я к ней вошла, а там...

— Нет, — перебила Даша. — Молчи. Ни слова!

Она резко вывернулась, обогнула меня и направилась к лестнице. И я поняла, что сегодняшний вечер абсолютно лишен нормальности, будто кто-то выпустил из шкатулки дух Кэррола, и теперь он бродит по дому, курит трубку и выпускает дымок сюрреализма, который расползается по комнатам.

Взгляд упал на дымящиеся сандаловые палочки, я подошла и затушила их. И без сумасшествия домочадцев нам хватает проблем.

Мне нужно найти Эрика. Просто чтобы почувствовать: все в порядке. Пока. А «потом» оставлю на завтра.

Я нашла его — на кухне, в окружении ясновидцев и скади, обсуждающих приход Богдана. Поймала недовольный взгляд Гектора. И отступила в тень. Юркнула в дверь, ведущую на улицу, где весна почти, и воздух приятно-теплый, несмотря на ночные заморозки.

На улице стало спокойнее. Тишина. Темень. На фоне иссиня-серого, затянутого тучами неба качаются черные лапы деревьев. И совсем уже весной пахнет.

— Ужинала?

Теплые руки на плечах. Едва уловимый аромат карамели. Булочка с марципаном на фарфоровой тарелке — Эрик вечно дразнит меня сладким перед едой. Впрочем, это совсем не мешает мне наслаждаться ужином и аппетит не перебивает.

Я помотала головой и пощупала мягкий сдобный бок подношения.

— Извини, пришлось кое-что обсудить. Охотник...

— Знает, где Гарди.

Молчание. И поджатые губы Эрика наталкивали на мысли, что он раздражен.

На меня он не смотрел, изучал щербатые перила и износившиеся колонны. Делал вид, что полностью увлечен мыслями о необходимом ремонте. Его пальцы скользили по холодному камню, оглаживали, пробовали на ощупь.

— И что теперь? — не выдержала я. Сердце колотилось, и озноб отчего-то взял. Куртку

забыла, а весна еще весной не кажется. Особенно ночью.

— Приведем его сюда, — ни секунды не колеблясь, ответил Эрик. — И ты его вылечишь. А потом...

Замолчал. Задумался и, казалось, он подбирал слова, которые можно мне сказать. Раньше мы всем делились, а теперь... Нужно ценить то, что есть. В конце концов, у меня тоже есть от него тайны.

— Даша странная. — Я решила уйти от неприятной темы, которая и так сегодня слишком часто обсуждалась.

— Дарья ревнует, — тем же тоном пояснил Эрик, и пальцы его коснулись коры прильнувшего к крыльцу вяза. Вяз был стар, широк, и кора его бугрилась под ладонью Эрика. Дерево, будто ища пристанища, тянулось к теплу, к людям.

— Богдана?! — вырвалось у меня, прежде чем я поняла, что именно спросила.

Эрик посмотрел на меня. Нахмурился.

— Какого Богдана?

— Я... то есть... охотник приходил, вот я и...

— Глупости! — поморщился он и добавил: — Дарья ревнует Влада. Это у нее случается. Периодами.

— К кому?!

Фраза Эрика звучала нелепо. Странно. Неправдоподобно. Даша с Владом неразлейвода, никто на ее место лучшего друга и доверенного не посягнет. Иногда мне казалось, она знает о Владе больше, чем он сам о себе. И тут вдруг...

Эрик окинул меня внимательным взглядом.

— К Эльвире.

Воспоминание-молния. Смятые простыни. Пунцовое лицо Эли. Усмешка Влада. Интимность, которую я нечаянно нарушила. Нелепая, к слову, интимность. Зачем Владу Эля? У него всегда было много поклонниц, но все они разительно отличались от целительницы — что внешне, что характером. Вот Даша гораздо лучше подошла бы на роль его избранницы, но за столько лет у них не наметилось и намека на отношения. Выходит, не судьба. А тут вдруг...

— Бред какой-то, — подытожила я.

— А ты не знала? — Эрик удивленно приподнял бровь, а взгляд стал еще внимательнее, будто он испытывал меня, изучал реакции. Или правда изучал? — Дарья влюблена в него с детства.

Вот точно бред! Даша все время, что я ее знаю, сватала мне Влада и пыталась рассорить с Эриком. До самого венчания, да и после особого восторга на лице защитницы по поводу женитьбы с ее братом, я не наблюдала. Сколько мы живем в одном доме, сколько раз я видела их с Владом, и у меня ни разу и мысли не возникло, что она...

— Извини, но это звучит смешно.

— И, тем не менее, это так. Это была первая мысль, которую мне удалось услышать, когда дар проснулся.

— Ты... влез Даше в голову?! — Я отшатнулась. Тарелку поставила на широкие перила, и она недовольно звякнула, будто упрекнула в небрежном обращении с булкой. Наверное, у меня на лице отразилось негодование, потому что Эрик отвел взгляд. И выглядел при этом слегка виноватым.

— Тогда я еще не умел контролировать это.

— Тогда?

— Сейчас умею, — признался он. — Но мысли Дарьи с тех пор мало поменялись.

— И не стыдно? — укоризненно покачала я головой.

— Нет, — совершенно искренне ответил Эрик и, решив, наверное, что от булки я отказалась, стянул ее с тарелки. Булка наверняка была вкусной, а я не ужинала. И рассмеяться бы, попробовать отвоевать хоть половину, но...

Даша? Серьезно? И если так, то чего ей стоило быть рядом с ним все эти годы? Наблюдать. Слушать. Помогать. И думать, каждую ночь думать, что она тоже могла бы быть на месте одной из них — бабочек-однодневок, ярких и разных. Однотипных. Или же укорениться, как Ира...

Она укоренилась. Правда, не так.

— Идем. Замерзла совсем.

В голосе Эрика послышалось раздражение. И ладонь, обхватившая мое плечо, сжалась немного сильнее обычного. Еще одна моя ошибка — замешательство, неправильные мысли, которые нельзя позволять себе рядом с Эриком.

Боюсь, теперь рядом с ним нельзя позволять никаких мыслей. Разве что о мягкой сдобе, покрытой толстым слоем марципана.

...Богдан явился на следующий день. Незадолго до него пришли другие охотники — те, с которыми успел договориться Гектор. В доме стало тесно. Душно. И сам дом будто уменьшился в размерах. Нависали изящной лепниной потолки, опасно сверкали люстры, расплескивая теплый свет на плечи. Стены давили. И грудь будто кольцом сдавливало тоже.

Я сбегала из общего дурдома — либо в нашу с Эриком спальню, либо на улицу. На крыльце, за стеной защиты было безопасно и дышалось легче.

Природа, наконец, проснулась, и во дворе, на зазеленевшей лужайке, будто огромный ящер, вылупилась весна. Она щедро делилась солнцем. Теплом. И прохладой, которая казалась приятной, благостной даже. На улице пахло свободой. Теплым асфальтом. Влажной землей и прелыми листьями. Птицы пели, и, казалось, счастье притаилось где-то рядом, за углом.

— Скоро в доме будет больше охотников, чем мы сможем одолеть.

Дэн поднял лицо к небу и зажмурился, как кот. Прислонился спиной к колонне, откинул плечи назад и тоже впитывал весну. На лице его отражались лишь покой и безмятежность.

— Все хотят жить, — пожала я плечами. — Хаук зол на всех.

Он убивал. Методично и по понятной лишь ему схеме. Появлялся в неожиданных местах и выпускал смертоносные щупальца. Гибли хищные. Ясновидцы, которые, по словам Гектора, всегда жили мирно и придерживались законов. Охотники. Умирани не все. Оставшиеся в живых, напуганные и потерянные, оставались бродить по земле. И если так, то...

Почему?

Кара богов, которая настигает не каждого, а лишь того, кто нагрешил больше всех? И как определить степень своей вины? Как вымолить прощение у богов, которые давно погибли?

Рядом с Дэном чувствовалась легкость. Мысли плыли лениво, как неповоротливые, жирные рыбы в мутном пруду. Скоро май, а я все еще не приблизилась к Гарди. Богдан здесь, но... Эрик молчит. Медлит. Выжидает?

— Это будет трудно, — сказал Дэн, открывая глаза, и взгляд его был тяжелым. — Если тебе придется сделать то, о чем просил Барт, то это будет чертовски трудно.

— Сейчас это легко.

Вылечить Гарди. И если не поможет, то... умереть?

— Сейчас да. Но там, у черты, когда назад дороги не будет, проснутся инстинкты. Ты можешь готовиться к этому сколько угодно, но... сможешь шагнуть к нему сама?

— Смогу, — решительно ответила я. — Иначе все умрут. И я в том числе. Ты знаешь это.

— Наверное, поэтому он тебя и выбрал. Барт. Потому что ты — та, кто не отступит.

Наверное. Откуда мне знать? Барт мертв, а я здесь, и мне нужно что-то делать. Хоть что-то!

Умирать не хотелось. И оттого еще более раздражало ожидание. Медлительность Эрика. Задумчивость, с которой он иногда на меня смотрел. Ожидание убивало медленно, мучительно.

Чего он ждет? Если мы знаем, где Гарди, это ведь шанс. Для меня. Для нас всех.

Впрочем, причины были ясны. То, что предстояло сделать, тяготило не только меня. У Эрика были собственные, не менее сильные демоны. Недоверие. Обида. Злость, которая, как дикая собака на привязи, рисковала разорвать оковы. Вырваться. Ведь для того, чтобы вылечить Гарди, мне нужно...

Думалось об этом неохотно. Будто бы не со мной, не я... А если я, то не та, которая здесь и сейчас. Другая. Она появится через несколько дней, недель даже. Ближе к маю. Проснется поутру и выйдет на крыльцо встречать Хаука. Дэн прав, это будет тяжело. Я не смогу. А вот она — она сильнее. Правильнее. Она никогда не боится. Или просто немного безумна...

Но до того она откроет жилу и примет приторно-сладкую ваниль.

Эрик боялся, что она снова сорвется. И он сорвется вслед за ней — вниз, в пропасть, откуда возврата нет.

Мы ходим по грани. Оба. Грань тонка, опасно прозрачна. И правильного больше нет.

— Смотри, кто это там?

Дэн оттолкнулся от колонны и спустился на две ступеньки, вглядываясь вдаль — туда, где у гостеприимно распахнутых ворот мялись две сторбленные фигуры. Гостеприимность была обманчивой, и они чувствовали это. К слову, я бы совсем не расстроилась, если бы они попытались преодолеть защиту, и она отозвалась бы на присутствие непрошенных гостей, опутала обжигающими плетями кена. Причинила вред.

Появление незваных гостей злило.

— Скажу Эрику, — процедила я и вернулась в дом. Осталась бы, точно не смогла сдержаться. То чувство, которое испытала у очага атли, когда Крег совершил жертвоприношение, снова накатило. Жила откликнулась, вздулись вены, и кен готов был вырваться на свободу. Убивать.

Рано. Придет час, и я отпущу себя. Но не сегодня. Не с ними. Они не заслужили, чтобы на них тратить ценный дар. Пусть тень Крега смеется за спиной, провоцирует. Я не поддамся. Это не мой кен, а той, кто придет в мае. И я сохраню для нее то, что оставил Барт. Потому что иначе мы все проиграем.

Нежданные гости боялись переступить порог. И под пристальными, недобрыми взглядами жалась друг к дружке, опускали глаза и руки прятали за спину. Однако же

пришли. И к Эрику Рик Картер шагнуть не побоялся.

— Хаук приходил. Он убил всех, включая Саймона, и мы... — Он запнулся, будто слова, которые хотел произнести, застряли в горле. — И нам сказал, что вернется. Поэтому я прошу защиты в вашем доме. Для себя и своей жены.

На меня посмотрел, будто ища... Чего? Поддержки?

— Нет, — твердо ответил Эрик.

— Пожалуйста...

Лили выглядела жалкой. Осунулась. Некогда гладкий лоб прочертили три глубокие борозды. Тени под глазами пролегли. Прическа, всегда аккуратно уложенная, превратилась в паклю. А взгляд был заискивающим, умоляющим.

— Полина...

Я не держала на них зла. Все же Саймон был их ребенком, а ради ребенка мы способны на многое. Однако серый осадок в душе всколотился. Вспомнился взгляд Барта — затуманенный болью, однако полный решительности. Теплая, липкая кровь, застывающая на ладонях коркой. Страх в коленях, когда они не держат больше, подгибаются.

Они не виноваты, прямо не виноваты, но... Простить?

— Нет, — безапелляционно повторил Эрик.

— Я ручаюсь за них.

Дэн был спокоен. Уверен в себе. И не отвел взгляда, когда Эрик метнул в него своим — злым, непонимающим.

— Сольвейги здесь, — добавил он, видимо, для пущей убедительности. — И они помогут, в случае чего. А ты знаешь, насколько сильны сольвейги.

Эрик шумно выдохнул, кивнул.

— Рик и Лили под нашей защитой.

И они остались. Наверное, Эрик уважал Дэна больше, чем их — ненавидел. Да и ненавидел ли? Скорее, презирал. И, я уверена, в ответственный момент, вождь андвари и его жена — последние, кого он бросится спасать.

Впрочем, впечатление об их приходе затерлось уже вечером.

Закат был особенно красочным. Персиковые разводы на горизонте, лиловое небо. Звезды отчего-то низкие, крупные — казалось, протянешь руку, и зажмешь в ладони. Воздух свежий, ветерок колышет занавески на окне.

Почти все балкончики на втором этаже оплетены диким виноградом. Он вполз по стенам, опутал пузатую решетку, зацепился тонкими пальцами-лозами за перила, словно хотел проникнуть в комнату, но так и застыл пойманным с поличным вором.

Осмелевшие лозы гибко зацепились за выпуклые, каменные колонны и, вскарабкавшись, свисали с потолка жесткой бахромой.

На крыльце монотонно переговаривались домочадцы. Мангал вытащили, жарили сосиски, и их запах поднимался вверх, манил.

Внизу смеялись. И я растворилась в этой идиллии — счастье почти, спокойствию, нависшем над домом.

Занавеска за спиной шелохнулась, и балкон впустил Эрика.

Он был большим для узкой площадки, и места сразу стало меньше. Но я любила, когда Эрик занимал место рядом со мной.

— Думаю, пора, — сказал он тихо и, когда я подняла на него взгляд, добавил: — Найдем Гарди.

Сердце замерло. Показалось, ухнуло вниз. А затем подпрыгнуло и понеслось галопом у самого горла. Показалось. Сердце не умеет прыгать и носиться галопом. Впрочем, другие виды бега ему тоже недоступны.

— Когда? — вопрос вышел сухим и каким-то официальным. Слишком официальным, если учесть, что все это значит для нас.

«Мы» еще остались? Или же это отголоски, инерция той близости, которую ни мне, ни Эрику терять не хотелось?

— Завтра.

— Так... скоро?

Эрик пожал плечами.

— Мы знаем, где он. Не вижу смысла ждать. К тому же, послание Хаука может быть лживым. Кто знает, когда охотник придет к нам на самом деле.

— Завтра, — повторила я знакомое слово. Слово горчило. Кололось. И, вырвавшись на свободу, напугало. Я думала, что это будет проще всего — поделиться кеном, наполнить пустую, ссохшуюся жилу ясновидца, подарить ему еще один шанс. И отобрать — у себя. — Хорошо, пусть будет завтра...

Эрик вздохнул. Он, наверное, тоже понимал, что завтра для нас снова все изменится. Нет, прочная граница перемирия не треснет — нельзя нам сейчас отменять перемирия. Изменится нечто иное, глубокое, и оттого сердце так сильно бьется. Тоже чувствует. Боится. Не желает ничего менять.

Однако, поздно...

Теплая ладонь, шершавая немного. Она скользит по щеке, и от нее ползут искры удовольствия, впитываются в кожу карамельными каплями. Я непроизвольно жмурюсь, пытаюсь запомнить, высечь в памяти этот момент. Наверное, такого у нас уже не будет никогда. И если так, то...

— Обними меня.

Слова вырываются сами. Горячие — они обжигают гортань. И в груди тоже горячо. Наверное, если бы не эти слова, она вспыхнула бы, взорвалась, выворачивая меня наизнанку.

Неправильно все. И я не знаю, как все исправить.

Страшно было ровно две секунды. Что он отвернется, уйдет или же просто продолжит стоять, не отреагировав на просьбу. Но Эрик меня обнял. И я его — вцепилась в свитер, будто пыталась сорвать его прямо там, на балконе. Прижаться. Ощутить жар его кожи.

Горячее дыхание опалило висок. И голос ласковый успокоил:

— Все будет хорошо, малыш.

Давно он меня так не называл. И... наверное, в последний раз. Оттого и плакать хочется. Выть даже — от боли, от отчаяния, ведь если это последние дни в жизни, почему бы им не быть счастливыми?

Эрик отстранил меня, заглянул в глаза. В его взгляде не было злости, обиды, только нежность. Как раньше.

— Твой кен... Тебе может не хватить. Гарди очень сильный, и жила его вмещает намного больше, чем жила Лидии. Я поговорил с Даниилом — он поможет. Поделится.

— Хорошо.

— А еще, насколько мне известно, тебе понадобится...

— Не продолжай! — оборвала я резко. Грубо даже, и Эрик вправе был обидеться, но он не стал. Кивнул только и посмотрел на небо. Так мы и стояли, пока окончательно не

стемнело. Я — в кольце его рук, будто в коконе, и он — задумчивый, отстраненный и уже почти не мой.

Почти. Но мне и этого хватило.

Жаль, что в апреле темнеет быстро.

Эрик расцепил объятия, поцеловал меня в лоб и молча вышел. Пусто стало. И камень в груди, но к камню я привыкла, с камнем в груди можно жить, ведь, как и сердечные скачки, он ненастоящий, выдуманный.

В отличие от того, кто ждал меня в комнате. Он притаился в полумраке, и тени ластились к его ногам. И мне показалось, что он сам — выходец из сумрачного мира. Темного, жестокого, наполненного агнстом. Я тоже там жила когда-то. Думала, что тот мир — единственно-правильный для меня. Пока не выбралась на свет.

— Готова?

Воздух вокруг него дрожит, и по нему медленно струится яд. Яд наполняет комнату, стелется по полу, вползает в паркетные стыки. А во мне просыпается белая ярость. Она приводит в тонус мышцы, рождает шум в ушах. Злость — не лучший помощник.

— Не здесь. — Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не закричать. Прикусываю губу и решительно шагаю к выходу.

Он поворачивает за мной — беззвучной тенью, призраком, и в походке его мне видится нечто демоническое.

Сейчас он снова отравит меня. Оживит воспоминания, которые я похоронила. Сделает меня слабой, податливой, готовой ступить за черту. Это не те качества, которыми следует гордиться.

Мне плевать. Святость этой комнаты я не оскверню.

Глава 14. Предсказания

В комнате было душно. Темно. И запах приторных женских духов дурманил голову. Ваниль. Жасмин. Гвоздика.

У меня вспотели ладони, и, когда Влад зажег свет, я спрятала их за спину.

— Открой окно, — попросила тихо. Смотреть на него боялась. Говорить тоже боялась, но молчание — не выход и... Поскорее бы покончить с этим! Уйти.

Стыд, раздражение, обида — эмоции смешались во мне, взболтались, перетекли друг в друга так, что не отличишь. Не было предвкушения. Не было привычной, такой знакомой дрожи, смущения, желанья вперемешку со страхом. Была решимость. Еще усталость. Она давила на плечи неподъемным грузом навалившихся проблем. А на коже все еще горели отпечатки прикосновений Эрика...

Щелкнула ручка на балконной двери, шевельнулись темно-серые занавески, и в комнату вползла ночь. Заструилась по полу, обволакивая лодыжки прохладой, принося некоторое облегчение.

— В этот раз придется немного больше потрудиться, — сказал Влад, и в голосе не было привычной насмешки.

Я безразлично кивнула, села на кровать. Пурпурно-алое покрывало, стеганный атлас маленьких подушек. Пушистый коврик у кровати, в котором утопают ноги по самую щиколотку. На туалетном столике расческа, в ней запуталось несколько темных волосинок. Рядом склянки с кремами, бутылочки, хаотично разбросанная косметика. А из зеркала на меня смотрела испуганная девица с побелевшими от страха губами.

— Поля...

Ладонь скользнула по плечу вверх, несильно сжимая.

— Я не хочу! — выпалила я и отодвинулась. Замереть в душных объятиях — последнее, чего мне хотелось. И если те, на балконе, дарили успокоение, эти еще больше злили. — Не хочу с тобой меняться.

— Иначе мы не вылечим Гарди, — ласково, будто говорил с ребенком, сказал Влад.

— Знаю. Потому я пришла. Но все равно не хочу.

— Бывает, — усмехнулся он. — Но умирать все же противнее, чем со мной меняться.

Резонно, даже спорить не тянет. Тянет к подушке — одной из тех, атласных. Или, на худой конец, тех, что спрятаны под покрывалом. Вздрыбились на кровати холмами, и свет люстры стекает с них, будто ручей с горки.

— Сделаем это быстро.

Голос Влада был глухим и непроницаемым, будто, когда он говорил, невидимый фильтр вывел из слов все чувства, и слова вышли в мир чистыми, дистиллированными. Пустыми.

И я так же пусто кивнула, соглашаясь...

...В подвале было сыро. Гулко. И, что немаловажно, безлюдно. Не помню, почему мне захотелось спуститься туда — несмотря на мрачные рассказы Даши, желанья поглядеть на пыточную Эрика не возникало. До сегодня.

Меня штормило, и перед глазами бегали мошки. А еще жар — жила горела, переплавляя заемный кен, смешивая с кеном сольвейга и превращая в лекарство для ясновидцев. И вокруг пахло ванилью, несмотря на сырость и затхлость этого места. Наверное, я и сама сейчас вся

ею пропахла — столько Влад не давал мне никогда. Столько его в себе я никогда не хранила, и, наверное, раньше была бы рада такому подарку...

Раньше. Теперь хотелось спрятаться, зарыться поглубже и не попадаться на глаза Эрику. Сегодняшний обмен осел на душе слоем нового предательства. Странно, ведь у меня даже желания не возникло, даже мысли, а чувствовала себя так, будто снова не сдержалась.

В горле пересохло, но на кухню я идти не посмела. Прошмыгнула мимо и отворила дубовую дверь, которая противно скрипнула, возмущаясь вторжением.

Шаги по лестнице откликались гулким эхом. И непривычная тишина окутывала, обнимала. Темно было, лишь из небольшого окошка под потолком с улицы сочился свет фонарей. Камень на стенах был шершавым, холодным, а ступени поскрипывали под ступнями. Старый дом. Он будто ожил, напитался кеном за несколько столетий. Дышал. И в подвале это дыхание слышалось явно.

Свет от телефона, которым я освещала дорогу, помогал разглядеть мрачную обстановку этого места. Высокий потолок, и в углу с него спускается цепь почти до самого пола. На бетонном пятачке — коричневые пятна. Видно, впиталась, просочилась в трещины чья-то кровь. Казалось, даже воздух пахнет кровью — сладкий, дурманящий аромат.

Стена напротив обшита деревом, утыкана металлическими штырями. Напротив — массивный деревянный стол, покрытый полосами глубоких порезов. Они были шершавыми на ощупь, скалились мелкими щепками.

С другой стороны стола — широкая лавка, а у стены — металлический стул с ручками на подлокотниках. О том, что все это оборудовал Эрик, думалось легко. И страшно не было, в груди только щемило. Я представляла его тут, злого, несчастного, запутавшегося.

Сильным людям сложнее всего — от них ждут подвигов и не прощают ошибок. И лишь близкие видят их такими, какие они есть. Несовершенными. Не богами.

Я присела на лавку, устроила локти на столе и уткнулась лицом в ладони. Устала. И переполненная кеном жила распирала изнутри.

Не верилось, что завтра мы увидим Гарди. И Лив с огромными черными глазами. Я отдам ей нож и тогда...

— Здесь сыро, простудишься.

От неожиданности я вздрогнула. Обернулась.

Она застыла бледной тенью на лестнице — призраком в подzemелье, которое не любило непрошенных гостей. Белая туника, расклешенные светлые брюки и волосы темным полотном по плечам. Кожа бледная, и в свете, льющемся из окна, вся ее фигура смотрелась готично.

— Пыльно к тому же, — согласилась я, наблюдая, как Ира спускается ко мне. — Заброшенный угол дома.

— Потому ты здесь.

Вопроса не прозвучало, и отвечать я не торопилась. Смотрела, как полы ее брюк подметают пол. От нее пахло сладко — жасмин и гвоздика, что, в принципе, логично, но...

Грудь сдавило еще больше. И я пожалела о том, что она меня нашла.

Ира умела так смотреть. Ее взгляд давил, напирал, требовал раскрыться. Обнажить правду, и ее — голую — разрешить препарировать. В прошлом правительница, она умела приказывать взглядом. И вся моя суть сейчас бунтовала против ее приказов.

— У меня нет дара предвидения, — произнесла она тихо. Ее взгляды скользили по мне, будто оглаживая, щупая на предмет возможных изъянов. — Но даже я чувствую это...

— Это?

— Смерть. Будто она бродит вокруг дома, выжидая.

Чего? Или правильнее спросить, кого?

— Эрик с Гектором позаботятся о защите.

— Бога ради, Полина, он все равно войдет! — почти выкрикнула Ира, и слова эхом отрикоштели от стен. Здесь, в пустынной задумчивости, заброшенности этого места, в ее голосе слышалось явное отчаяние. И словно ощутив его кожей, она прошептала: — Он войдет, и тогда... Что мы будем делать тогда?

Умирать?

— Драться.

Это слово было сухим. Шелестящим, как оберточная бумага, как осенняя листва под подошвой ботинок. Оно царапнуло губы острыми краями.

— Вылечи его, — выдохнула Ира со злостью. — Вылечи чертового ясновидца!

Странно, но жила откликнулась на эти слова, натянулась, выплеснув в вены порцию ванильного кена. Значит ли это, что мы теперь связаны иначе, чем раньше? Значит ли это, что связь стала сильнее, глубже?

Ира еще несколько минут постояла молча, не глядя на меня и, казалось, забыв вовсе, что я нахожусь вместе с ней в мрачном, темном подвале дома скади. А потом ушла бесшумно, едва заметной тенью скользнув по лестнице. Чуть позже ушла и я — поднялась наверх и уснула на небольшом диванчике, рядом с кроватью Алана.

Утром я проснулась в своей постели, и меня уже ждал Дэн. Стоял у окна, сложив руки за спиной, а когда почувствовал, что я не сплю, обернулся.

— Готова к свершениям?

Он пытался шутить, но на его лице плотной маской лежала тень тревоги. Сольвейги — отличные эмпааты, и тревога эта тут же передалась мне. Невысказанные вопросы стервятниками кружили в воздухе.

Получится ли у меня? Хватит ли кена на Первого? И что случится, если хватит? Согласится ли Гарди помогать нам? А Лив?

Я рассеянно кивнула, понимая, что ответов не найду до тех пор, как...

Кен Дэна был тяжелым. Пряным. Лайм и жгучий перец — от него горчило во рту, и жила вскипала, будто отторгая. Чувство наполненности настолько вскружило голову, что я растерялась. Перед глазами плыло, и ноги стали ватными настолько, что я едва их передвигала. Спускаться по лестнице мне помогал Дэн.

Мир вдруг стал ярче. Насыщеннее. Краски сгустились, зрение обрело невиданную ранее четкость, слух мог различить любой шорох, шепоток, шарканье ног. Запахи опьяняли — я могла на расстоянии нескольких метров узнать хищного по аромату его кена.

Корица. Кардамон. Мед. Лимон. Ваниль.

Карамель...

Запахи смешались в коктейль, и этот коктейль дурманил, сводил с ума.

Словно мир обрушился на меня, подобно ведру холодной воды. Опьянил. Я чувствовала себя везде и нигде одновременно. Растворенной в воздухе смесью. Цепочкой чужих мыслей. Всеобщим страхом и всеобщей же надеждой.

Я ловила взгляды людей, обращенные к другим людям, и могла объяснить каждый такой взгляд.

Сожаление в глазах Риты при взгляде на Филиппа. Нежность в глазах Глеба, когда он

шептался о чем-то с Никой. Тепло Лидии, обволакивающее Гектора подобно уютному пледу. Тревога Дэна за сольвейгов.

Ревность Иры — она жгла мне спину, пробирала до костей, кололась злым ежиком под кожей. Реальная, осязаемая боль Даши. Защитница стояла у окна и буравила взглядом Влада, который говорил о чем-то с Эльвирой. Жгучий интерес Богдана.

От чужих эмоций потемнело в глазах, и я сильнее сжала руку Дэна, стараясь не упасть.

— Порядок? — Его вопрос я услышала будто сквозь вату и рассеянно кивнула. — Осталось потерпеть совсем чуть-чуть.

Забота. Страх... за меня?

Люсия обняла меня сзади, и стало легче.

— Все быть хорошо, — уверила она меня.

— Непременно, — улыбнулась я и переплела наши пальцы. Так же были всегда переплетены наши души. От нее пахло яблоками и полевыми цветами. Солнечная моя, светлая девочка. Моя тропинка, выход из тьмы, связь с сольвейгами. Если она уверена, что у меня получится, как я могу подвести?

— Не бояться. — Горячий шепот опалил ухо, сполз по шее приятным теплом. Тепло поселилось в груди, забило вместе с сердцем. — Я видеть тебя на песок, у вода. Чувствовать счастье. Слышать мысли... Все быть хорошо.

Ее хотелось слушать. Она — единственная, кто верит в лучшее. И единственная, кто никогда не ошибался, когда говорил обо мне. Люсия видела мою судьбу. Может, ей являлся в видениях мой личный рай? Тот самый, который являлся мне самой? Хельза, теплый песок, темная гладь озера. Барт. И если так, то, возможно, после смерти я его увижу...

— Странно, — вернул меня из задумчивости голос Дэна, — они ведут себя. Не находишь?

— Сейчас все ведут себя странно.

Когда Даша ответила, я поняла, что вопрос предназначался не мне. Люсия куда-то делась — спину больше не согревало ее спокойное тепло. Я была далеко и одновременно внутри каждой молекулы этой комнаты. Звуки парили над головой, впивались в мозг, каждое движение сопровождалось звоном в ушах. Поэтому я не сразу поняла, о чем они.

Люди вокруг. Гул невообразимый — разговоры, образы, запахи, мысли. Все смешалось в клубок, спуталось, хлынуло в сознание, переполняя. Я проследила за взглядом Дэна.

Роб у окна. Лара что-то шепчет ему на ухо, а он не шевелится. Альфред читает книгу в нескольких шагах от них. Он прислонился к стене и делает вид, что его не трогает суэта. Элен заботливо стирает пыль с широких листьев монстеры.

Чуть левее — Эрик и Влад говорят о чем-то...

— Твой брат ведь не... — Дэн замолчал, будто ожидая, что Даша и сама все поймет.

— Нет, — упрямо покачала она головой. — Эрик не станет бить в спину.

— Хорошо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дэн не поверил. Это слышалось в тоне его голоса, во взгляде, отведенном в сторону и то и дело возвращающегося...

Эрик и Влад. Эрик говорит, Влад сосредоточенно кивает и вставляет редкие реплики. Соглашается с ним?

Это смотрится так неестественно. Странно, и странность пугает меня.

О чем они говорят?

— Побудь с ней, — обеспокоенно бросил Дэн и оставил меня с Дашей. Она, в свою очередь, вздохнула и покосилась на охотника. Богдан, ни капли не стесняясь, ей подмигнул, и Даша покраснела.

— Думаешь, если вы вылечите Гарди, Хаук уйдет? — спросила защитница, не глядя мне в глаза и ковыряя носком туфли паркет.

— Надеюсь, что уйдет, — искренне ответила я.

Она кивнула. Помолчала немного и добавила:

— Я рада.

Лицо у нее при этом было таким кислым, так и искрилось пресловутой «радостью». Аура полыхала раздражением, интересом и стыдом одновременно. Сногсшибательный коктейль.

— По тебе не скажешь, — заметила я.

— Война, — пожалала она плечами. В глаза смотреть все так же избегала, полировала взглядом перила лестницы и затоптанный темный ковер, который не рассчитывал на такое количество гостей. За эти несколько месяцев он истерся, ворса прохудилась, а цвет потерял былую яркость.

— Война или... Эльвира?

— При чем тут... — Даша вскинулась, и меня окатило ее злостью, как из душа. — Что она тебе наговорила?

— Ничего. Я вообще не разговаривала с Элей. Эрик сказал.

Она шумно выдохнула и полыхнула яростью.

— Эрик лезет не в свое дело!

— Это не его дело, — согласилась я. — Только твое и Влада.

— Только мое, — поправила она. — И все. Не вздумай ему сказать, поняла?

— Даже в мыслях не было. Только тебе самой станет легче, если скажешь. По крайней мере, он при тебе не станет... вести себя, как козел. Ты — одна из тех, кто ему по-настоящему близок.

— Забудь, — отмахнулась она. — Меня это уже не волнует.

Ложь. И я бы распознала ее, даже не будь во мне столько кена. Впрочем, любопытство иногда просыпается и во мне, а играть в игры за столько лет я научилась прекрасно.

Разговор с Дашей отвлекал от предстоящего действия, помогал расслабиться. Да и ее давно пора расшевелить.

— Вот как? — усмехнулась я. — Из-за Богдана?

Даша нахмурилась и тряхнула головой.

— Ты слишком много замечаешь.

— Побочные эффекты от избытка кена. Мне кажется, жила вот-вот взорвется, а с ней и голова. А Богдану ты нравишься — это сразу видно.

— Он ненавидит нас всех и не скрывает этого, — скривилась Даша.

— Тебя не ненавидит.

Ненависти там и правда не было. Была другая эмоция, но на ненависть она была похожа мало. Надеюсь, сегодня вечером я смогу отдохнуть от чужих переживаний — своих предостаточно, и с ними смириться.

— Неважно, — тускло прокомментировала Даша. — Если не сработает с Гарди, мы все умрем.

Если не сработает с Гарди, у меня есть план «Б». Барт редко ошибался, и в этот раз, я

уверена, продумал все до мелочей.

Я мысленно повторила пассы, которые ставят печать.

Захотелось тепла. Поддержки. Пусть невольной, от человека, который далек от интриг и хитроумных планов. Рука сама потянулась к Даше. У нее была мягкая ладонь. Тонкие пальцы, унизанные перстнями. Аккуратно подстриженные ногти, тронутые лаком телесного цвета.

— Мы каждый день рискуем умереть, Даша. Неважно, кто нам угрожает: армия охотников, сбрендивший колдун, драугр или же Первые. Именно потому нужно уметь отпускать себя. И делать то, что хочется. — Я поймала взгляд Эрика — серьезный и глубокий — и добавила: — Хоть иногда...

...Дорога вилась лентой. Зеленели свежей травой газоны, бурыми мрачными кучами у дворов лежали прошлогодние листья. Хозяева трудились в палисадниках, орудуя граблями и лопатами. Покрывались свежей краской низкие заборчики, окучивались клумбы, на крышах пухлыми булками сушились подушки.

Медленно, плавно просыпалась жизнь. Весна питала ее. Впитывалась в землю зимняя влага, и земля благодарно делилась с миром зеленью. Яркое светило солнце, нежились на голубом полотне неба полупрозрачные облака.

В машине нас было четверо — я, Эрик, Богдан и Глеб. Эрик за рулем, я рядом. Богдан с Глебом на заднем сиденье. В воздухе повисло неприятное молчание, от Эрика исходили сильные волны раздражения. Его пальцы вцепились в руль и побелели, а губы сжались в тонкую линию.

Эрик ненавидел Богдана. Впрочем, тот отвечал ему взаимностью — охотник всю дорогу просидел, отвернувшись к окну.

С нами ехали еще две машины. Влад с Мирославом, Дэном и Алексом в одной. В другой — Роберт с Дашей и Гектором. Эрик не доверял Богдану, потому мы взяли с собой страховку.

Город встретил нас суетой. Грязными улицами, цветущими абрикосами и запахом древесной смолы. Давно я не была в Липецке — казалось, вся жизнь прошла в старинном доме скади, окруженном деревьями и тишиной. Скрытая мороком усадьба... И я будто выпала из жизни, и вот она хлынула в меня звуками сигнализаций, гулом голосов, ревом моторов и цоканьем каблучков о тротуары.

Квартира, в которой, по словам Богдана, скрывались Лив и Гарди, находилась в центре. Запруженная улица выпустила нас неохотно — мы простояли в пробке на светофоре минут пятнадцать, прежде чем свернули в нужный двор. Час пик даже в небольших городах отнимает время.

Подъезд был грязен и явно требовал ремонта — обшарпанные стены, краска на которых выцвела и потускнела, затянутые паутиной и пылью потолки, сальные перила и запах старости, вывести который поможет лишь капитальный ремонт.

Третий этаж, а до него — молчание, лишь шаркающие по лестнице шаги нарушают тишину. Напряжение такое, что от него в ушах звенит. С каждым шагом волнение усиливается, давит изнутри черепной коробки, и пульсом отдается в висках. Взгляды — настороженные, пугливые, и среди них глубокие взгляды Эрика особенно различимы. Он смотрит не на меня — в меня, проникает под кожу, расплывается там, впитывается в кровь. На него откликается жила. Странно, во мне ни капли его кена — тот, что оставался, давно использован, вместо него в венах бродит ваниль. А все же именно на Эрика такая реакция,

что от каждого прикосновения хочется вскрикнуть.

Мимолетное, будто бы случайное касание к пальцам. Электричество. Я вздрагиваю, а он щурится, высматривает во мне...

Что?

— Пришли.

Богдан лязгнул ключами, толкнул дверь, впуская нас...

Узкий коридор. Обои старые, затертые. Слева на полу — дырка в линолеуме. Треснувшее зеркало в деревянной оправе, тапки со стоптанными задниками. Шорох в комнате, метнувшаяся ко входу тень.

Распахнутые темные глаза, в которых хочется утонуть. И мне кажется, все, кроме Богдана готовы были утонуть, только смятение из глаз ушло, и они угрожающе сощурились, а поза девушки кричала о том, что она готова нападать.

Невысокая. Стройная, с присущими женскому телу прелестями — тонкая талия, широкие бедра, высокая грудь. Красивая, пожалуй. Смуглая чересчур, и лицо слегка треугольное — так, что скулы четко выделяются и глаза кажутся больше. Высокий лоб. И взгляд дикий, отчаянный.

— Херсир... — шепнула она и отступила к стене.

— Эрик, — поправила я и зачем-то придвинулась ближе к нему, будто желая защитить.

Лив смотрела на него так, будто готовилась съесть. Целиком, с одеждой. С кожей и волосами, которые спутались, потому что он открыл окно, когда ехал, а скорость любил приличную. И мне захотелось сделать что-то, чтобы она поняла: он мой. Чтобы все поняли...

Я не сделала. Не испугалась, нет. Просто лгать было бы глупо. Он не мой. А если и было что-то, то это в прошлом. И мы тут не затем.

Эрик тоже на нее смотрел. Испытывающе, жадно. Так охотники смотрят на добычу. Так он когда-то смотрел на меня.

Грудь опалило дикой, почти не контролируемой ревностью, на которую я не имела права.

— Не нужно было приходиться, — обреченно выдохнула она, влипла в стену спиной и прикрыла глаза. вышло почти театрально. — Хаук...

— Придет в мае, — перебил Богдан и протиснулся мимо нее в комнату. — Всем это известно. Где твой протеже?

— Мой... кто? — растерянно переспросила она.

— Гарди, — хрипло уточнил Эрик и шагнул мимо меня. К ней.

...Скользнул, едва касаясь ее рукавом, в комнату. Щелкнул выключатель, обливая правый бок Лив теплым желтым светом.

— Ну привет, провидец.

Голос дрогнул. И будто всколыхнулось мутным осадком прошлое. Мягкий снег на плечах. Нависшие над головой кроны деревьев. Кровь. Красное на белом. Злость и бессилие во взгляде. Разочарование.

— Неправильные настройки. Канал сбился. Не то передают.

Голос Гарди высок и скрипуч, хочется зажать уши, чтобы не слушать. Не вспоминать... Но я одергиваю себя. Мы тут именно ради него. Из-за него. Придется потерпеть, тем более, недолго осталось.

— Ничего, сейчас настроим мы твой канал, — жестко ответил Эрик, и Лив

нахмурилась.

— Ты не... ты не Херсир!

Наконец-то дошло!

Мимо меня шагали люди. Входили, не разуваясь, в святая святых, чтобы посмотреть на того, кого скрывала комната с потускневшими от времени обоями. Легенда... Жалкий, пугливый, не способный мыслить ясновидец. И он — Первый? Сильнейший из всех? И если это так, то как мы выстоим с такими союзниками?

— Поля? — Я подняла глаза. Сфокусироваться получилось не сразу, мир расплывался бесформенной кляксой, реальность теряла очертания. Но ванильный кен внезапно вспыхнул, полыхнула жила, и стало легче дышать. — В порядке?

Мы в коридоре одни. Я и Влад. Остальные там, в комнате, Лив говорит что-то скороговоркой, и голос ее срывается на крик. Она спорит с Богданом, доказывает ему... Что?

— Давай помогу, — участливо предложил Влад.

— Я... Нет, я сама. — Получилось выдавить из себя подобие улыбки. — Все нормально.

Он тоже улыбнулся и кивнул. Пропустил меня вперед, будто страхуя, и я не могла вспомнить ни одного момента в своей жизни, когда бы он меня не страховал.

Комната была просторной и почти не содержала мебели. Низкий комод, раскинутый диван-книжка, на котором ворохом были брошены подушки. Ковер, прибитый к стене. Второй — полуистертый — застилает пол. На подоконнике, который почти скрыт тяжелой, непрозрачной шторой — увядшая герань. Стул, закиданный смятой одеждой.

За ним испуганно притаился Гарди, зажимая в руках пожелтевшую от времени газету. Лив застыла у окна и разъяренно сверкала на Богдана глазами.

— Я поверила тебе! — выдохнула почти жалостливо. — Ты сказал, поможешь...

— Я и помогаю, — попытался вразумить ее Богдан.

— Врешь! — выкрикнула она, и Богдана будто бы опутало темной сетью ее силы. Я видела вихри в воздухе. Темные клочки кена, впивающиеся в охотника иголками. Он согнулся пополам и поднял руки, стараясь защититься, но кто он и кто она? Молодой охотник и Первая... Бессмертная женщина, возможно, потерявшая рассудок.

Кажется, вскрикнула Даша. Влад позади меня напрягся, готовый драться. Прищурился Эрик. Нет, спасти охотника не входило в его планы, однако кто знает, что взбредет этой женщине в следующую секунду.

Громко, истошно закричал Гарди. Выронил газету, всхлипнул и... завыл. Ей богу, он завыл так, как волки воют на луну.

— Довольно! — жестко оборвал их Эрик. Шагнул к Лив, по-хозяйски взял за плечи, будто она была не древней хищной, а истеричной скади, которую ему предстояло успокоить. Встряхнул. — Прекрати.

Он обернулся к Гарди и строго добавил:

— И ты тоже.

Странно, но ясновидец послушался. Схватил оброненную газету и принялся рвать ее на мелкие кусочки. Медленно. Педантично. Они плавно опускались на пол и образовывали у его ног уродливую кучу. И мне захотелось его стукнуть, чтобы перестал, чтобы не...

Гарди зырнул на меня, будто мысли прочитал. А Влад положил руку мне на плечо.

— Мы здесь, чтобы помочь, — доверительно сообщил Эрик Лив. — Чтобы попытаться его вылечить.

— Его нельзя вылечить! — выплюнула она остатки зарождающейся истерики. —

Думаешь, я не пыталась?

— Ты бы не смогла, — сказала я и шагнула к ним. — Вот Гуди смог бы, если бы Херсир дал ему кена. И тогда все закончилось бы много тысячелетий назад.

— Откуда ты знаешь о Гуди? — испуганно спросила она, отступая, вырываясь из рук Эрика. И это принесло мне облегчение. Пусть небольшое, но все же.

Она пугала меня. Маленькая, пропитанная страхом женщина, по телу которой волнами ходила дрожь. Она должна убить Хаука? Seriously? Да у Риты больше мужества, чем у нее! И тем не менее, я боялась. Ауры ее кена — сладкого, медового. Плавности движений. Того, как Эрик на нее смотрел.

— Гуди — первый сольвейг. И покровитель остальных сольвейгов.

— Ты... — Она вздохнула, присела на подоконник.

— Да, — кивнула я. — И я постараюсь помочь Гарди. Ради всех нас. Ради того, чтобы Хаук ушел.

— Он не уйдет, — помотала она головой. — Я видела его. Он никогда не отступит.

— Хаук пришел как расплата для Херсира, — мягко сказал Эрик и посмотрел на меня. Его взгляд был глубок, и, казалось, я на секунду увидела того, кто живет в нем. Того, кого мой Эрик боялся выпустить. Когда был еще моим Эриком... — За то, что выпил Гарди. Если Гарди выздоровеет, Херсира не нужно будет наказывать.

— Он просил найти тебя, — добавила я. — Он просил отдать...

— Вот. — Эрик вытащил из ножен и протянул ей клинок, а она взяла его трясущейся рукой, сжала изрезанную рунами рукоять. — Это твое.

Лив смотрела на него долго, пристально, с долей недоверчивости, словно увидела призрака, но в призраков не верила. В комнате сгустилось напряжение, древний кен окружал ее ореолом тьмы — тьма накрыла плащом, вилась, клубилась вокруг хрупкой фигуры, и отдельные ее клочки отрываясь, будто собирались вырваться. Однако возвращались. Вливались обратно, проникали в общий полог, и отрывались уже другие. Смотрелось жутко. И мне подумалось, что кен Лив чем-то похож на кен Герды. Такой же темный, подавляющий... Гнилой?

— Он касался его, — прошептала она с благоговением. — Херсир велел вам прийти, да?

— Херсир не станет в этом участвовать, — с уверенностью ответила я. — Но ты сама должна понимать: Хаука нужно остановить. — Помолчала немного и проникновенно добавила: — Иначе он убьет Херсира...

Слова иногда обладают волшебным действием, особенно когда достигают тех самых участков мозга, которые отвечают за наши страхи. Она вскинулась, посмотрела на меня воинственно и кивнула.

— Нет-нет-нет, — помотал головой Гарди. — Ты не можешь им позволить. Они влезут в меня, наденут мою кожу, а ты будешь смотреть. Тебе нравится меня мучить, да?! — взвизгнул он и влип в стену.

— Ну хватит! — мрачно резюмировал Эрик и шагнул к Гарди. Грубо схватил ясновидца за плечи, вытолкнул в центр комнаты. — Покончим с этим уже.

Воздух вокруг него полыхнул оранжево-красными всполохами, и я внезапно поняла, что не хочу этого видеть. Знать. Термоядерная смесь кена: моего, Барта, Дэна и Влада — делала меня чем-то иным, трансформировала в нечто, чем я быть не хотела. Я — просто Полина. Пророчица. Сольвейг.

Не мессия.

Повторяла это, как мантру, когда подходила к Гарди, и меня жег отчаянный почти взгляд мужа. Мужа ли? Кто мы? Где оказались? И куда придем в итоге?

Слева Лив шептала молитвы на древнем языке ар. Странно, но я понимала его — каждое чертово слово! Богов нет, милочка, они тебя не услышат. Все, что от них осталось — пустой мир, наполненный знаниями. Этот мир отчего-то называли каном...

— Ему это не понравится, — серьезно предупредил меня Гарди, когда я задрала ему рубашку. Вырваться он не пытался, лишь смотрел — торжествующе, с победным блеском в глазах. — Ты умрешь, определенно. Нет, я почти точно знаю.

Стукнула створка окна, потянув за собой штору, повеяло холодом, кто-то невдалеке охнул, а я...

Темно. Тучи над головой — свинцовые, низкие. Они опасно нависли, готовые обрушить небо мне на голову. Темное озеро беспокойно, оно бушует, накатывает волны на берег, на котором даже песок потемнел. Нет, он потемнел не оттого... Кровь, куда глазом не поведи. Песок впитал ее, вскормился и, казалось, берег ожил, дышит под ногами, требуя еще. Требуя мою.

Справа мелькает тень. Вспышка молнии, и я вижу отблеск металла в испачканной кровью руке...

— Эрик! — вырывается само, против воли. Как призыв, как просьба защитить.

— Эрик! — это уже из реальности. Настойчивый голос, не просьба — приказ. Шутка, что ли? Кто осмелился приказывать Эрику? — Она не справится, слышишь? Решай уже!

Моя рука все еще лежала на животе у Гарди, в ушах шумело, перед глазами плыло. Нестерпимо болел живот — жила противилась, отдавая последние крохи ванильного кена. Жила же Гарди все еще была пуста... Изувечена. Бездонный колодец, который мне не наполнить. Глупо было надеяться. Возомнила себя всесильной, способной излечить Первого. Он древний, а я — всего лишь я. Полина. Пророчица. Сольвейг.

И вот жила Гарди пытается меня поглотить. Она тянула кен, требовала еще, кололась осколками страшных видений.

Вода. Грязь. Раскинувшие руки, замершие в неестественных позах тела в этой грязи.

Пожалуйста, не показывай, я не хочу знать!

— Эрик! — полувскрик-полутребование. Дэн злился, его пальцы стискивали мои плечи, будто стараясь удержать в реальности. И мне подумалось, что только он меня и держит. И если у него не выйдет, если сорвусь, то навеки останусь в мире кошмаров Первого. Единственная хищная, которую свел с ума ясновидец.

— К черту! Сделайте это, — угрюмо согласился Эрик, и голос у него был наполнен темной карамельной патокой. Горечь. Тоска. Злость.

В нем живет тьма.

Так сказал мне Барт однажды. Живет, ну и пусть. Свет не так уж привлекателен. А еще — опасен.

Это я успела подумать на краю сознания. Тьма, шипя, подтянулась к ногам, обняла лодыжки. Не стоит сопротивляться. Просто... отпусти.

А потом меня вяли за руку, и в вены хлынула ваниль. Она текла в меня, сквозь меня, смешиваясь с моим собственным кеном, а потом передавалась в жилу Гарди. Секунда за секундой. И жила Гарди благодарно принимала эту ваниль. Стягивались рубцы, заживали язвы. Билось внутри него горячее, живое.

Я откинула голову назад и расхохоталась.

Сердце стучало, словно стараясь вырваться на волю, взломать ребра, вывернуть грудину. Выпорхнуть птицей — в небо, наливающееся свинцом. Вспороть низкие, вязкие тучи. Наполниться влагой небес, как кровью.

Шум в ушах стал невыносимым, виски стиснуло, по рукам от кистей до плеч пошли судороги. Кости ломало, выкручивало, и я, застонав, опустилась прямо на пол.

Меня тут же подняли, усадили на стул, предварительно сбросив с него тряпье. Укрыли пледом, сунули в руки чашку с карое.

Кто и когда его сварил?

Перед глазами мелькали люди, разговор сливался в неразборчивый фоновый шум, который мешал думать. Я откинулась на спинку стула, прикрыла глаза. Голова кружилась, в горле пересохло, язык распух и мешал дышать. Наверное, именно поэтому выдохи вырывались хрипом.

— Пей, — шепнули мне в ухо, и вдруг стало тепло — плечам, спине. — Нужно выпить, малыш...

От неожиданной ласки брызнули слезы — крупные, горячие. Я глотала обжигающий напиток, давясь, вновь глотая, облизывала соленые губы. Задыхалась. Дрожала, и теплая рука гладила по спине, успокаивая. Хотелось уткнуться носом в ключицу, туда, где бьется жилка — отголосок сердечного ритма. Ощутить себя в безопасности в кольце крепких рук. Спрятаться от всех и реветь, как ребенок.

Слишком много для меня. Всего так много, и все такое сложное, что не осознать. Не принять. Верить не хочется. Понимать, что идешь к тому, чтобы не быть...

Если только...

— Гарди! — возглас удивленный. В нем недоверие и надежда. — Ты...

Тишина. Молчание, которое льется за шиворот, щиплется страхом.

Что, если у меня не вышло? Что, если не хватило силы, кена?

Что, если...

Ясновидец выглядел... растерянным. Я поняла это, когда, наконец, смогла разлепить веки и сфокусировать взгляд. Гарди смотрел прямо перед собой, на пол, будто гипнотизируя полуистертый ковер.

— Нехорошо, — пробормотал он едва слышно. — Нехорошо все это.

Алекс Край поддержал чашку в моих руках, которую я чуть не выронила. Эрик шумно выдохнул, поднялся с корточек.

— Плохи дела, — подытожил Гарди и поднял на него глаза.

— Надежда есть? — сухо поинтересовался Эрик.

— Он придет за вами, — пафосно изрек Первый. — Он знает о ваших пророках и придет раньше, чем вы его ждете. Защита не выдержит, и когда он ступит внутрь, многие умрут. И тогда ты...

— Мы в курсе, — резко перебил Эрик. — Только в том раскладе не было тебя.

— Тебя сначала тоже не было.

— Ты можешь просить Хаука отступить! — бросил Влад. Он стоял у окна, в пол-оборота. Бледный, плечи опущены, дыхание прерывистое, рваное. Устал. Вымотался тоже, и ему бы кароэ сварить, да никто не озаботился...

— Кто я такой, чтобы просить Хаука? Он — посланник богов!

— Мертвых богов, — лениво уточнил Влад.

— Он не станет меня слушать. Хаук орудие, он пришел убивать, а не вести переговоры.

Будущее туманно, но некоторые вещи я вежу четко.

Гарди выступил в центр, будто готовился произносить речь. Наверное, так оно и было, так как сказанное им имело некий сакральный смысл для всех собравшихся.

Наверное, нельзя переиграть судьбу. Видения провидцев почти всегда сбываются, и все, что мы можем — подготовиться. Не отсрочить, не избежать, но лишь быть готовыми. И когда видения пророчат смерть, нужно с ней смириться.

Никто у нас мириться не умел.

— Я видел Херсира на горе молитв. И тебя видел. — Гарди махнул рукой в сторону Лив, однако же взглядом ее не удостоил. — Набегалась. Придешь. И каяться будешь, как грешница. Твои слезы омоют камень, и земля примет твоё подношение.

— Ты, — он повернулся к Мирославу, и вождь альва вздрогнул, будто бы не ждал внимания со стороны Первого, — потеряешь людей на этой войне. Многих. Но сам будешь жить. Однако, тебе не привыкать, верно?

Предсказания резали воздух, и напряжение пластами спадало на пол. Казалось, стены дрожат от слов Первого, от их правдивости и неизбежности.

Гарди повернулся к Глебу, и на миг мне показалось, мое сердце замерло, перестало биться. Если он сейчас скажет про смерть, клянусь, я его ударю!

— Стирающий грани за них не выйдет. Я вижу тихую бухту и клетчатые занавески на окнах, белую скатерть, цветы. Детскую колыбель в спальне. Ребенок будет сильным, и он будет видеть, как Гуди.

Сольвейг. А значит, Ника...

Додумать мне не дали. Гарди сыпал пророчествами, как горохом, швыряясь ими во все стороны.

— Ты сделаешь выбор и, наконец, простишь, — сказал он, повернувшись к Робу. — Прощение очистит тебя, но с той, на кого ты обижен, вас разведет время.

— Потерянная девочка станет смелой, — подмигнул Гарди Даше. — Хорошо, что у нее сильная кровь, иначе смелость привела бы ее к смерти. И осторожный мальчик это знает.

Даша побледнела, покосилась на Богдана и отвела взгляд. Впрочем, Гарди она уже не интересовала. Он посмотрел в нашу сторону и четко сказал:

— А ты умрешь.

Фраза — безразличная, сухая — запуталась в молчании. Застыли все, замерли в тех позах, которые приняли за секунду до. И вцепились взглядами в Гарди, будто надеясь, что он рассмеется, передумает, изменит предсказание намеком на надежду.

Однако я знала, что надежды нет. А Гарди — сильнейший ясновидец в мире, особенно сейчас, когда снова здоров — не врет. Его видения сбудутся, и, если он прав на счет Хаука, сбудутся скорее, чем мы этого ждем.

— Возможно, есть способ... — Влад осекся и замолчал. Впрочем, что он мог сказать? Что сделать?

— Нет. Эту смерть я вижу четко.

Боковым зрением я отметила, как побледнел Мирослав. Боковым, потому что не могла отвести взгляда от Алекса. Алекс выглядел спокойным, слишком спокойным для человека, которому только что напророчили смерть. Моргал только часто, будто движением век мог прогнать проклятие, невзначай брошенное Гарди.

— Нет, — четко произнес Мирослав. — Ты не умрешь. Я не допущу.

Губы Алекса тронула легкая улыбка. Благодарность. Уважение. Близость. Ведь все в

этой комнате стали по-своему близки друг другу. Словно ритуал излечения Первого ясновидца скрепил, связал нас невидимыми, но крепкими путами.

— Труднее всего придется вам, — тем временем продолжил Гарди, переводя взгляд с Влада на Эрика. — Но вы и так это знаете, верно?

Нет-нет, труднее всего мне! Мне всегда было трудно, а вот сейчас... Хотя, если умру, то наверное...

Эрик сорвется. Влад начнет искать способы меня вернуть. Он из тех, кто никогда не останавливается. Небось, найдет колдуна, посулит заманчивую награду. Глупо все это. И ни к чему.

— У нас получится? — сдавленно спросил Эрик.

— Я не вижу, — признался Гарди. — Ты — потомок Херсира, можешь влиять. А еще она... — Взмах руки в мою сторону, беглый взгляд. — Ваше будущее туманно и переменчиво. Зыбко. Любой неверный шаг, и все изменится, встанет не на ту колею... Я не вижу. Так, картинки, точнее, обрывки картинок...

— Что?! — Теперь уже Влад не выдержал, отлип от подоконника.

— Ты слишком стараешься, — отмахнулся Гарди. — И как старательный мальчик, сделаешь все правильно. Но некоторые не играют по правилам. Некоторые идут сквозь стены, они, как призраки, вездесущи...

— Ты уверена, что вылечила его? — саркастично спросил меня Влад, потирая правый висок. — По-моему, ты старалась плохо.

— Все же мы бы хотели попробовать договориться с Хауком, — не обращая внимания на колкость Влада, серьезно сказал Эрик. — Ты выйдешь с нами? Будешь говорить в нашу поддержку?

— Мне вернули разум. Разве могу я отказать?

— Хорошо. Тогда собирайтесь. Поедем к скади.

Тучи спустились совсем низко, опасно нависли над притихшим городом. По ним блестящими змеями скользили молнии. Вспарывая мягкую серую плоть, они проникали внутрь облаков, чтобы потом вынырнуть с другой стороны.

Грохотало.

Ветер рвал ветви цветущих уже абрикосов, и белые лепестки осыпались на асфальт подобно снегу. Невыносимо, до комка в груди пахло дождем, и жила откликнулась на этот запах, вздувая вены от ванили, которую теперь не вытравить, наверное, никогда.

Неважно.

Что теперь может иметь значение? Я потеряла почти все, отказалась от надежды, смирилась с неизбежным. Готова смириться и с ванилью в жиле.

Вдалеке грянул гром, будто соглашаясь. А потом еще один отзвук — уже ближе. Сама не знаю, почему, но меня потянуло в небольшой дворик за домом. Деревья росли густо, укрывая раскидистыми кронами старую скамейку. На столике со щербатой столешницей в зазубринах скопилась грязь и остатки прошлогодних листьев. Под жмущимися к клумбам тополями припарковалось несколько авто. На их крыши упали первые крупные капли, а через несколько мгновений затарабанило, зазвенело, зашумело, и я, почувствовав, как одежда моментально становится мокрой, закрыла глаза.

Было спокойно. Хорошо. Я будто застыла пчелой в меду, медленно проваливаясь в сладкую, пьянящую жижу. Струи первого в этом году ливня стекали по лицу, струились по щеке под воротник, ласкали разгоряченную от недавнего ритуала кожу. В жиле, спокойно

плескаясь, медленно пополнялся кен. И подумалось, что я могу стоять так вечность — спрятавшись в дожде, впитывая неожиданную, но приятную прохладу, откликаюсь. Казалось, еще секунда — и я пойму, осознаю тайный смысл бытия, цели, которые вынуждают нас рождаться раз за разом, приходить в этот мир, проходить его испытания, смеяться, плакать... жить?

Еще один шаг за грань, но разве он может меня испугать? Я шагала за грань столько раз, что не перечесть. Я знаю все там, я...

— Что ты делаешь?!

В голосе — неприкрытая злость, ярость даже, однако острые углы ее сглаживаются мягкими, упругими каплями. Он тоже мокрый. Волосы облепили скулы, прилипли к шее, к не застегнутой куртке, из-под которой виден треугольный вырез светлого джемпера.

— Стою, — не найдя лучшего ответа, сказала я.

— Апрель, Полина, — выдал он очевидную истину. — Простудишься!

Я покачала головой, прикрыла глаза от удовольствия, понимая...

Он снова говорит со мной. И я чувствую эту связь, которая оборвалась несколько месяцев назад, когда я, влекомая непонятными теперь инстинктами, сознательно отказалась от него.

Мой защитник. Стихия, в которой я снова своя.

— Идем в машину.

Эрик настаивал, и мне захотелось рассмеяться ему в лицо, а затем скинуть мешающие почему-то кроссовки, одежду и кружиться, кружиться. Танцевать. Хохотать, как ненормальная. Соединиться с дождем, стать его частью — одной из серых, плотных туч, которые спустились почти к самой земле и вот-вот коснутся моей макушки. Оглядят, приласкают. Успокоят. И я снова стану Полиной — девочкой дождя. Как раньше...

— Идем!

Эрик непреклонен, его пальцы схватили мой локоть, и он ждет, а мне впервые хочется ему отказать.

— Еще немного... — робко прошу, стараясь обойти шторм, разгорающийся в светлых глазах.

— Еще немного, и будет поздно, — сквозь зубы отвечает он, пальцы впиваются в мою руку — грубо, болезненно. — Думаешь, мне легко смотреть на тебя... такую?!

— Какую? — вырывается у меня за мгновение до того, как ответ приходит сам.

Магия схлынула, эйфория прошла, и я поняла, что промокла насквозь, одежду пронизывает ледяной ветер, а я дрожу, стуча зубами, как ребенок. И лишь от взгляда Эрика в груди горячо, обжигающе больно, а он все смотрит, и подумалось, если бы он моргнул, то стало бы легче. Но он не моргает. Только за руку держит, а на моей жиле пульсирует его печать.

— Прости...

Запоздалое раскаяние распирает изнутри, давит на плечи. Его боль — моя боль, не стоит это забывать. Мы — единое, неделимое, наполненный сосуд, жидкости в котором разделились, будто масло и вода. Но это не меняет того, что сосуд один, а я... Он смотрит, выжигает на душе болезненную татуировку.

Это нечестно. Кто придумал все эти переходы, отречения, изгнания, посвящения? Ведь если ты родился атли, ты атли и останешься, зачем пытаться перехитрить свою природу? Лара тоже не смогла, а я всего лишь я. Я совсем не скала, не каменная глыба, которую не

расколешь. Я — скорее пластилин, из которого можно лепить. И кто-то лепит ведь, иначе почему все так?

— Идем, — резко бросил Эрик, выпустил мой локоть и пошел к машине.

Я шагала за ним и думала. Наверное, хорошо, что скоро все закончится. Наконец, все мы освободимся, перестанем друг друга мучить. Изводить.

Ничего ведь не происходит просто так. Верно?

Глава 15. Близко

— Это самоубийство, — безапелляционно заявила Лив и отвернулась. В маленькой комнате, которую выделили им с Гарди, в атмосфере готичной роскоши Первая выглядела несуразно. Миниатюрная, одетая в рваные джинсы и растянутый свитер, она никак не ассоциировалась у меня с той девушкой из видений, вызвавшей Хаука.

Лив стояла у окна и обнимала себя за плечи. По стеклу медленно ползли капли, стекали на отлив, а за ними поспевали новые — и так до бесконечности. Гроза немного успокоилась, но дождь зарядил надолго. Небо хмурилось и заглядывало в дом, будто не одобряло, что тот приютил преступников.

— У тебя есть нож, — тихо сказала я и почувствовала беспомощность.

Если она сейчас откажется, что нам останется? Умереть?

— Нож — всего лишь кусок металла! — яростно возразила она. — В нем есть магия Арендрейта, но ее недостаточно, пока Хаук способен убивать.

— Говорю же, я поставлю печать. Только хищный с древней кровью...

— Это я уже слышала! — перебила она. — Ты не сумеешь. Ты не представляешь, насколько он силен. Он рвал жилы лучшим воинам Херсира, и ни один из них не смог ничего сделать. Почему ты думаешь, у тебя получится?

— У меня было видение...

— Пророчества врут!

— Не мои.

Я не умею убеждать. Возможно, если бы с ней говорили Влад или Эрик, у них вышло бы лучше. Дипломатия — одно из искусств, которым они учатся с детства. Только вот Владу и Эрику нельзя знать, это первое, о чем я предупредила Лив перед разговором.

— Ты умрешь, — сказала она спокойно, будто это была обыденность. Безусловность. Неизбежная правда, которую я могла не понимать.

Я понимала.

— Зато ты выживешь. Ты и Херсир.

У меня были аргументы на любое ее возражение. Я готовилась к этому разговору слишком долго, чтобы позволить себе оступиться. Потому про себя считала секунды, когда Лив сама дойдет до нужной мысли.

Аргументы были расписаны по времени. Сейчас пришло время очередного.

— Тебе необязательно выходить, пока я не поставлю печать.

Отчаяние в ее глазах постепенно сменялось надеждой, а это уже что-то. Иногда надежда — половина победы.

— Ты не сможешь в одиночку! Твой вождь...

Она замолчала и снова отвернулась. За плечи себя обняла, будто имитировала другие, давно забытые объятия. Я еще помнила: мягкий, влажный мох, низкое небо, глубокая зелень скандинавского леса. Горячие руки на бедрах. Клубника и древесная смола.

Чужие воспоминания разбавлялись собственными, изнутри давили сожалением. Упущенными минутами, где «если бы» превращается в «определенно». В параллельной реальности, в которой я не допускала ошибок.

— Не узнает, — глухо закончила я фразу. Лив взяла с подоконника нож и крепко сжала

рукою, будто примеряясь...

...В коридоре я встретила Алису. Не знаю, может, судьба так потешалась надо мной. Я была слаба. Расстроена и на грани слез. Скорее всего, от усталости — мышцы ломило, в висках стучали отголоски сегодняшних событий, а жила ныла от напряжения. Хотелось лечь, свернуться калачиком, обнять подушку и ни о чем не думать. И уж точно не испытывать себя на прочность злыми, ядовитыми взглядами.

Странно, мы с ней никогда толком не разговаривали, но я почему-то точно знала, о чем она думает. Эмоции читались на ее лице мгновенно. Злость. Зависть. Недоумение. Отчего именно я, что во мне такого, что позволяет мне входить в ту самую комнату, куда ее так и не пустили.

Сейчас мы были в коридоре одни. Она замерла перед комнатой, которую делила с Дарлой и еще двумя защитницами, и ждала. Смотрела на меня, не отрываясь, а когда я поравнялась с ней, выплюнула:

— Надеюсь, он тебя убьет!

Имя Хаука редко произносилось в доме, будто бы все хищные, охотники и ясновидцы вдруг стали жутко суеверными и боялись, что, назвав Первого по имени, они призвут его. Глупые. Ему не нужно приглашение. Он придет сам — в назначенное время — и принесет с собой ад.

И мне вдруг стало до боли обидно, что мечта Алисы исполнится. Когда меня не станет, Эрику нужно будет утешиться, и, возможно...

Я тряхнула головой, будто стараясь избавиться от сомнений, которыми меня заразила защитница.

Потом будет потом. Без меня. Так какой толк переживать?

Я прошла мимо, не удостоив Алису ответом. Сегодня столько всего случилось, навалилось столько, что, казалось, любая незначительная мелочь может меня сломать. Нельзя поддаваться! Осталось продержаться совсем чуть-чуть. Все фигуры расставлены, план партии готов, осталось ждать, пока белые начнут нападать.

Алан мирно спал в детской, где уже нельзя было развернуться от обилия кроваток. Когда я вошла, в углу, на брошенном прямо на пол матрасе, шевельнулась девочка-альва. Я не помнила ее имени, но невольно залюбовалась: округлой пухлостью щек, аккуратным носиком, русой прядью, которая прилипла к высокому лбу. Рядом сопел мальчик лет семи — застывший между детством и отрочеством, не перешагнув эту хрупкую грань. Малыши скади, хегни, альва. Дима и Майя, прикорнувшие в одежде на разложенном диванчике. Алан... Пухлые пальчики, светлый пушок на голове, ямочка на подбородке. Такой родной, близкий запах — я его ни с чем не спутаю! И в груди щемит, когда пальцы касаются бархатистой кожи его щеки.

Эти дети не заслужили смерти. А значит, я все делаю правильно.

Движение за спиной заставило вздрогнуть. Я знала, что дом защищен — Эрик с Гектором постарались, и даже Гарди похвалил защиту — однако, все равно боялась. Дергалась. Оборачивалась на звук. А потом долго ругала себя за трусливость. Ведь если сейчас я трушу от каждого резкого движения и звука, то что будет, когда мне придется...

— Я не позволю ему погибнуть.

Голос низкий, хриплый. Обещание, которое не воспринимается всерьез. Мы все друг другу что-то обещаем, но не потому, что действительно думаем то, что говорим, а чтобы не сойти с ума окончательно. Продержаться очередной день.

Потому я отвечаю кивком:

— Не позволишь.

И улыбка — ненастоящая, а лишь тень ее, призрак настоящей улыбки.

Объятия тоже не кажутся реальными. Чувствую себя актером на сцене. Свет софитов в глаза, я не вижу зрителя, но знаю, что он там, в зале, смотрит... Судорожно вспоминаю текст доверенной мне роли, четко отрепетированным движением поправляю волосы и... обнимаю в ответ.

— Извини, я был... козлом.

Признание сбивает с толку. И следующая реплика из написанного невесть кем сценария вылетает из головы. Потому я просто стою и слушаю. Сбитое свое дыхание. Отголоски пульса в ушах. Тихое сопение Алана. И шорох одежды Эрика, которая сминается, когда он поднимает руку, чтобы погладить меня по лицу.

— Где мы? — спрашиваю скорее у себя, чем у него.

— Если бы я знал, — тихо отвечает Эрик, и некоторое время мы молчим. Тени зловеще ползут по стенам, нависают у нас над головами предвестниками беды. Из провала окна скалится круглый бок почти полной луны. Изредка ее закрывают бегущие на запад тучи.

Дом кажется безопасным пристанищем. Пока. Но мне и этого достаточно. Прозрачная оболочка защиты не пропустит охотника. Сегодня. А завтра мы обновим ее, усилим и будем продолжать привычный ритуал, пока хватит сил, а потом...

— Когда она ушла, я не понимал, почему, — глухо сказал Эрик, утыкаясь подбородком мне в затылок. — Теперь понимаю.

— Твоя... — Горло сжало спазмом, и фраза вышла незавершенной, оборванной. На глазах выступили слезы — от усталости, от напряжения, которое буквально стало моей второй кожей. Можно было расслабиться, но у меня не получилось, будто если отпустить себя, выстроенная стена рухнет, и все, что копилось во мне все эти месяцы, выплеснется обжигающей лавой, разрушительным потоком, уничтожающим все на своем пути. Потому я стояла, задержав дыхание, слушала, как стучит сердце Эрика — размеренно, спокойно. И отголоски собственного — трепещущего в груди органа, который вот-вот даст сбой.

Я так мечтала, что он однажды заговорит, выползет из собственной раковины, плотной, как бетон. Раскроет самые страшные секреты. Поделится со мной. А потом перестала мечтать — с предателями не делятся. И вот мы здесь. Говорим. Вернее, Эрик говорит — о том случае, который сделал его таким, как сейчас. Изменил. Перекроил, будто вышедший из моды плащ, в нечто-то новое, совершенное. Мое.

Он говорит, а я, как идиотка, не могу подобрать ответных слов, чтобы выразить, как я ждала этого момента — важного для нас настолько, что теперь я даже не знаю, кто мы друг другу. Супруги? Друзья? Части одного?

— Я бы хотела... знать ее, — выдохнула я, наконец.

— У меня есть домик в Испании, — прошептал Эрик мне на ухо, и я зажмурилась от приятного ощущения его руки на моей талии, уединения, словно мы спрятались тут от всех, скрывали тайну, известную только нам. — На самом берегу моря, и из окна видно, как плещутся волны, а окрашенная рассветом вода лижет песок.

— Красиво там, наверное, — ответила, уткнувшись лбом ему в грудь, вдыхая сладкий, густой запах его тела.

— Красиво, — согласился он. Большой палец его руки приподнял волосы у основания моей шеи, легко погладил кожу. Будто впервые мы вот так стояли, и Эрик боялся спугнуть

меня неосторожным движением. — И все чаще хочется тебя там спрятать.

— От Хаука не спрячешься.

— Не от него.

Я отстранилась. В комнате властвовала тьма, и лицо Эрика почти полностью отдалось во власть теней, но глаза горели, а губы были недовольно поджаты. И на миг — всего на миг, ведь на самом деле это иллюзия — он привиделся мне маленьким обиженным мальчиком, так похожим на Алана, когда тот не получает желаемого десерта или игрушку.

— Эрик...

— Помолчи, — велел он. — Ты всегда много болтаешь.

Ночь заглушила судорожный выдох, и желание оправдаться не казалось больше необходимостью. Да и смысл оправдываться? Вот она я — как на ладони: со своими слабостями, пороками, ошибками прошлого, которые не исправить. И он здесь, а если так, то, наверное, надежда еще есть.

— Я бы спрятал тебя там, — признался Эрик и потерся щекой о мою макушку. Восхитительно! — Если бы ты захотела.

«Я хочу», — ответила я мысленно, впервые желая, чтобы мы забыли о данном когда-то обещании. Ведь если бы Эрик мог знать, о чем я думаю, насколько все было бы проще для нас.

— Впрочем, если бы не хотела, тоже, — добавил он жестче. — Ты — моя жена...

Мир вокруг — меняющаяся картинка. Смазанные образы: кровати, стоящие почти вплотную друг к другу, матрасы на полу, разложенный диван, груды покрывал. Окно с отдернутой шторой, из которого сквозь стекло в комнату льется весенняя ночь. Тьма крадется по полу — боязливая, осторожная. Лижет щиколотки, стараясь впитаться в кожу. И вот уже нет ни кроваток, ни матрасов на полу. Просторная комната, плотные шторы, сквозь которые не просочится враг, треск поленьев в камине, расстеленная кровать. Свечи...

— Это несправедливо, — жалуется Эрик, не сводя с меня полубезумного взгляда. Его шепот, отчаянный и резкий, щиплет кожу. Руки бесцеремонно расстегивают молнию на моей кофте, скользят по плечам, и вот кофта уже на полу. — Ты — моя! Разве я должен терпеть этот запах?

Горячие губы касаются виска, и с моих губ срывается стон. Я подаюсь вперед, чтобы обнять, прижаться, восхититься его ласками. Поверить, наконец, что он настоящий, а не очередной сон, от которых на утро остается тяжелый осадок в груди. Пустота. Слезы на подушке, которые не сдержать.

Эрик отступает, качает головой.

— Ненавижу этот запах, — говорит он спокойно, и дергает завязку на моих штанах. — Придется его стереть.

Глава 16. Судный день

Говорят, перед бурей всегда тихо. Мир будто бы замирает, дает отдышаться, набрать в грудь побольше воздуха перед тем, как тебя накроет волной в высоту с пятиэтажный дом.

Я не верила затишьям. Слишком обманчивым выглядели спокойствие застывших в предрассветной дреме деревьев, выпустивших сочные почки, смирение поникшей в утренней росе травы, глубина утреннего апрельского неба.

Воздух пьянил свежестью, ласкал кожу нежными прикосновениями едва ощутимого ветра, расплескивал вокруг меня тонкий карамельный аромат, от которого теперь, казалось, невозможно избавиться.

Я проснулась за несколько минут до восхода. Просто открыла глаза, понимая, что выспалась. Ощущая легкость, невесомость даже, когда кажется, что ты паришь над кроватью, тебя возносит, кружит в воздухе эйфория от минувшей ночи, а улыбку невозможно стереть с лица.

Эрик спал. Эти удивительные мгновения я собирала по крупичкам и складывала в копилочку памяти, в отдельный, предназначенный лишь для них уголок.

Я редко заставляла его спать. Даже когда мы были вместе — по-настоящему, без оглядки на прошлое и тот мой поступок — я всегда засыпала раньше, а когда открывала глаза, Эрик уже был занят делами, иногда он уходит ночью, поправляя мне одеяло и оставляя короткие записки или смс. Ему нужно было несколько часов сна в неделю, чтобы восстановить организм, но именно такие моменты, как сегодня, я помнила почему-то отчетливо. Расслабленная поза: руки в стороны, запрокинутая назад голова, волосы шелком по подушке. Я засматривалась, понимая, что люблю, когда он открывал глаза и довольно щурился, будто словил меня на чем-то неприличном. Неприличное было потом.

Сегодня он не проснулся, и я смотрела долго: как подрагивают темные ресницы, как морщится лоб, углубляя знакомую поперечную морщинку. И грудь размеренно колышется в такт дыханию...

Я старалась дышать с ним в унисон. Вдох-выдох. Вдох. Выдох. Сплела наши пальцы, будто, пока он спал, я могла совершить некий запретный ритуал, который свяжет нас навеки и никогда не позволит больше разлучить.

Наслаждалась каждой секундой, пока темнота не разбавилась серым, а небо на горизонте не окрасилось в персиковые тона. Тогда я встала, накинула халат и вышла на балкон.

Вдохнула и тут же опьянела от густого, влажного воздуха, от запаха сгоревших дров, что все еще тлели в брошенном мангале, от остатков аромата жаренного мяса и сосисок, от которых тут же побежали слюнки — кажется, я вечность ничего не ела.

Нет, не так. Я вечность не жила.

Разве не обидно, что именно теперь, после такой ночи, придется умереть?

Утро молчало, и я молчала с ним. Солнце ползло вверх по небу, растекаясь огненными потеками по подъездной дорожке, аккуратно подстриженным кустам по обе стороны от нее, блестящим спинам машин. Пространство вокруг дома наполнялось щебетанием птиц, жужжанием насекомых, которые охотились на цветущие в саду абрикосы, шумом кофемашины — кто-то вынес ее на крыльцо и нещадно мучил в течение уже нескольких

минут.

Я прикрыла глаза и постаралась представить, что такой будет вся моя жизнь. Застывшая на коре капля древесного сока — густая, терпкая, тягучая. С лениво текущими секундами бытия.

Не будет.

Это я поняла через секунду, когда ощутила на плечах руки Эрика. Они рванули меня с места, и я услышала сдавленную, наполненную страхом фразу:

— Внутрь, живо!

А еще через миг ослепило. Вспышка была яркой, движение — молниеносным, и щеку обожгло прикосновением чего-то горячего, незнакомого, инородного.

Чего-то, что...

Я упала на пол, больно ударившись копчиком о паркет. Меня тут же дернули наверх, заслонили спиной. Руки Эрика застыли перед балконной дверью в защитном пассе.

От него пахло силой. Яростью. Желанием драться. И показалось, он сейчас шагнет от меня к окну, а затем сиганет вниз. Туда, где...

Стутившаяся тишина оглушила. Перед глазами плясали пестрые мошки, я протерла их и быстро поморгала, стараясь убрать дисконфорт.

А потом кто-то закричал. Громко, визгливо, и крик этот спугнул птиц с крыши нашего балкончика. Сизые голуби царапнули шифер, зашуршали крыльями и взмыли ввысь. Они улетели, а кое-что осталось. Оно — это что-то, яркая, светящаяся плеть — цеплялось, будто червяк, за перила, стараясь перемахнуть через них и вползти внутрь, к нам. Эрик оскалился и метнул чистым кеном. Щупалец вздрогнул, приподнялся, как кобра, готовящаяся к прыжку, а затем соскользнул вниз, во двор.

— Алан! — отреагировала я, и Эрик кивнул.

— Собери детей. Отведи в подвал — там почти нет окон. И Гектора найди. Он мне нужен.

Я кивнула и выбежала из спальни, в коридор. Вокруг меня метались люди. Кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то успокаивал остальных. Детей уже подняли, некоторые даже успели одеться — все же к приходу Хаука мы готовились, хотя и не ждали. Смерти никогда не ждешь, даже если знаешь, что она придет скоро. Всегда стараешься оттянуть это мгновение, когда жизнь перестанет быть привычной и превратится в бессмысленные, тщетные попытки выжить.

Лица, жесты, вопросы — все слилось, завертелось калейдоскопом, мысли рассыпались мелким крошечком — не соберешь. Сосредоточенность, выверенные движения, сдавленные ответы. Взгляды, которые не выдерживаешь и потому отводишь глаза. Сизая муть вокруг, и толстые стены дома уже не кажутся такими надежными.

Я знала, что кто-то погиб. Знала, но боялась спросить, потому что пока имена не всплыли в сознании, эти люди еще живы. Пусть только в моем воображении. Не хотелось думать, что это судный день для нас всех.

Я отвела детей в подвал, как велел Эрик, оставила с ними Дашу и Иру. Последнее, что запомнилось мне, когда я поднималась по склизкой лестнице с крутыми ступенями — ручки Алана, крепко обнимающие Дашу за шею. Это я должна быть с ним. Я... Только меня никогда нет рядом. Я всегда одной ногой в других мирах. Видения, проклятия, личные проблемы. Понимает ли он, что я — его мать?

Горечь застыла на языке противным налетом, но я все же заставила себя отвести взгляд

и переступить порог. Потом, если выживу, подумаю обо всем, сейчас нужно сосредоточиться.

Хаук пришел.

Хаук.

Пришел.

Я катала эти два слово на языке, как заплесневевшие орешки. Кисловатые, их хотелось выплюнуть, избавиться даже от мыслей о Первом охотнике, который до сегодняшнего утра был всего лишь мифом. Далеким, ненастоящим, выдуманном персонажем чьей-то злой сказки.

— Переоденься, — бросил мне на бегу Влад и скрылся за поворотом. Все куда-то спешили, готовились. В гостиной муравьиными кучками суетились хищные и ясновидцы. Гектор с Эриком с серьезными лицами смотрели на улицу — туда, где наверняка находился хозяин светящихся щупалец.

— Хаук пришел, — повторила я вслух и, наконец, поверила. А затем добавила тише, чтобы не спугнуть призрак удачи: — Мы справимся.

Второй этаж опустел. Эхо шагов глухим звуком рикошетило от стен, а оттого тишина, притаившаяся у плинтусов, казалась зловецей. Из окна спальни на меня смотрела мрачная весна. Тучи набежали быстро — я даже не заметила, когда — размыли серым восточный персиковый бок неба, нависли переполненным выменем. Ветер стучал по отливу искореженными когтями ветвей старого клена.

Меня потянуло туда. Не думая, что делаю, я подошла, коснулась пальцами шершавой поверхности подоконника и выглянула вниз.

Клянусь, он смотрел прямо на меня! Будто ждал, будто знал, что именно в тот момент я подойду к окну, чтобы на него взглянуть. Лицо Хаука взрезала полуулыбка-полуоскал, отчего уродливый лиловый шрам изогнулся, как змея, готовая к нападению.

Охотник стоял прямо перед домом, грозное небо вихрями заворачивало тучи у него над головой, а горящий бледно-желтым, ослепительным светом щупальца извивались вокруг поджарого тела. Длинные, гибкие, как лоза, смертоносные, как яд скорпиона, орудия убийства, длиной метров пятнадцать каждое.

Боги, храните нас! Как? Как мы справимся с ним?!

Я отпрянула к стене, стараясь избавиться от липкого, пронзительного взгляда, исколовшего кожу.

Руки тряслись, колени подгибались. В джинсы удалось влезть с третьей попытки. Майку я сначала натянула шиворот-навыворот и, лишь подойдя к зеркалу, заметила оплошность. Из зеркального мира на меня смотрела девочка с распахнутыми глазами — перепуганный насмерть ребенок, прячущий вспотевшие ладони в задние карманы брюк.

Барт, ту ли ты выбрал для своей миссии? Не ошибся ли? Потому что я ума не приложу, как шагнуть вперед, даже будучи накрытой куполом защитной магии хищных и ясновидцев. А уж о том, чтобы выйти, полностью лишившись защиты, и речи быть не может.

— Все плохо, да?

Глеб стоял в проеме двери и выглядел удивительно спокойным. Я обернулась и кивнула, на ответ не хватило мужества.

— Мы не ждали его так скоро, — добавил он, входя в комнату. — Если бы ждали, не стали бы выходить поутру.

— Кто? — вырвалось у меня. Вопрос царапнул горло, в груди образовался тяжелый

КОМОК.

Нет-нет, я не хочу знать. Даже думать не хочу, что кто-то...

— Дарла и Юлиана, — безэмоционально ответил Глеб. — Мне повезло, что я не успел сунуться — курить хотелось безумно, но там была она... Заминка вышла. Думаю, если бы я не медлил, то...

— Нет, — перебила я. — Ты не умрешь.

«Я не позволю», — добавила уже мысленно и сжала кулаки. Хватит раскисать!

— Алиса тоже там была. И ей удалось отбиться.

— Отбиться? — Удивление скрыть не вышло. Я ведь думала, что Хаук настолько непобедим, что одно его присутствие заставляет падать замертво, а тут... отбиться. — Как?

Глеб пожал плечами.

— Все слишком быстро вышло. Она отбила атаку чистым кеном, потом бросилась к Дарле, наверное, спасти хотела. Дарла уже была мертва, охотник убил ее сразу после... В общем, когда Алиса поняла, что опоздала, то побежала ко входу. Она ловкая, увернулась пару раз, затем оглушила один из щупальцев каким-то пассом и все-таки вбежала внутрь. Повезло, короче.

— Или она умеет драться, — констатировала я.

— Определенно, — согласился Глеб. — Однако драться с ним я поостерегся бы.

— Надеюсь, не придется. Если Гарди сделает все правильно, возможно, Хаук отступит.

— Почему мне кажется, что все хуже, чем есть на самом деле? И почему у меня стойкое ощущение, что ты это знаешь?

— Тебе кажется. — Я отвела взгляд и еще раз взглянула в зеркало. Девочка из зазеркалья хмурилась и все еще боялась, однако растерянной больше не выглядела.

— Ты думаешь, что не вернешься, да? — Он шагнул ко мне и теперь его отражение гипнотизировало меня тоже. — Если выйдешь к охотнику, то уже не войдешь в дом?

Я вздохнула. Врать Глебу не было ни сил, ни желания. Потому я просто опустила глаза. Взгляд упал на флакончик духов — Эрик подарил еще перед уходом в кан. Сказал, что они замечательно подчеркивают запах моего кена...

— Ты как всегда! — Рука Глеба сжала мое плечо, затем так же резко отпустила. — Геройствовать потянуло?

— Не начинай...

— Эрик знает?

— А сам-то как думаешь?

— Черт, Полевая, это скверно! — Он отступил на несколько шагов, покачал головой, запустил пальцы в растрепанную темную шевелюру. — Почему, скажи, ты никогда не думаешь мозгами?!

— Поверь, об этом я думала слишком много.

— Да ну? А результат все тот же. Сама решила, сама сделала, пофиг на тех, кто тебя любит. А ты думала о том, что Эрика сорвет? Что он снова станет слегка того?

— А ты думал о том, что, если я этого не сделаю, не будет, кого срывать?! — выдохнула я резко. — Не будет Эрика, тебя, твоей драгоценной Ники! Охотник пришел нас убить, Измайлов. И есть лишь один способ ему помешать. Кто-то должен погибнуть, но лучше кто-то один, чем все.

— Ты, да? — саркастично уточнил он. — Почему ты?

— Потому что так велели они. Боги, которых не существует. Так написано в книге

предсказаний Арендрейта. Барт пророчил мне.

Молчание. И только тиканье часов на комоде отсчитывало время на до часа «X». Как жаль, что время нельзя остановить, замедлить, оттянуть минуту, когда придется осуществить то, что сейчас страшно даже на словах.

— Барт готовил меня с момента нашей встречи, Глеб.

— К чему? В жертву тебя принести? Не нажертвовалась еще?

— Глеб!

— Что — Глеб?! Как мне идти туда, зная, что ты не вернешься? Об этом ты подумала?

Объятия душат, как и слезы. Скрежет горло от невысказанных слов — ненужных, потому что нужное понятно и без слов. И мелкие капли дождя липнут к стеклу, будто пытаются просочиться внутрь. Маленькая, но все же поддержка.

Наверное, я навсегда останусь частью атли. Ведь сейчас, обнимая Глеба, чувствую и эмоции его, и страх, и желание изменить то, что изменить невозможно. И, наверное, пока он будет помнить меня, я не умру окончательно.

Остаться бы в этом мире призраком... Интересно, становятся ли хищные привидениями? Может, существует обряд, привязывающий духа к дому. Как было бы замечательно поселиться в стенах дома скади, бродить по ночам по широким коридорам, цепляться к юбкам целительниц, легким сквозняком касаться щеки Эрика, когда он уснет. Тогда у меня будет достаточно времени, чтобы за ним наблюдать.

Проводить больше времени с Аланом.

Просто быть частью дома. Всегда.

— Нам пора, — прошептала я, отстраняясь. — Если у Гарди получится, нам не придется возвращаться к этой теме. Поэтому давай просто верить, хорошо?

Верить иногда сложнее всего. Но Глеб кивнул, вытирая с моих щек слезы.

Рита всегда была трусихой. С самого первого дня, когда она появилась у атли с нелепым красным зонтом, растерянная и смущенная. Приход Рихара сломал ее, воскрешение веры в себя не добавило, и каждый раз, когда приходил враг, Рита впадала в панику.

Сейчас она сидела на верхней ступени лестницы, обнимала себя за плечи и смотрела вниз — туда, где планировалась опаснейшая из всех наших операций. Пальцы ее при этом слегка подрагивали, а обкусанные ногти красноречиво описывали состояние, близкое к панике. Парадокс: Рита была сильнее многих воинов в этой гостинной, чистокровная атли, сила которой могла бы перерасти мою, если бы Рита ее развивала. Но вот она сидит здесь и трясется, как осиновый лист. И я знаю, что в душе она мечтает сбежать. Спрятаться, переждать. Все, что угодно, лишь бы не драться, лишь бы не видеть приближающихся щупалец к своей жиле.

Я постаралась пройти мимо, прижимаясь ближе к перилам, чтобы не заразиться от Риты паникой. Однако она схватила меня за запястье, вынуждая остановиться, и выпалила:

— Я боюсь! Я так боюсь, что перед глазами плывет. Когда я думаю, что Первый там, за дверью, когда представляю, что он может сделать, если войдет... Скажи мне, что я выживу. Если не скажешь, я просто не смогу. Свихнусь тут.

Слабая, что с нее взять? И пожалеть бы, да... не вышло.

Я разозлилась. Злость была неожиданной и удивила меня саму. Она жалеет себя, трясется, в то время, как я точно знаю... От знания этого тошно, ожидание жжет лопатки, в груди тяжесть — не продохнуть. Мне придется оставить мужа, сына. Бросить друзей. А она...

— Нет! — ответила я резко и выдернула руку. — Не скажу. Готовься к тому, что погибнешь. Если у нас не выйдет, умрут многие. Может, ты. Твои близкие. Готовься к этому и, бога ради, хватит истерить!

— Почему ты так разговариваешь со мной? — возмутилась Маргарита. — Разве не видишь, я и так боюсь, а ты...

Нижняя губа ее нервно затряслась, глаза округлились, наполнились новой порцией слез. Так бы и стукнула!

— Потому что тебе давно пора понять, кто ты, Рита. Ты — хищная. Чистокровная хищная из древнего племени с огромным потенциалом. Ты — воительница, одна из сильнейших в атли. Влад только что потерял защитницу, и сегодня ему, как никогда, нужна поддержка. А все, что ты делаешь — это распускаешь сопли! У нас больше нет времени на нытье. Нет времени на слабость. У нас и жизни почти не осталось. Единственное, что мы можем — стоять до конца. Стоять, а не реветь на ступеньках, как испуганные дети, потому что иначе...

...мы умрем.

— Пора, — сказал кто-то внизу, и воздух вокруг меня стал плотным, обволакивающим, ватным.

Я шла, будто сквозь трясины пробиралась. Шагала вниз, к людям, который сейчас выйдут со мной туда. На улицу. Под морозящий, точечный дождь. Под свинцовое, низкое небо, укутанное в ворох клубящихся туч.

К нему.

Глава 17. Похитительница молний

— Гарди?

Эрик вопросительно склонил голову набок.

Мы молчали. Гипнотизировали спину ясновидца, пока он задумчиво пялился в окно на охотника.

Хаук сетью раскинул щупальца. Они, извиваясь, накрыли крыльцо, впились в купол защиты, подобно паразитам, высасывающим вместо крови кен. Ужасающее зрелище — наблюдать, как защитная пленка истощается, открывая охотнику путь в наше убежище.

Медлить нельзя ни секунды! Неужели Гарди не понимает?

Гарди будто и дела не было. Он вздохнул и со скорбным выражением лица отвернулся от стекла. Дождь прекратился, но небо все еще хмурилось, предвещая скорую грозу. Ветер остервенело стучал ветвями по крыше крыльца, будто был миньоном охотника. Ветер рвался внутрь вместе с ним.

— Гарди, нам пора!

Время таяло вместе с защитой. Минуты стекали липким потом по позвоночнику.

— Глупая затея, — проворчал ясновидец, ни к кому особо не обращаясь. — Шансы малы.

— Но они есть, — возразил Эрик, и мне послышалось в его голосе нетерпение. Он что, и правда, хочет выйти? Туда... к убийце? Все понимают, что выйти надо, но хотеть этого — безумие.

Впрочем, каждый из нас сейчас немного безумен.

— Хорошо, — наконец, согласился Гарди.

— Гектор?

— Со мной пойдут десять человек, — откликнулся старик. За последние несколько часов ясновидец сильно осунулся. Опустились привычно прямые плечи, под глазами пролегли желтые круги, а сами глаза потускнели — то ли от страха, то ли от осознания неизбежной будущности. Ясновидцы всегда знают больше. Возможно, не говорят, но я-то помню их жилы изнутри. Темные, изнурительные картинки, от которых не скроешься. Осознание необратимости. Вечный страх. Смирение.

Шрамы на руках и животе Лидии — последствия этих картинок. Когда кена не хватает держать себя в руках, остается одно — желать смерти.

— Из скади, — кивнул Эрик. — Я, Роберт, Лариса, Дарья...

Имена всплывали пузырями на дождевой воде. Отпечатывались вязью на воображаемых гробовых плитах, на которые не скупилась моя на удивление хорошая фантазия.

Защитницы и воины, которым предстояло выйти на улицу, собиралась у окна справа от двери. Я думала, Эрик будет против моего участия, и уже готовилась выбивать себе право на подвиг, но он назвал мое имя, даже не взглянув в мою сторону.

И вот я стою среди друзей, они ободрительно похлопывают меня по плечу, а мир вертится вокруг удивительным калейдоскопом событий, которым не суждено произойти. Скорее всего, я никогда больше не буду в кругу людей, которые сейчас поддерживают меня. Скорее всего, некоторые из них погибнут. От осознания этого горько, но отчего-то спокойно. Будто так все и должно быть. Смерть — неотделимая часть жизни, рано или

поздно все мы умрем.

Влад глухо отсчитал свои имена, и они камешками высыпались на пол. Сильнейшие воины — защитниц в атли почти не осталось, и он не мог позволить себе рисковать всем. В конце концов, кто-то выживет. Вернется. И если удастся убить Хаука, эти люди продолжат историю племени.

Ира, Глеб, Игорь и воительница, имени которой я не знала, подошли к нам.

— Альфред, если не вернемся, ты знаешь, что делать.

Молчаливый жрец кивнул. Если Влад погибнет сегодня, ему предстоит возглавить племя на период, пока Дима не будет готов. Филипп поморщился, и я подумала, какая ирония судьбы: он был чистокровным атли, и всегда хотел править этим племенем. А Влад доверил своих людей человеку, в котором текла чужая кровь. Наверное, это своеобразное возмездие — нечего портить карму.

— Я пойду, — решительно вмешался Мирослав. — Со мной Кристина, Света и Карина — лучшие защитницы альва. И десять воинов.

— Нет, — покачал головой Эрик. — Ты должен остаться. В случае провала кто-то должен вывести людей из дома и попытаться спрятать. Хотя бы детей. Ты и Дэн нужны мне здесь.

— Ты знаешь, я должен выйти туда, — тихо сказал Алекс Край, и все замолчали.

Предсказание Гарди мрачным призраком зависло над головами. Никому из нас, кроме Алекса, Первый не пророчил смерть.

— Нет, ты не пойдешь.

Мирослав побледнел и выглядел испуганным. Все боялись, но, честно признаться, впервые я видела на лице вождя альва такой страх.

— Пойду, — мягко настоял Алекс и шагнул к нам. — От судьбы не уйдешь, от пророчеств тоже. В моем бывшем племени была пророчица — никогда не ошибалась, чертовка. А когда пришел охотник, осталась его задержать, пока остальные бежали. Тогда она сказала, что иногда предсказания даются не для того, чтобы избежать участи, а для того, чтобы поиметь с нее больше профита.

— Профит — оставить альва без жреца?!

— Профит — оставить альва жизнь, — беззаботно улыбнулся Алекс. — Давай спасем их на этот раз.

Мирослав вздохнул, прикрыл глаза, а затем шагнул к нам, крепко пожал руку Алексу, обнял его и... отступил.

А я стояла и не могла отвести взгляд от этого человека. Он улыбался, шутил, зная, что, если выйдет, не вернется. Так почему я не могу так? Почему путаюсь в собственных рефлексиях, как в липкой паутине, жалею себя? Рано или поздно это случится с каждым.

Я выглянула в окно — в нескольких метрах от меня извивалось светящееся оружие врага в попытках пробить защиту дома. Дом сопротивлялся, как мог, подавлял стоны и стоял, удерживая оборону, охраняя тех, кто доверился ему, кто нашел под его крышей защиту.

Скрипели половицы на втором этаже, гудели трубы, трещали толстые балки перекрытий.

Дом старался из последних сил.

Надолго ли его хватит?

— Я тоже пойду, — звонко прозвучал женский голос откуда-то сверху, и я вздрогнула.

Это точно было неожиданно.

— Нет, — резко среагировал Влад и отвернулся.

— Почему нет? — обиженно поинтересовалась Рита, спускаясь вниз. Судя по всему, руки ее все еще тряслись, и она обняла ими себя за плечи, чтобы хоть как-то скрыть испуг. — Разве не идут все сильнейшие атли?

Сильнейшие? Ну-ну.

— Подготовленные, — уточнил Влад.

— Это имеет значение сейчас? — настойчиво продолжила Рита. — К тому же, я чистокровная, и некоторые способности у меня есть.

— Марго, это не обсуждается, — поморщился Влад.

— Идут все, кого я люблю. Ты, Глеб, Игорь. Полина. Предлагаешь мне остаться здесь и сходить с ума, пока вы там...

— Пусть идет, — спокойно резюмировал Глеб и, поймав изумленный взгляд Влада, пожал плечами. — Что? Если у Гарди ничего не выйдет, то какая разница? Там кто-то должен прикрывать наши задницы, если что-то пойдет не так.

— Вот и славно, — победно улыбнулась Рита и, пока Влад не успел возразить, решительно присоединилась к нашей команде. Игорь шумно вздохнул, однако перечить не стал.

— Я могу взять его ауру, — предложила Майя, покосившись на окно. — Хотя бы попробовать. Раньше всегда получалось.

— Нет-нет, Мирослав ты же не допустишь?! — выкрикнула Ева, вырываясь вперед и заслоняя спиной дочь. А потом перевела затравленный взгляд на Влада. — Не позволяй ей!

— Для этого понадобится открыть защиту, а этого мы делать не можем, — спокойно ответил за них Эрик. — Да и не факт, что кроту возьмет Первого. Во всяком случае, среди нас нет жреца, которому хватило бы сил и знаний.

Ева облегченно выдохнула и благодарно ему улыбнулась.

Алиса выскользнула из коридора, ведущего в кухню и, ни слова не говоря, присоединилась к нам. На меня не смотрела, как и на Эрика. Казалось, ее больше привлекает окно, откуда видны попытки Хаука пробить защиту дома. Ее желание идти с нами так и осталось необсуждаемым.

Зря. Возможно, если бы Алиса не пошла, если бы хоть кто-то возразил, все сложилось бы иначе.

Впрочем, такого я просчитать не могла.

Зато Рик и Лили слезно умоляли Эрика взять их с собой. Клялись драться до последнего и защищать его людей грудью. Не будь я так зла на Крега, наверное, прослезилась бы.

— Что на счет тебя, Макаров? — спросил Влад, когда андвари, наконец, утихли и присоединились к стоящим у окна.

— Из хегни не пойдет никто.

Тишина. Только ветви скребут по шиферной крыше крыльца. Только прерывистое дыхание, отголосок пульса в ушах. Звенящее напряжение. И гудение в хитросплетениях дымовых путей, будто дом возмущен вместе с нами каждым звуком в дерзкой фразе Филиппа.

Филипп растерянным не выглядел. Испуганным тоже. Наоборот, казалось, это решение он принял давно, взвесив все «за» и «против», просчитав риски и последствия. Поэтому и подбородок он держал поднятым, а спину прямой.

— Как был, так и остался трусом! — ядовито выплюнул Влад и отвернулся. Будто ему

стало стыдно за бывшего своего воспитанника.

— Почему? Потому что у меня единственного из присутствующих есть здравый смысл?! Я согласен защищаться здесь, в стенах этого дома и умереть, защищаясь, но выходить туда, где нас ждет верная смерть — это безумие! И я не собираюсь в этом участвовать.

— Насильно никто никого не гонит на улицу, — подытожил Эрик и, казалось, потерял к Филиппу всякий интерес.

— Не ходи, — сказал мне Филипп уже у выхода. Когда решения были приняты, добровольцы определены и оставалось обсудить детали постановки защиты. — Это безумие! Никто из вас не вернется оттуда.

— Тебе-то что за дело? — огрызнулась я.

— Осуждаешь?

— Кто я, чтобы тебя судить? Ты многого добился сам и вправе принимать решения за себя. Однако с того дня, когда ты отрекся от атли, не думаю, что ты должен переживать за кого-то из нас. Тогда не особо переживал, а теперь и подавно не стоит.

— Мне не все равно, — тихо ответил он и потупился. — И если ты осуждаешь...

— Я не осуждаю, — перебила я. — Не одобряю, да. Мы идем, потому что у Гарди есть шанс убедить Хаука отступить. Гарди пойдет просить за нас, хотя не должен. Предлагаешь оставить его одного, без защиты?

— Гарди — Первый, как и Хаук. Почему бы не позволить Первым разбираться самим?

— Потому что это и есть трусость, Филипп! Отойти в сторону. Эрик принял тебя в своем доме, дал кров и защиту. Стоит ли идти? Решать тебе.

— Хорошо.

— Что — хорошо?

— Я пойду.

— Не стоит идти только потому, что я так сказала.

— Я иду не потому. — Он поднял на меня глаза и выражение его лица напомнило мне о том Филиппе, который приютил меня однажды. Который учил меня, поддерживал и даже пытался прикрыть собой от Влада. — Не хочу, чтобы последнее, что я запомнил о тебе, это как ты смотришь на меня свысока.

Охотники тоже собрались, но держались особняком. Девятеро у двери. Пятерых я не знала, остальные четверо делились у меня на категории. Категория «отличный парень» пока состояла из Андрея, и он успешно стал там президентом. В категорию «мистер бед гай» попал Милош, охотник из армии Богдана. Он не смирился с текущим положением вещей и превозносил канувшую в небытие со смертью Альрика власть. Хищных ненавидел и не скрывал этого. Однако законы дома не нарушал, вел себя предельно отстраненно и вежливо.

Богдан и Сигнар — первый из армии, кто прислушался к словам Гектора — остались у меня в категории «еще не определилась». Сигнар был внимателен и приветлив, ни разу не упрекнул ни одного из домочадцев в том, что тот хищный. Однако незнакомые охотники априори внушают подозрения. Даже если они благодушны.

Богдан же казался... милым. И ненависть его к нам, и желание восстановить справедливость, и колкости, которыми он сыпал направо и налево — все это вызывало улыбку, хотя, уверена, он хотел вызвать другие эмоции. Наверное, неожиданная наивность и прямота умиляли. Я давно перестала видеть мир черно-белым, а Богдан с упорством ребенка отказывался воспринимать другие цвета.

Однако, несмотря на милоту, он все же был сильным. Достаточно, чтобы продолжать

его опасаться.

Впрочем, сегодня опасаться нужно не его...

На крыльце было свежо. Ветрено. Порывы ветра трепали волосы, пробирались в рукава и под полы короткой куртки, выхолаживая, рождая дрожь — то ли от холода, то ли от страха.

Охотник стоял, широко расставив ноги, а щупальца притаились у его ног, будто сторожевые псы.

— Ого, какой страшный, — подбодрил меня Глеб.

В воздухе пронзительно пахло дождем. Низкое небо, рваные клочья влажных туч, ветер срывал свежую листву с деревьев. По обоим сторонам от подъездного пути, будто приветствуя кару богов, склонили головки пионы...

Ника появилась с другой стороны от Глеба, хмурилась и смотрела на Хаука.

Он молчал. Щурился. На загорелых скулах ходили желваки. Руки были небрежно сунуты в карманы кожаных брюк. Взмокшая холщовая рубашка, стянутая на груди шнуровкой, открывала покрытую многочисленными шрамами грудь.

У этих Первых никакого представления о том, что сейчас носят. Джинсы намного удобнее кожи, в них хотя бы задница не потеет.

Так нет же, стоит, будто его мало волнует неудобство одежды.

Один против многих. Сильнейший из всех.

Большая темная туча треснула, и Хаука озарил луч полуденного солнца — яркий, сочный — он густой прядью стелился по его правому плечу, стекал на грудь, и вокруг охотника словно ореол силы засветился. Божественное благословение. Настоящая благодать.

Это не знак, Полина. Всего лишь шалости природы.

И небо, будто посмеиваясь, вновь сомкнуло стальные своды. Луч исчез, как и доказательство благодати. Остался только охотник и золотистые плети его щупалец, мирно лежащие на земле.

Эрик рядом со мной глубоко вздохнул. Гектор оправил воротник рубашки.

Я обернулась. Люди, которых я знала, выглядели по-новому. Неизвестные мне личности. Воины, защитницы, ясновидцы, охотники, готовые драться с врагом до последнего вдоха. Даша хмурилась и не сводила с Хаука хищного взгляда. Храбрилась, наверное. Также храбрилась Рита, однако ее страх был явно различим по дрожи худеньких плечей. Она жалась к Владу, как испуганный ребенок, и мне подумалось, зря она вызвалась. Будет только хуже, если что-то пойдет не так. Если кто-то подведет, если охотник пробьет купол защиты...

Если. Их так много, и каждое может изменить все.

Хаук усмехнулся и шагнул к дому. К нам.

Я нашла руку Эрика, сжала. Мне просто нужно было знать, что он рядом, чтобы окончательно не расклеиться.

— Не бойся, — шепнул он и переплел наши пальцы.

Не буду. Если ты останешься рядом, как этой ночью, я все выдержу. Странно, что главное для себя всегда понимаешь не вовремя. Когда уже почти совсем поздно что-то менять.

Почти. А значит, есть время. Я попробую.

Гарди вышел вперед. Шагнул со ступеней вниз, не заботясь о том, прикрываем ли мы его. И вышел за границу защиты дома.

— Пора, — скомандовал Эрик, и мы синхронно ступили за ним. Дом остался за спиной

— пропитанные защитой стены, дающие ощущение безопасности, пусть недолговечной.

Я подняла из жилы кен, сосредоточила у основания ладоней. Небо хмурилось, но делилось силой — дождь моросил несильно, но я все же смогла взять у него чуть-чуть. Закрыла глаза. Вспомнила уроки Барта: как тратить кен почти без потерь, как быстро восстановить жилу из того, что осталось. Как бить четко и правильно — точно в цель. Вряд ли я смогу причинить вред Хауку, но и стоять без дела не смогу. Буду драться и защищать тех, кого люблю. Для того я здесь. Для того все мы здесь.

Я подняла лицо к небу, и оно ответило раскатом — низким, воинственным. К коже приятно липла влага, наполняя уверенностью.

— Надеешься поразить его громом? — насмешливо поинтересовался Влад у меня за спиной.

Эрик сжал мою руку так, что я чуть не застонала от боли. А потом отпустил. Совсем. И шагнул вперед, прикрывая Гарди. Защитный купол над нами завибрировал, становясь толще, надежнее. Я раздраженно выдохнула и, не удостоив Влада ответом, шагнула вслед за мужем.

А потом небо вспороли острые зигзаги молний, и оно порвалось. Хлынуло холодное, мокрое, влага обняла, облепила, склеила одежду с кожей. Жила откликнулась, наполняясь, и ладони привычно зачесались. Удержать бы. Не сорваться. Быть мудрой и рассудительной...

К черту! Возможно, охотник и убьет меня, но сломать у него не получится. Белая, холодная ярость Барта застелила глаза, заставила распрямить спину, потому что жила уже не горела — пылала, готовая выплеснуть кен, как смертельное оружие.

Гарди остановился в нескольких шагах от охотника. Склонил голову набок и сказал:

— Здравствуй, Хаук.

— Привет, зрячий. — Голос у охотника был низкий, хриплый и в гнетущей атмосфере надвигающейся грозы казался зловещим. — Я пришел сюда не за тобой. — Он обвел взглядом наше несуразное войско и добавил, указав пальцем на Эрика: — За ним.

— Вот он я, — спокойно ответил Эрик.

— Если думаешь, что зрячий спасет тебя, ты ошибаешься. Удерживая его, ничего не добьешься. Скоро я войду в этот дом и убью каждого, кто станет на пути. Слушайте меня, звери и те, кто помогает им! — Губы охотника искривила насмешка превосходства. — Я отпущу каждого, кто не нарушал законы богов. Кто не превысил нормы, отпущенной свыше. Если же будете помогать отступникам, умрете все.

— Здесь нет тех, кто поклонится тебе, — сказал Эрик. — Но ты ошибаешься. Гарди не мой пленник. Он мой союзник.

— Я узрел, — согласно кивнул Первый ясновидец. — Мир, который покинули боги. Он давно уже мертв, Хаук. В отличие от этого. Я видел прошлое и будущее. Твое тоже. Остановись сейчас или умрешь.

Хаук раскатисто рассмеялся, и небо поддержало его громовым раскатом.

А потом хлынуло. Упругие, хлесткие струи дождя обрушились на наши головы. Одежда тут же промокла, волосы прилипли к лицу. Одна прядь на голове охотника очертила кривой шрам на его щеке, еще больше выделяя приобретенное уродство.

Кто оставил этот шрам? Неужели в пространстве миров существует кто-то сильнее Первых?

— Хочешь сказать, зверь убьет меня? Меня?! Посланника богов? — насмешливо спросил охотник, убирая волосы с лица, будто грязь смахивая. — Будет увлекательно взглянуть.

— Война не стоит смертей. Мир изменился, посмотри. Ясновидцы рука об руку с хищными выступают против тебя. И охотники поддержали их союз. Я больше не заблудший, и могу снова видеть. Остановись и ты, найди в себе милосердие воина.

— Я не воин! — выплюнул Хаук ему в лицо, и защита нашего кокона прогнулась под его ментальным напором. Стало труднее дышать, сердце забилося пойманным в силки зайцем. В глазах потемнело, или то небо спустилось ниже в попытке нас раздавить? — Я — палач. Останешься с ним, умрешь, как зверь.

— Я не боюсь смерти, — улыбнулся Гарди, и от улыбки его, как в той детской песенке, светлее стало. И дышать легче. Купол защиты не вибрировал, налился твердостью и силой. Снова. — Я видел ее — свою смерть. И то, что будет после нее. Покой. То, чего ты не познаешь, если не отступишь сейчас. Одумайся, высший. Посмотри на них... Мы здесь больше не нужны.

Хаук криво усмехнулся и поднял с земли светящееся свое оружие.

Миг — и щупальца взвились в воздух изворотливыми змеями. Еще миг — и они опустились на защитный купол хлесткими плетями. Заискрило, и капли дождя разлетелись в разные стороны.

Я невольно отступила на шаг, и кто-то взял меня за руку.

— Не бойся, — шепнул Влад мне на ухо. — Это просто охотник. Один из многих.

Я глубоко вздохнула и сжала его ладонь — сейчас мне просто необходимо было знать, что я не одна. Что кто-то понимает, что именно происходит со мной, во мне.

Что произойдет...

Охотник ударил еще раз. И еще.

— Учить меня вздумал! — выдохнул он, и мне послышалась в его голосе обида.

Гарди развернулся к нам.

— Он не станет больше слушать.

Эрик несколько секунд стоял в задумчивости, а потом кивнул.

— Хорошо, отходим.

От следующего удара, защита прогнулась, и я макушкой ощутила давление и жар от обжигающего оружия Первого.

Мы пытались. Не вышло. Так бывает.

— Уходим? Серьезно? — возмутилась Алиса. — Зачем мы вообще выходили тогда? Прячемся, как крысы! Лучше собраться и ударить вместе. Это же просто охотник.

«Не просто», — хотелось сказать мне, но я промолчала.

— Я сказал, отходим, — жестко оборвал Эрик и развернулся к дому.

Зря.

Наверное, если бы он немного помедлил, удалось бы ее остановить. Образумить. Впрочем, никто так до конца и не понял, что там произошло.

— К черту! — зло выдохнула Алиса и ударила чистым кеном. Уверена, она специально выбирала такую траекторию, чтобы пальнуть мимо меня.

Влад рванул меня в сторону, но куртку все равно задело, и кожу на рукаве сморщило, она разошлась и вспухла ржаво-черными волдырями.

Жалко. Я любила эту куртку.

А через секунду я поняла, что куртка — меньшая из зол.

Алиса действительно была сильна. Стремительна. И метко пробила столь тщательно поставленную защиту...

Прыткой змеей взвилось гибкое щупальце, проникая в дыру. Не давая залатать ее изнутри. Второе вцепилось в рваные края, растягивая. Третье вонзилось жалом в толпу растерянных нас.

— Дура, — на удивление спокойно заметил Глеб.

Защитный пузырь лопнул. Хаук улыбнулся, и улыбка эта вышла кривой, треснутой.

А потом он убил Алису.

Мир зазвенел, сузился до маленькой, скорченной фигуры, лежавшей на газоне, в грязи. До застывшего взгляда серых глаз, которые остекленело таращились в небо.

— Беги! — крикнул мне кто-то в самое ухо, отталкивая от места, на котором я стояла за секунду до того, как там молнией сверкнуло оружие охотника.

— Все в дом! Живо!

— Боги, помогите!

— Гектор, справа!

Выкрики сыпались со всех сторон, как горох из банки. Испуганные, сосредоточенные, визгливые, обреченные. Лишенные надежды, бьющиеся в агонии голоса.

Где-то на задворках сознания я понимала, что нужно бежать. Спасаться. Если сейчас погибну, остальные тоже умрут. Те, кто в доме.

Алан...

Я понимала это, но не могла сдвинуться с места. Мой мир обосновался в глазах Алисы, в которых вечным отпечатком остался образ Хаука. И тот, из глаз, казался мне намного страшнее реального, обвитого яркими щупальцами, как лозой.

Время застыло липкой смолой. Она облепила плечи, спину, руки, колени. Затекла в нос и рот, перекрыла гортань.

А потом меня из нее выдернули, резко рванув за руку, чуть не вывернув ее из сустава.

— Черт, пророчица, да беги же!

— Эрик, — рассеянно огляделась я. — Где Эрик?

Я нашла его на газоне, колдующего с Гектором над новой защитой. Чуть в стороне Даша с Никой держалась за руки.

«Беги в дом», — мысленно велел мне Эрик.

А вокруг меня падали люди. Прямо в грязь, в сочные, пузырящиеся лужи. Дождь поливал их сверху, будто пытался оживить.

Жаль, что с неба не льется живая вода.

— Кто-нибудь, защитите Гарди! — выкрикнул Эрик.

И уже на бегу, влекомая к крыльцу, я увидела ясновидца. И стоящих перед ним Рика и Лили — испуганные, жалкие, скорчившиеся фигурки, тщетно старающиеся защитить Первого. Хаук порвал их жилы на ходу, двигаясь быстро, ловко отражая удары, отмахиваясь от несущественных для него нападений.

И когда он подошел к Гарди, я остановилась, как вкопанная, останавливая и того, кто вел меня к спасительной защите дома. Шаг — и Хаук уже рядом с ясновидцем, нависает над спокойной, улыбающейся жертвой.

Мгновение, и его ладони обхватывают голову Первого — одна под подбородком, вторая на затылке. И противный хруст ломающейся шеи врывается в сознание. Он кажется странно тихим на фоне криков и стенаний, но я четко различаю его, как и удивленный вздох Иры в метре от меня и свист удаляющегося щупальца Хаука.

На глаза наворачиваются слезы — бестолковая реакция, и я понимаю это.

— Ира, — шепчу я. — Ну как же так...

— Идем, — велит Влад. — Скорее.

Я разворачиваюсь к крыльцу. До него несколько шагов, но они отчего-то кажутся марафонской дистанцией. Долгим путем, и я не уверена, что мне хватит сил его пройти.

У самой кромки защиты Алекс и Роб шепчут что-то и посылают в сторону Хаука незнакомые пассы. Прямо передо мной спины Риты и Глеба. Они бегут, держась за руки, а над ними карающим огнем — щупальце Хаука. Приближается неминуемой смертью.

— Глеб! — кричу я. Не знаю, зачем. Наверное, это бессмысленная попытка спасти, помешать убийце. Только вот крики не умеют останавливать Первых охотников...

Зато кое-что другое умеет.

Рита развернулась, раскрыла ладони и швырнула в щупальце пламенем — чистый огонь, который тут же охватил оружие охотника, заставил замедлиться. Отпрянуть. Несколько мгновений, спасающих жизнь. Шаг — и Рита с Глебом за стеной защиты, запыхавшиеся, но живые.

Три широких шага Влада и пять моих — и мы присоединяемся к ним, и я тут же утопаю в крепких объятиях Глеба.

— Никогда, — горячо шепчет он, — никогда меня так не пугай больше, слышишь!

Я киваю и плачу. Мне страшно. Холодно. Промокшая одежда облепила тело. Меня трясет. Рита плачет рядом, вернувшись в свое обычное состояние не-героини.

— Гектор! — кричит кто-то из оставшихся на поле битвы.

Глеб резко отстраняет меня, приникает к границе защиты и явно борется с желанием выскочить туда, в дождь, в бушующую стихию смерти. Бежать, уворачиваясь от пляшущих щупалец, рискнуть всем, чтобы успеть.

Ника стояла на газоне и не глядела в нашу сторону. Смотрела на Гектора с мольбой, с надеждой, а у ее ног, склонив голову, отчего длинные, светлые волосы упали в грязь, на коленях стояла Даша.

Защитница вымоталась. Дышала рвано, глубоко и тяжело. А Ника и воительница альва остались без защиты. Алекс оставил Роба и бросился к ним.

— Потомок Херсира, — усмехнулся Хаук и направился туда же.

— Чертов зверек! — выругался Богдан. Он уже стоял на крыльце, в надежных объятиях защиты, но покинул его без сожалений. Рванул вниз, под дождь, побежал к газону, разбрызгивая лужи.

Все произошло слишком быстро, молниеносно даже, но каждое движение в этой сцене врезалось мне в память.

Размашистые шаги Хаука. Губы Алекса в тонкой линии. Ладони Даши, утонувшие в грязи, в мокрой траве. Застывшие в скорбных позах головки пионов.

Пасс Алекса. Обуглившееся щупальце Первого, недоумение на его лице, сменяющееся злостью. Эмоции Хаука — карикатурные слайды.

И мне вспомнилось, что Алекс никогда не умел рассказывать смешные анекдоты. Смеялся раньше, чем успевал проговорить концовку.

В этот момент только он был на первом плане. Остальные, даже Гектор, ковылявший к ним, волоча правую ногу, даже Эрик, восстановивший, наконец, защиту, даже Богдан, схвативший Дашу за плечи, оторвавший ее от земли — «Давай, блондиночка, вставай! Ты не умрешь вот так» — даже Хаук, разом померкли, вышли из фокуса, размылись дождем.

— Ах ты мерзкий зверь! — зло выплюнул Хаук, собрал три щупальца пучком и вонзил в

жилу Алекса...

— Филипп, быстрее! — воодушевленно выкрикнул Глеб вождю хегни, когда ему оставалось пару шагов до крыльца.

Пара шагов — около метра. Но даже такие небольшие расстояния иногда решают все. Филипп упал, уткнувшись лицом в ступени, и правая его рука карикатурно закинулась за спину, которую огладило оружие Хаука.

Злость имеет цвет. Оранжевый, когда ты раздражен. Красный — когда терпеть становится невмоготу. И лишь когда злость достигает апогея, перерастает в чистый гнев, выжигая напрочь остальные эмоции, она становится белой. Ослепляющей.

Жила откликается, бурлит в венах кен, кожа горит, ладони — проводники. Кен, стекая, капает на пол — ему не хватает места в хрупком, неподготовленном теле. И ноги ступают сами — за границу, в незащищенную область, начинающуюся там, где кончаются ступени. Мимо тела Филиппа, который больше никогда не встанет.

Я бью кеном, который рвется из жилы наружу, в мир. Кену плевать на статусы. На страх. На мертвых и живых. Важна лишь цель. Левая половина грудины Хаука. Толчок, и он пятится на два шага назад. Щупальца опадают, и охотник переводит удивленный взгляд на дом. На меня.

В душу медленно вползает страх — осторожной, крадущейся кошкой, но гнев выжигает его вмиг. Удар — и белый кен Барта схлестывается с горящими праведным огнем щупальцами над головами замерших во дворе, не успевших спрятаться людей.

— Фига се, — сказал Глеб у меня за спиной, и я поймала изумленный взгляд Эрика. А потом потерялась.

Был лишь кен Барта и щупальца Хаука. Две стихии. Две силы. Остальное стало далеким неважным, пустым.

Первым пришел в себя Богдан, рванул, втаскивая обмякшую Дашу на крыльцо.

— Бегите! — выкрикнул Эрик оставшимся без защиты, и они побежали. По лужам, под проливным дождем, под куполом из переплетенного нашего с Первым оружия.

Я подняла голову к небу. Красиво. Серое, клубится, бушует, льет воду, и хорошо от этого так. Задорно. Небо слышит, я говорю с ним, с грозой, и она отвечает, гремит, соглашаясь, что вся эта битва — безрассудство. Только гроза понимает. Злится. Скалится молниями, бормочет проклятия грозowymi раскатами.

«Поняла, наконец?» — звучит в голове ласковый голос Барта, и я киваю. А потом отбрасываю и это. Есть только я и небо. Больше ничего. А еще пучок щупалец Первого, от которого отделяются несколько и направляются вслед за бегущими к дому.

Все происходит медленно и быстро одновременно.

— Помоги, — шепчу я небу, и оно откликается. Рвется ровно посередине, выпуская острую молнию. Она бьет четко в Хаука, и щупальца, вздрагивая, опадают. А сам Первый валится в грязь — сначала на колени, затем заваливается набок и замирает.

Люди пробегают мимо меня, поднимаются по ступеням, втаскиваются в дом, и я тут же понимаю, как их мало. От нашей армии осталась горстка. Двор усеян телами, как спелыми яблоками. Алиса там, среди этих тел, с укором смотрит застывшими глазами на Хаука.

Меня втягивают за границу защиты, Эрик обнимает, берет в ладони лицо, трет щеки. Они холодные. Мне холодно. Вроде бы... Пусто. И надежды нет.

Потому что охотник поднимается — что ему мои молнии. Что ему все молнии мира, ведь он почти бог! Он идет медленно, и его лицо кривит гримаса злости вперемешку с

отвращением. Он смотрит на меня. Остальные, кажется, не интересуют Первого больше.

Он подходит так близко, что я могу рассмотреть каждую пору на его грубом, скуластом лице. Шрам уродливо пылает, заползая под темную бровь.

Он останавливается в шаге от ступеней.

— Ты умрешь в муках, — обещает мне, а затем разворачивается и уходит к саду.

Я смотрю ему в спину и думаю о том, что он прав. Теперь я точно умру.

Странно, но именно сейчас нестерпимо, до слез хочется жить.

Глава 18. Последняя ночь

Стемнело как-то быстро.

И тени ползли по полу, стелилась стылая мгла, обнимая холодными руками озябшие плечи.

Тьма шептала. О том, что выхода нет. О том, что все мы здесь умрем, и наши тела съедят черви, а души... Есть ли они? Есть ли в этом всем какой-то смысл?

Лидия плакала так громко, что ее рыдания были слышны из кабинета в гостиной. Последователь Гектора закрылся там с ней в надежде успокоить.

Она кричала. Звала отца в то время, как его тело осталось во дворе, в грязи. Мы оставили их там — погибших за нас. Сбежали, как предатели. Спрятались тут. Надолго ли?

Говорить боялись. Молчали, склонив головы. Самые смелые шептались, и шепот этот в пропитанной тьмой и тишиной гостиной казался неприличным.

— Что теперь будет?

— Что там было?

— Кто-то понял, что она сделала?

— Мы можем это использовать...

— Поздно!

Подоконники облепили, не сговариваясь. Смотрели сквозь стекла на остывшую непогоду и мелкий, морозящий дождь. На погибших, скорчившихся в неестественных позах. На лужи, которые заполняли пространство между телами.

Я подошла только один раз. Взглянула на Филиппа и отвернулась. Нельзя думать, что он погиб из-за меня. Нельзя... Почему тогда думается? Что все они... Возможно, если бы я не ждала, а действовала, все сложилось бы по-другому. Я могла убедить Лив найти Хаука раньше. За стенами этого дома.

Могла. Но не сделала этого. До последнего надеялась на Гарди.

И все закончилось так, как закончилось.

К девяти приехал Тимофей, а с ним еще пять человек. Тела убрали. Увезли или же закопали где-то — не знаю. Я не спрашивала. Влад о чем-то долго говорил со своим поверенным, а затем люди уехали. И тишина снова опустилась пыльной паутиной. Опутала. Безысходностью приходящего будущего. Неотвратимостью судьбы, от которой как ни беги, все равно не убежишь. У судьбы были глаза Гарди — грустные и исполненные вселенского понимания. Правды, от которой не спрячешься.

Такой ты видел свою смерть, Первый?

Нужно быть сильной и принять то, что предназначено, сказала я себе. Принять такое трудно. Особенно после случившегося. Ощущение могущества, когда небо слушает тебя, откликается, когда небо с тобой и за тебя, пьянило. Могущественные всегда побеждают. Они не приносят себя в жертву. Не уходят вот так — тихо, незаметно.

Они живут. Светят. На них смотрят, на них равняются, их приводят в пример.

— Без Гектора нам не хватит сил удерживать защиту в таком большом доме, — сказал Эрик, когда все живущие в особняке скади собрались в гостиной — притихшие и испуганные. — Влад предложил свой дом, и завтра мы планируем большое перемещение.

Это тоже было знаком, понятным только мне и, быть может, Лив. Ее взгляд я поймала,

и он был красноречивым.

Завтра все закончится.

Молчание согласных на все, лишь бы спастись, было ответом Эрику. Поникшие головы. Опущенные уголки губ. И беглые, испуганные взгляды, брошенные на стекло, за которым притаилась ночь. И Хаук.

Лидия успокоилась, сидела, уткнувшись взглядом в колени, и практически не шевелилась. Только Аделаида — молчаливая жена Филиппа — плакала. Беззвучно, обняв себя за плечи. Хегни обступили ее спину и скорбно молчали.

В другой части гостиной молчал Влад. Рассматривал каминную полку и тер пальцем медные подсвечники, будто они были волшебными лампами, из которых, если потереть, вылезет джин. И исправит то, что мы не смогли.

— Это неправильно, что она погибла, — сказала я тихо, так, чтобы никто не слышал. — Тебе нужно было спасти ее, а не меня.

Это было бы честно. И по закону.

Честность Влад не оценил. Развернулся и сверкнул на меня злым взглядом.

— Давай, ты не будешь решать, что мне делать, хорошо?

— И не претендую. Ира была мне другом, если ты забыл.

— Тут чертова туча твоих друзей. Половина гребаного дома! И те, кто остался на улице — тоже.

— Почему ты злишься? Разве я хотела, чтобы так вышло?

— Ты хочешь другого. Но от этого не легче, — бросил он через плечо и отошел от меня, будто я была виновата.

Я и была. Наверное. Но думать об этом — означало сдаться, а такой роскоши я позволить себе не могла. У меня было племя. И ответственность перед людьми.

Думать об этом было опасно, но необходимо. И если бы я тогда не испугалась собственной слабости и не отбросила разговор с Владом, как иные наши разговоры, в которых всегда находился какой-то смысл, все сложилось бы иначе. Но Барт не зря предупреждал, что некие события не может предсказать даже сильный провидец сольвейгов. Некие события просто случаются. Все, что мы можем, просто пережить их.

Что нас не убивает, делает сильнее.

Но что, если оно убивает?

О смерти думать было еще опаснее. К тому же, живые требовали больше внимания. Например, те, кто чуть не погиб и выжил лишь чудом.

— Где Даша? — спросила я Роберта, перехватив его на лестнице. Жрец был хмур и сосредоточен и поначалу даже не заметил меня. Провожал взглядом жену, которая колдовала над входной дверью.

— Наверху, с охотником, — бросила через плечо Лара, даже не обернувшись.

Роберт поморщился и шумно выдохнул. Постоял, что-то разглядывая у себя под ногами, затем повернулся и пошел наверх. Проверять Дашу, видимо. Она сегодня сильно выложилась, и ей не помешало бы пополнить силы.

Если бы кто-то мог в этом помочь... Теперь, когда Гектор мертв, вряд ли мы будем расходовать кен ясновидцев на восстановление хищных. Нужно держать защиту, пока она еще держится. Потом ставить новую — в другом доме.

А это значит, что спасение истощенных — дело самих истощенных. Надо найти Эльвиру, чтобы сварила карое.

Я ошиблась, Роб не искал Дашу. Он вообще никого не искал и, казалось, заикнулся на внутренних мыслях и переживаниях — долго стоял на площадке перед коридором, затем перепутал дверь собственной спальни. Когда же он скрылся за нужной дверью, возможность наблюдать за ним исчезла, и я вспомнила о Даше.

Она открыла через несколько секунд после того, как я постучала. Растрепанная, с горящими глазами и совершенно отрешенная. Простыня, в которую она замоталась, слезла с левого плеча, обнажив загорелую кожу.

— Я в порядке, — выпалила она и обернулась, будто ее могли подслушать, уличить в этом непотребстве и пожурить.

— А так сразу и не скажешь. На улице...

— Все хорошо, — перебила она. — Честно.

А затем выглянула в коридор и обеспокоенно поинтересовалась:

— Где Эрик?

— Внизу. Планирует перемещение. Что с тобой?

Она вздохнула. Опустила глаза и отчего-то покраснела.

— Я не одна.

— О... — сказала я. А потом до меня дошло. — О!

— Вот так вот, — выдохнула она, по-прежнему не глядя в глаза.

— С ума сошла, — кивнула я, не в силах отойти от шока. Даша чуть не погибла, а близость смерти меняет сознание — мне ли не знать.

Однако некоторые помутнения могут привести к летальным исходам. Такие, например, как любовь с охотниками.

— Послушай... — вздохнула Даша и подняла глаза. На этот раз к потолку. — Я знаю, что делаю. Гарди не только вам пророчил.

— Тебе тоже? О Богдане?

Кивок. И вздох — усталый, в нем горечь и смирение. А еще — надежда. Это то, что мешает ей сдаться.

— Он — охотник, Даша. Это всегда убивает.

— Не всегда. Лазейка есть, если в тебе частичка Первых. Например, кровь.

— Кровь Херсира! — догадалась я, и от этого догадки стало дурно. Отчего-то вспомнился Мишель. Если бы он тогда знал, что я... что у меня... Не была бы его просьба более... личной?

Даша кивнула, натянула простыню на обнаженное плечо и просочилась в комнату.

— Не говори Эрику, — бросила уже из-за двери, а затем захлопнула ею у меня перед носом.

Во дела!

Впрочем, чему я удивляюсь? Мир будто треснул с приходом Первых. Словно чертов портал пробил в нем щель, и сквозь нее в город просочилась иная, абсурдная реальность. В этой реальности мужчины прощают измены, трусливые сестры дерутся с сильнейшими врагами, ясновидцы добровольно дают свой кен, чтобы защитить хищных, а хищные спят с охотниками.

И мне на минуту показалось, я нырнула в нору в погоне за белым кроликом, а теперь лечу, и в полете со мной творятся странные вещи. Даже страх, который еще утром был почти неуправляемым, иссяк. Просочился, видимо, в ту же щель. Нужно же и нашему миру делиться с тем, иллюзорным. Вот и приходится кормить его страхом и жизнями родных.

Единственное, что казалось мне настоящим, неизблемым и вечным — это Алан. Тем вечером он категорически отказывался ложиться спать, капризничал и мало ел. Будто чувствовал то, что я хотела от него скрыть. А когда усталость все же сморила, он уснул, прижимая к себе плюшевого медведя. А я смотрела на него, не в силах оторваться, и с каждой секундой желание послать все к черту, включая всякие миссии по спасению человечества.

Кто я здесь, в этой комнате, рядом с сопящим ребенком? Мать. Всего лишь. Однако выйдя из детской, я снова стала собой. Будто судьба притаилась в коридоре бесцветной сетью, зависла над проемом двери, и, когда я оказалась вне стен комнаты, опутала меня снова.

С ней вернулось одиночество. И тогда я поняла: Дэн был прав. Сегодня и сейчас, на пороге неизвестности, я одна. Никто не станет рядом со мной, не разделит со мной эту миссию.

Впервые по-настоящему одна.

Страх сводит внутренности, а грудь распирает свобода. Усталость на пределе красной линии, вот-вот ее пересечет, и, наверное, это правильно.

У меня есть еще немного времени. Целая ночь, чтобы...

Щупаю плотные темные занавески в нашей с Эриком спальне. Сизое покрывало, хранящее наши смешанные запахи. Провожу пальцем по отполированному дереву комода. Касаюсь рельефных стен.

Темно. Спокойно.

Отворачиваюсь к окну и смотрю в ночь. Она смотрит в меня провалами окон.

Когда входит Эрик, я прикрываю глаза. Несколько мгновений, и теплота его ладоней обжигает плечи, вползает под кожу горячей лавой.

Мне будет не хватать этого там, в моем выдуманном мире. Зато там есть теплый песок и волны, лижущие ступни. А еще покой. Мне кажется, я заслужила.

Дом уснул. Затихли стены молчаливыми стражами. И крыша накинута на домочадцев уютный купол. Иллюзия безопасности успокаивала, позволяла расслабиться.

Получилось. Отпустили переживания, страхи отползли, оставляя на полу липкие следы беспокойства, но и его выжег Эрик.

Он смотрел. Пристально, глубоко, и от взгляда его становилось горячо в груди. Душно. Сердце билось гулко и дышать было тяжело. Будто бы тот взгляд что-то значил — что-то важное — но я не могла понять, что именно.

Вопросы застревали в глотке — пошлые, ненужные, пустые. Молчание исцеляло душу, потому я молчала. Он тоже молчал. И наш безмолвный поединок взглядов, казалось, длился вечность. И столько еще продлится.

Ветви старого клена царапались о кованые перила балкончика.

Было тепло. Спокойно. Время замерло, пространство вокруг надулось пузырем, пряча нас за крепкими прозрачными стенками от остального мира. От охотников и смертей, от недопониманий и предательств. От отчаяния, скребущего в дверь острыми когтями на корявых пальцах. От будущего, приближающегося неумолимо.

И мне показалось, время сжалилось, остановилось ненадолго. Я старалась не дышать, чтобы не спугнуть эту милость — наверное, последнюю милость в своей жизни.

Дыхание в такт. Стук сердец. Звуки законного мира, который не мог ворваться внутрь, нарушить, расплескать то последнее, что у нас осталось.

Не отвлекаться на ненужные мелочи, ценить главное.

У него шершавые пальцы. Ямочка на подбородке. Полупрозрачные глаза, которые в непогоду темнеют. Мягкие волосы шелком по подушке. Теплая улыбка. Горячее дыхание. Карамельный запах, сладкий, пьянящий. Наша кровать длиннее стандартных размеров, потому что иначе его ноги не помещаются, и пятки висят в воздухе.

Когда он смеется, мне тепло.

Кажется, это все, что нужно помнить.

Или нет?

Когда он расстроен, он хмурится. Когда сосредоточен, теревит мой мизинец.

Он любит морепродукты, булочки и теплый песок. Странно, что я знаю это — мы никогда вместе не были на пляже...

Он любит море в шторм. Высокие волны. Крепкий и сладкий кофе. Психологические фильмы.

Шахматы.

Все это я перечисляю, чтобы не забыть, чтобы взять с собой... туда, где я буду. Отпечатать в памяти так, чтобы даже смерть не затерла.

Получится ли? Во всяком случае, я попытаюсь.

Как ни старайся, время не удержишь. И вот уже утро мажет по небу сизыми полосами, проявляя мир, как фотографию. Комната наполняется красками постепенно. Очертания предметов становятся четче, и вот глаза Эрика уже обретают небесно-голубой оттенок. Он смотрит, не моргая, и руку сжимает крепко. И я думаю, что лучше прощания и не придумать.

В конце концов, скоро все закончится. Для всех. И, как оказалось, для некоторых очень благополучно. Наверное, этот мир не так плох, если даже в моменты отчаяния некоторые находят время для радости. А для некоторых даже несовместимость видов не стала помехой.

Интересно, у Даши и Богдана что-нибудь получится? Может ли получиться? Не все охотники злы на хищных, а даже если злы, впечатление всегда может измениться. Андрей ведь поменял, значит, и Богдан сможет. А если так, то, возможно, их отношения...

Взгляд Эрик вспыхнул. И глаза потемнели сразу, а ладонь стиснула мою крепко — даже суставы хрустнули.

— Что значит, отношения, Полина?

И тут я поняла, что ночь окончательно ушла. Время понеслось галопом, волшебство рассеялось, а мои мысли стали слишком громкими даже для такой огромной спальни.

— Ты можешь хотя бы сегодня этого не делать? — недовольно спросила я, высвободила руку и села на кровати. Стало немного обидно, что все так резко закончилось. А ведь могло быть еще несколько драгоценных минут...

— Не уходи от темы. Имелись в виду отношения... с охотником?

Он даже запнулся, будто выплюнул окончание фразы.

Я вздохнула.

— Идет война, Эрик. Твоя сестра — взрослая женщина. К тому же Гарди сказал...

Что сказал Гарди, судя по всему, никого не интересовало — Эрик исчез быстрее, чем я успела моргнуть.

Вот и попрощались. Хорошо еще, что в тот момент я не думала о...

Впрочем, об этом сегодня не стоит. Еще один обычный день. Пусть так и будет до самого часа «Икс».

В коридоре шумно стукнула дверь — видно, Эрик выдворяет Богдана, или, еще чего

хуже, убивает. Странно, но думалось об этом легко, мысли текли плавно, размеренно, будто Эрик выскользнул, а я так и осталась в границах защитного пузыря вневременья.

Ненадолго. На пару минут.

Я закрыла глаза и откинулась на подушку.

Глава 19. Одинокая птица

Лив казалась подростком. Хрупкие плечи, выпирающие ключицы, большие распахнутые глаза, в которых плескался испуг. Тонкие запястья, торчащие из широких рукавов шелковой блузы, что явно была ей велика.

Наигранная наивность, ведь не может наивным оставаться тот, кому несколько тысяч лет.

Дэн держал меня за руку. Наверное, чтобы подбодрить. За это я была ему благодарна.

— Не нужно объяснять, — резко сказала Лив, когда я хотела озвучить конкретный план. — Говорили уже. К тому же Гарди дал мне четкие инструкции. Накануне...

— Хорошо, — согласилась я и посмотрела на Дэна.

Он кивнул.

Время почти настало.

Дом опустевал постепенно. Сначала ушли сильные защитницы и ясновидцы, умеющие ставить защиту Гектора. За ними последовали целители, жрецы и охотники. Воины остались до последнего — на всякий случай, если вдруг защита истончится раньше, и Хаук войдет.

Влад помогал людям обустроиться в доме атли, Мирослав, Эрик и Дэн занимались телепортацией, а мы просто ждали.

В середине дня они устали. Вымотались настолько, что остались на полчаса отдохнуть в осиротевших стенах. Мирослав стоял у окна, на подоконнике остывал свежесваренный кофе, к которому он так и не прикоснулся. Вождь альва смотрел в окно. На высыхающий асфальт и газоны. На молчаливые фонари, который склонили головы-плафоны, будто скорбя по погибшим.

Я знала, что он там видит. Бурю, плескающую с неба водой. Панику, что гонит человека сильнее, чем охотник загоняет дичь. Подламывающиеся колени. Стекленеющие глаза.

И смелого мужчину, заслонившего грудью истощенную женщину. Мужчину, который погиб, как настоящий воин.

— Он моим другом, — сказал Мирослав, не оборачиваясь, будто знал, что я стою у него за спиной, боясь подойти, поддержать. Сказать пошлые, пустые слова. Слова все равно не вернут Алекса. Как и остальных. Мы оба это понимали. — Настоящим другом. Не только жрецом.

— Знаю... — слово царапнуло горло, будто наждачная бумага.

— Он погиб напрасно. Все равно это нас не спасло. — Он повернулся ко мне — осунувшийся, постаревший, усталый вождь. — Скольких мы потеряем завтра, пока сами погибнем? Он убивает сильных, а значит, Майя...

— Майя будет жить! — перебила я и шагнула к нему. Его плечо напряглось, когда я коснулась его. А взгляд выдавал недоверие. Он не верил в то, что я говорила, хотя именно в это ему хотелось верить больше всего.

Настоящие потери страшнее опасений.

— Ты сильная. — Он вздохнул и снова повернулся к окну. — Но это уже неважно.

— Я обещаю, Мир. Майя будет жить.

Как и все остальные.

Теперь я понимаю, что имел в виду Барт, когда говорил об ответственности за

сольвейгов. Бывают моменты, когда тебя будто не существует. Существуют роли. В племени у каждого — своя. А у меня, как у одиночки — особая роль.

В конце концов, я всегда чувствовала себя здесь немного лишней...

Только дом, с которым я случайно сроднилась, понимал меня. Высокие потолки, серые стены, пропитывающиеся одиночеством и тоской. Скрипящие ступени. Массивные резные двери. Витиеватые шляпы люстр.

Я касалась вещей в этом доме и становилось легче. Эти вещи, эти стены, светильники, каминные пасти — все они увидят то, что для скади останется за кадром. Племя увидит только результат, в то время, как дом будет следить за процессом.

Оттого родственность его стен чувствовалась еще сильнее.

Стемнело быстро. То ли из-за туч, то ли просто вечер накрыл особняк, а я и не заметила, как он подкрался. Опустевший дом впускал темноту охотно, будто ему нужно было заполнить место, освободившееся после ухода его обитателей. Тьма вползала послушно, ластилась к стенам, лизала пол, сворачивалась у кресел в уютные, плотные комки. Улыбалась комковатыми, пухлыми улыбками.

Тьма ждала. Она знала, что сегодня ей будет тут чем поживиться. Тьма смотрела на меня, как на добычу. Стервятница.

Я не боялась тьмы. Как, впрочем, не боялась больше того, кто обещал мне мучительную смерть. Страх — не безграничная эмоция.

В отличие от неких иных, вызванных непонятно чем, но контролирующими наши шаги, пульс, скорость реакции, а иногда и сами эти реакции, поворачивая все с ног на голову, меняя ход событий, строя новые истории.

— Ты будто прячешься здесь.

Наверное, так и было, но от Эрика не спрячешься. Это его дом, и, несмотря на то, что я чувствую поддержку его стен, сам дом слушается Эрика лучше. И тьма отползает, шипя, от его ног.

— Пора.

Полумрак. Серый свет непогоды из окна выбелил лицо Эрика, заложил тени на скулах, очертил переносицу, отчего весь образ выглядит несколько гротескно.

— Я готова, — отвечаю, убеждая скорее себя, чем его. И выдох выходит тяжелым, нервным. Секунды падают, осыпаясь, нам под ноги. И я понимаю, что без толку их собирать. Время утекает песком сквозь пальцы. Мое время, но меня почти нет, так что это нестрашно. Я ушла. Растворилась в белой ярости, подаренной Бартом. Она сильнее меня. Я чувствую, как она рвется наружу, раздирает жилу. От нее вспухают вены, и горят ладони.

Она чувствует приближение своего часа. И медленно убивает меня во мне. Потому что я слабее, потому что слабым нет места там, куда я иду.

— Хорошо.

— Полина...

Его голос ласкает мое имя. Наверное, в последний раз, но мне все равно, я наслаждаюсь, прикрывая глаза, отключая все органы чувств, кроме слуха.

— Я хочу, чтобы ты забыла все плохое. Все, что было между нами... прошло. Обещай мне.

— Обещаю, — отвечаю выдохом. Прислоняюсь к его груди, подавляя панику. За последние годы я научилась этому хорошо.

— Надень. — Эрик отступает на шаг, и шею холодит широкая полоска серебра. Амулет

весомо ложится на грудь, прикрывая место, где стучит сердце. Словно броня. — Обещай, что не станешь снимать.

— Обещаю, — повторяю, как молитву.

— Умничка.

Поцелуй в лоб. Целомудренный, слегка отстраненный. Будто Эрик нарочно отгораживается, ставит невидимую стену между нами. Надеюсь, эта стена поможет ему выстоять, когда меня не станет.

— Идем. Пора.

Его ладонь находит мою. А через мгновение дом растворяется, стены теряют очертания, провал окна сменяется бежевыми обоями. Свет на миг ослепляет, и я жмурюсь и моргаю, отгоняя отголоски тьмы, оставшейся в доме скади.

Дом атли встречает меня суетой и гомоном голосов. Он слишком мал для большой толпы испуганных хищных, охотников и ясновидцев. Дом почти трещит по швам, но терпит.

Я теряю Эрика, его уводят текущие дела и заботы, и я с сожалением думаю, что мне не хватило прощания. Хотя, если бы оно затянулось, не уверена, что не сорвалась бы. Поэтому так даже лучше.

Оглядываясь, ища в толпе Дэна и Лив. А когда нахожу — они стоят в стороне и смотрят в мою сторону — киваю.

Пора.

Каждый последующий шаг дается тяжелее предыдущего, но их не так много осталось — этих шагов. Я на удивление быстро достигаю цели, Дэн вздыхает и берет меня за руку, вторая рука держит ладонь Лив. Она трясется, но храбрится, стараясь не выказывать страх.

Держась за руки и молча, мы удаляемся в темный коридор, а из него попадаем в кабинет, куда пока еще не добрались отголоски шумящей толпы.

— Готовы? — спрашивает Дэн, хотя не ждет ответа — он очевиден. Лив достает из ножен ритуальный клинок, сжимает тонкими пальцами рукоять.

Я успеваю задержать дыхание, свет смыкается за спиной, схлопывается безопасный мир, и мы возвращаемся обратно. Тьма снова шипит, но теперь уже ликуя. Тьма видит желанную добычу.

Дэн выпускает мою руку и руку Лив.

И я буквально слышу, как звенят остатки защиты — еще немного, и она сломается. Охотник прорвется внутрь.

— Уходи, — велю я Дэну. — Времени почти не осталось.

Ловлю его отчаянный взгляд, читаю в нем желание послать всех и все и вновь схватить меня за руку. Увести, спрятать. Инстинкт вождя — защищать своих людей.

— Иди, — шепчу я ласковее и глажу его по плечу. Сознание почти заволкло белым, но я еще умею чувствовать. — Сбереги их. Так хотел Барт.

Он нехотя кивает.

— Если ты увидишь его там... если вдруг...

— Хорошо. Я скажу.

Еще один вздох и один взгляд — последний мой шанс передумать.

А потом мы остаемся с Лив одни в огромном пустом доме. Она смотрит на меня решительно и яростно. И крепко держит нож.

Это все, что у нас осталось.

Тихо.

Время стекает по стенам, обнажая их — девственно чистые, лишённые защиты. В воздухе звенит напряжение и страх Лив. Она спряталась в коридоре, ведущем в кабинет, оставляя мне гостиную — пустынную, пугающе огромную для меня одной. Дверь зловеще скалится, и я не могу отвести от нее взгляда. На двери все еще трещины — отголоски другой беды. Следы Крега, которые уже не стереть. Его приход стал началом всего этого бедлама.

Странно, но тот страх уже забылся и кажется несущественным, глупым даже. Вообще страх смерти глуп по своей природе. Ведь когда она наступит, уже нечего будет бояться...

Защита звенит, идет трещинами ее купол, и в дом втекает внешний мир.

Тихо. Тишина обжигает. Ожидание невыносимо, и я считаю подсвечники на каминной полке.

Меня скрывает тьма. Обнимает и словно прячет от охотника услужливыми тенями. И когда дверь открывается, скрипя, на миг мне кажется, он может меня не заметить.

Сердце стучит, и стук этот глушит гулкие шаги ботинок Хаука. Шаг — и половица скрипит, предупреждая. Будто вопит мне: «Беги!». Стою. Заставляю свои ноги прирасти к полу, сливаюсь подошвой кроссовок с паркетом.

Еще один шаг, и я подавляю полуистеричный вздох ладонью.

Я — стена. Стена между миром, который я люблю, и смертью. Нужно помнить только это. Помнить. И не бояться.

Поднимаю кен в жиле, заставляю проснуться заемный, а с ним и белую ярость. Прогоняю в голове давно отрепетированный сценарий.

Быть близко к охотнику, когда он порвет мою жилу. Только так и только тогда будет несколько мгновений, когда он станет уязвимым. Когда исчезнут светящиеся щупальца. Пары мгновений мне хватит, чтобы поставить печать. Пара мгновений у меня будет до...

Главное, чтобы успела Лив.

— Я чувствую тебя, — спокойно говорит Хаук, остановившись посередине гостиной, в нескольких шагах от пологой тени, которые тщетно старались меня укрыть. Хищному не скрыться от охотника в сумраке. Если только ты сам не настолько стар. Это наша единственная надежда. Потому что если он заметит Лив, наш план провалится.

— Древняя кровь. — В его голосе — торжество. От тона этого голоса у меня дрожат колени. — Покажись.

Я даю себе последнюю секунду на вдох. Будто воздух может добавить мужества. Или я просто не готова перестать дышать?

Кен Барта поднимается от живота к груди, и внутренности вспыхивают, плавятся, переплавляя меня в нечто иное. Нечто, о чем написано в книге предсказаний Арендрейта. В оружие.

Кен ведет меня, направляет. Он выжигает последние сомнения и крупницы страха. Я крепко сцепляю зубы и делаю шаг вперед...

...Странно, но, когда все идет не так, как задумано, первое, что ты чувствуешь — растерянность. Даже когда ты чертовски силен и, кажется, можешь горы свернуть, разрушить все преграды на своем пути, порвать оковы.

В такой момент ты и подумать не можешь, что тебя остановит человек. Сильный, да, но не сильнее тебя. Потому что ты — оружие богов. Ты, а не он...

Но он оказывается сильнее. Рука поперек живота. Ладонь закрывает мне рот. Пытаюсь вырваться, но руки держат крепко. Получается обернуться, чтобы увидеть лицо того, кто посмел, кто помыслить даже смог, чтобы помешать.

И... не удивляюсь даже.

— Тише, — велит Влад. — Не дергайся.

Он что, не понимает, к чему это все? Что мы все умрем, если помедлить хоть секунду?!

Я пытаюсь закричать, но лишь прикусываю его ладонь, которую он буквально вжимает мне в лицо, утаскивая меня дальше в тень.

А потом я понимаю.

Стою, ведомая, на грани осознания, что сейчас произойдет. Не в силах ни помешать, ни примириться. Потому что это страшно. Самое страшное, что могло произойти со мной, неминуемо приближается.

— Вот он я, — отвечают Хауку с нижних ступеней лестницы. А потом тьма выпускает еще одного человека, которого прятала.

Пара шагов от Хаука до Эрика.

Пара шагов до моего провала.

И я замираю, не в силах пошевелиться, замороженная движениями Эрика, плавными, уверенными. Выражением его лица, которое становится вдруг понятным. И как я не заметила раньше? Все же было очевиднее некуда!

Он скользит по паркету, приближаясь к Хауку, и боковым зрением я улавливаю тень, скользнувшую из коридора.

Лив тоже знала. Все знала с самого начала. Как и Гарди.

А я снова попала в ловушку собственной самонадеянности.

Злость заполнила меня до краев. Я рванула в сторону, пытаюсь высвободиться из удушающих объятий. Пока еще есть время что-то изменить, исправить...

Грудь обожгло. Кен Барта всплеснулся в жиле и ушел, как вода уходит в трещину. Чертов амулет! Попыталась высвободить руку, чтобы сорвать его, но Влад держал крепко.

Глаза обожгло слезами обиды, горло перехватило спазмом.

Эрик обернулся всего раз, когда до Хаука оставалось всего полметра. В тот самый момент, когда змеящиеся щупальца взметнулись над его головой.

Последний взгляд во тьму, что прятала меня.

Мгновения стекают по стенам на пол, и я жалею, что не умею останавливать время. Отматывать назад.

А потом глухой стон глушит мир. Реальность меркнет, сквозь туманную дымку я вижу, как голова Хаука откидывается назад, как втягиваются в жилу смертоносные щупальца. Как ладонь Эрик ложится ему на живот. Легкое движение — и на жиле охотника стоит печать. Намного проворнее и быстрее, чем это получилось бы у меня.

Хаук не успевает даже удивиться, как в спину ему входит нож. Как раз на уровне жилы. Он распахивает глаза, покачивается, а затем медленно распадается серым прахом. Лив проявляется в этом пепле похожая на чертова Феникса. Он осыпается ей на плечи, путается в волосах, оседает на кистях, которые все еще так же крепко сжимают нож.

Я не замечаю момента, когда падает Эрик, и прихожу в себя, когда он уже лежит у ног Лив, неподвижный, беспомощный. И кен Барта восстает снова. Придает сил. Рывок, и вот меня уже ничего не держит, только воздух и возможности собственного тела, мешающие бежать быстрее.

Колени больно ударяются о пол, но мне все равно. Боль не имеет значения больше.

Касаюсь ладонью груди, стараюсь уловить отголоски дыхания, размеренный стук сердца. Тщетно.

— Эрик... — вырывается с выдохом.

Мгновение. Еще одно.

Глупо, что я дышу, а он нет. Жизнь не может быть настолько глупой.

— Пожалуйста...

Тишина. И мгла вьется вокруг нас. Тьма ждет своей жертвы, крадется и ластится, прося отдать ей то, чего она ждала.

— Эрик! — уже кричу, и тьма отползает, шипя и скалясь. И чтобы отогнать ее еще дальше, я хлестко бью Эрика по щеке. Будто это магическим образом может вернуть его к жизни. — Не. Смей. Меня. Бросать.

Тщетно. И тьма понимает это. Единственный шанс остановить ее, уберечь Эрика — выжечь все вокруг.

Я кричу, зажмурившись, сжимая безвольную, но все еще теплую ладонь. Кричу, что есть силы. Если сильно крикнуть, возможно, боги услышат, сжалятся, исправят то, что я не могу...

Где-то далеко, в реальности трескаются стекла, осыпаются на пол. Стонут стены старого дома, скорбя со мной вместе. Гудит ветер в трубах, стучит от сквозняка входная дверь.

— Пожалуйста... — шепчу, обращаясь непонятно к кому. Горло болит, от крика, наверное. — Пожалуйста...

А вокруг все белое, и мира не видно.

Ничего...

Нет...

Совсем.

Больно в груди. Или то снова амулет жжется?

— Полина.

Звуки из внешнего мира возвращаются неохотно — кокон, в который я спрятала нас с Эриком, надежно защищен от жестокой реальности. В нем я могу оживить его воспоминаниями, прикосновениями, звуками, запахами.

— Поля...

Злюсь теперь уже на того, кто этот кокон рушит. Сознание, наконец, находит виновного. И я бью, не оборачиваясь, что есть силы. Позади что-то падает, кроша осколки.

Мне все равно. Эрик еще здесь — это все, что у меня осталось.

Несколько вдохов до того, чтобы поверить: все кончено.

— Он мертв.

Лив говорит это легко, и я снова срываюсь. Кричу. Бью, не целясь, невпопад. Мне нужно что-то делать, драться, кричать, чтобы не дать себе времени опомниться, осознать...

— Полина, он мертв.

Короткое слово. Острое. Оно режет по живому, вспарывает прочный пузырь, в который я себя спрятала. На меня обрушивается мир — темный, тяжелый, громкий.

— Убирайся! — огрызаюсь я, оборачиваясь.

Влад ранен. Рукав рубашки изорван, кожа на руке пузырится ожогами. Задела-таки. Только задела. Жаль. Нужно было целиться, а не бить наобум.

— Ты. Должна. Жить.

Жестокие слова. Он всегда говорит их мне. Талдычит с самой первой нашей встречи.

— Ненавижу. Ненавижу тебя!

— Знаю, — соглашается. Слишком спокойно признает это. Спокойствие хочется стереть с его лица, и кен Барта снова оживает во мне, заволакивая реальность белесой дымкой ярости. — Но это было не мое желание. Так хотел Эрик.

Ярость выключается, словно по волшебству. Опускаю взгляд. Спокойное, умиротворенное лицо. Все еще теплая рука. Вторая откинута в сторону. А сам он будто бы спит. Сейчас дрогнут ресницы, дернутся веки, он откроет глаза...

И все будет хорошо.

Не будет. Нельзя себя обманывать. Я сама виновата во многом. Если бы я сказала ему... если бы...

— Эрик хотел, чтобы ты жила, — говорит Влад уже мягче и кладет руку мне на плечо.

Слезы катятся по щекам — запоздалые, бессмысленные слезы.

— Я не хочу. Не буду... без него.

— И не надо, — успокаивает ядовитый голос. Я понимаю, что нельзя слушать, верить, но подсознательно все равно вслушиваюсь в каждый звук. Потому что в ядовитом голосе — уверенность. — Не надо, слышишь.

Сильные руки вздергивают меня, и я выпускаю руку Эрика. Ладонь фиксирует мой подбородок, заставляя поднять взгляд. Глаза Влада горят непонятным мне огнем, и в сознании мелькает мысль, что он сошел с ума.

Впрочем, все мы немного сумасшедшие...

А потом он говорит то, во что мне хочется верить больше всего:

— Мы вернем его. Обещаю.

И я верю.

Потому что у меня останется без этой веры?

Ничего.

На полу битое стекло осыпавшихся окон отражает свет уличных фонарей.

Глава 20. Осколки вещей снов

Иди, говорю я себе. Не бойся. Ничего ужасного в темноте нет.

И не могу сделать и шага, потому что боюсь. С того вечера, когда погиб Хаук, во мне проснулась новая фобия. С приходом сумерек сердце начинает биться быстрее, и руки дрожат. Потееют ладони. Дышать тяжело, и я невольно тянусь к горлу, будто могу облегчить свою участь, освободиться прикосновением.

Это состояние длится до момента, пока я не включу все светильники в комнате и не задерну шторы. Пока не изгоню тьму из каждого угла, закоулка спальни. Тогда у меня получается успокоиться и уснуть.

А во сне тьма настигает меня. Снова.

Иди!

Узкий коридор с горящими на стенах факелами напоминает тайное место охотников, куда приводил меня Альрик после ритуала изгнания Девяти. Стены из серого камня покрыты липкой влагой подземелий. От земляного пола поднимается холод, сквозняки обвивают лодыжки змеями.

Давай же! Один шаг. Всего один — и каждый следующий будет даваться быстрее.

Глубоко вздыхаю и, наконец, перебарываю себя.

Тусклый свет в конце коридора манит. Только из-за него я здесь. Я просто знаю это. Потому выдавливаю из себя каждый шаг, медленно приближаясь к цели.

Комната тонет в полумраке. Низкий потолок, из которого висит одинокий провод. Лампочка льет теплый свет в центр пола, он растекается там лужицей, и только это место в комнате кажется мне безопасным. Это и метр у подоконника, где стоит Эрик. Спиной ко мне. Он даже не оборачивается, когда я вхожу. Приходится кричать — в комнате внезапно оказывается очень шумно. Звенят стекла о метких каплях, капли стекают по нему, заслоняя вид из окна — серую мглу, затянувшую мир, — барабанят по отливу. Ветер гудит в стенах, и сами стены стонут, будто жалуясь на судьбу.

На мой крик Эрик тоже не реагирует, и я вдруг понимаю, что больше не могу сдвинуться с места. Будто у входа стоит барьер, не пропускающий в комнату живых...

Взгляд скользит по родной фигуре, оглаживает очертания. В груди болит от того, что я вижу его — такого близкого и далеко одновременно. Жжется ненавистный амулет. Я не сняла его только потому, что обещала... Нельзя нарушать обещаний погибшим — плохой знак. Вот и ношу.

— Эрик! — выкрикиваю последний раз, почти потеряв надежду. В конце концов, можно просто придти и смотреть, если он не пускает. Просто смотреть — тоже своего рода счастье. Радость извращения.

Но он вздрагивает. Впервые за все это время. Оборачивается и смотрит куда-то сквозь меня.

— Мама...

«Это я», — хочется сказать мне. Но голос тоже исчезает. И сама я исчезаю. Растворяюсь, выпадаю из сна в липкую от собственного пота реальность.

И так каждую ночь.

— Мама!

Алан хмурил брови и дергал меня за руку. Сквозь сомкнутые шторы пробивался яркий луч июльского солнца. Мокрая майка противно липла к спине, и я села, поправляя одеяло и морщась от тупой боли в правом виске.

— Что, зайчик?

— Мозно я с Дасей в голод поеду?

Странно, что он у меня еще спрашивает. Что вообще помнит, что у него есть мама...

— Конечно, можно, милый.

— А молозеное мозно?

— Можно, — улыбнулась я и погладила его по голове, наклонилась и поцеловала в макушку. Мягкие волосы пахли клубникой — видимо, новый шампунь. Предыдущий был медовый, и я от него чихала.

Складочка на лбу у Алана разгладилась, и он лучезарно улыбнулся.

— Клуто!

И убежал, оставляя меня наедине с осколками памяти, которые я судорожно собирала и воссоздавала в воображении, стараясь не забыть ни единой детали, ни единой черточки в образе, которым болела. Для этого пришлось закрыть глаза. Откинуться на подушку. Подтянуть колени к животу, обхватить озябшие ступни.

Холодно. Каждое утро так холодно, что я невольно дрожу. Даже несмотря на жару. Холод приходит из снов, цепляясь за меня в мрачных коридорах. Будто пытается выбраться. Будто ему тоже неуютно там. Глупый. Могла бы, осталась там навсегда. И мне почему-то кажется, если войду в комнату, получится остаться.

Но у меня не получалось.

На похоронах я присутствовала не больше получаса. Не могла смотреть на него, на влажную от дождя почву, которая падала на темный гроб. На цветы. На табличку, где было выбито его имя. Я бы не смогла искать его, если бы похоронила.

Потому уехала. И пролежала целый день, укрывшись одеялом с головой, зарываясь лицом в его рубашку. Пока меня не выдернул из кровати Влад. Велел умыться, одеваться и идти за ним.

С тех пор мы уже больше года ищем возможность вернуть Эрика. Сумасшедший год, за который я похудела на три килограмма, стала кофеманкой и убила двух колдунов. Я убила бы и третьего, да Влад удержал. Наверное, к лучшему. От них никакой пользы, но за это вроде как не убивают.

Веры в то, что колдун, пусть даже самый сильный, вернет Эрика, почти не осталось. Хищного можно отыскать только по остаткам кена, а наследование кена скади лишало нас шанса. Так мне сказал первый колдун, которого мы просили о помощи. Поэтому я его убила.

Второй пытался убить меня.

Третий...

Я поморщилась. Наверное, стоило передохнуть и собраться с мыслями. Но я не могла позволить себе ждать. Сны сводили с ума. А еще темнота. Каждый чертов вечер.

Мы были в хельзе, обыскали, кажется, каждый сантиметр Востока и западные поселения, которые в последнее время выглядели разгромленными и заброшенными. Мы пошли туда на всякий случай. Ведь хищный, убитый охотником, не попадает в хельзу...

Мы спускались на нижние слои и брали кен без усилий — черпали его горстями из воздуха, впитывали кожей, глотали с водой из красных, будто кровь, рек. Приходилось драться, но драки те я помнила смутно, будто кадры из скучного фильма. На нижних слоях

мне я чувствовала себя лучше, чем дома. Дома приходила серая липкая тоска. И не отпускала до следующего приключения.

После ухода Эрика, племя возглавила Даша. Без лишних слов и возражений, скади присягнули ей на верность. Я тоже присягнула. Мне было все равно. Алан — единственное, что выводило меня из оцепенения, и тогда холод отступал. Ненадолго.

Я ненавидела ужинать в кругу племени. Устала от соболезнований, а еще больше — от жалости, которая, как ржавчина, изъедала внутренности. Мне никак не подходил образ несчастной вдовы. Ведь Эрик не умер. Для меня нет. И плевать на кен! Хищный — это не то что дает ему жила. И Эрика я люблю не за это. За другое...

Он сильно уставал в последнее время. До Того Самого Дня, которым я окрестила день неудавшейся попытки исполнить пожелание Барта. Эрик не спал ночами, выматывался, но никогда, ни на минуту не забывал о тех, кто жил с ним под одной крышей. И к каждому находил подход.

Он пил сладкий кофе, оттого поцелуи поутру были терпко-сладкими. Теплыми. Рядом с ним было... иначе. Просто. Спокойно. Надежность, которую он дарил, обволакивала и защищала от мира.

Тогда. Сейчас меня защищает память о нем. И вера в то, что однажды я смогу его вернуть.

Отчаяние накатывало волнами безысходности, и с каждой утекающей в никуда минутой эти волны становились все мощнее, и все сложнее становилось им противостоять.

До того самого дня, когда я познакомилась с Эгилем.

Влада не было около трех недель. Я уже начала волноваться и даже, признаться, немного скучать. Но, скорее всего, это была тоска по единственному человеку, кто меня понимал и не смотрел на меня, как на сумасшедшую. По человеку, который все еще поддерживал во мне огонь.

Промозглые, липкие от пота утра сводили с ума, но Влад умел прогнать зачатки безумия своей уверенностью. И они отступали. На время. Наверное, тогда Влад жил за нас обоих.

В тот день он позвонил после обеда. Велел собирать вещи и сообщил, что мы едем в Украину, в Полтавскую область, где в старом заброшенном хуторе живет еще один колдун. Сильный. И если повезет...

В колдунов веру я утратила, но вещи послушно собрала. Крохи надежды в сто раз лучше отчаяния. К тому же, активность прогоняла сны, а с ними и холод.

Хутор действительно выглядел заброшенным. Два десятка домов, прохудившиеся крыши, заваленные во двор заборчики из прогнившего дерева. Запустевшие сады, цветущие маки, над которыми жужжали пчелы и толстобокые, мохнатые шмели. Запах чабреца и разбитые дороги. Сорванные с петель двери и рваные, выцветшие занавески, покачивающиеся от легкого ветра. Колодцы с валяющимися поблизости ржавыми ведрами.

Машина Влада, поблескивающая чистыми, холеными боками, смотрелась тут нелепо. Нас проводил удивленным взглядом дед с косой, медленно бредущий по проселочной дороге с мешком сена наперевес.

Тишина. Запустение. И покой. Что делать сильному колдуну в таком месте?

Влад резко вывернул руль и припарковался у наполовину вросшего в землю домика.

— Готова?

Стандартный вопрос, на который у меня заготовлен стандартный ответ. Но на этот ответ у меня не хватило терпения.

— К чему? Все равно он ничего нового нам не скажет?

— Ты не должна сдаваться. Напомнить, зачем мы это делаем?

— Я помню! Только вот от колдунов толка нет все равно.

Я отвернулась и посмотрела через стекло на окна с облупившейся краской на рамах и зависшими над самой землей подоконниками.

— От этого будет, — уверил меня Влад. — Ходят слухи, он общается с мертвыми Первозданными. Умеет призывать их из ниоткуда. — Я вскинулась и посмотрела на него, хотела выявить, не врет ли он. Не врал.

— Альрик... — вырвалось у меня невольно. Влад кивнул.

— Именно.

Неожиданно скончавшись, Альрик унес в могилу много знаний. Возможно, среди них были те, которые позволяли вернуть того, кто не привязан к кевейну кеном. Возможно, лазейка есть. Возможно...

Влад сжал мою трясущуюся ладонь.

— Нельзя сдаваться, Полина.

Удивительная способность находить выход там, где его, казалось, и нет вовсе. Всегда искать пути. Придумывать способы достижения нереальных целей.

Умела ли я когда-нибудь так? Если и умела, то давно забыла, каково это: просто жить. Бороться. Внутри все вымерзло, покрылось коркой инея. И тогда взгляд Влада — пылающий, уверенный — делился огнем. Зажигал меня тоже.

И если кто-то из нас двоих все еще горит, значит, не все потеряно. Верно?

Ржавые петли скрипнули, впуская нас в заросший лопухами дворик. Узкая тропинка, извиваясь, вела к полуоткрытой входной двери утонувшего в земле дома.

Щелкнул замок — хозяин явно ждал нас, — и из дома вышел худощавый, горбатый мужчина. Небольшие, глубоко посаженные глаза бегали, взгляд нагло ощупывал меня, будто я была диковинкой, заветным призом, которым удостоили его за некие неизвестные заслуги.

— Мммм, сольвейг, — промурлыкал он и плотоядно улыбнулся, обнажая черные, изъеденные чернотой зубы.

Я невольно попятилась и уперлась спиной в грудь Влада.

— Привет, Эгиль, — спокойно отреагировал он и подтолкнул меня вперед. К колдуну, который радостно всплеснул руками и, казалось, мысленно уже поедал меня, приготовленную в духовом шкафу, с румяной корочкой с гарниром из запеченной картошки в чесночном соусе. Я сглотнула.

— Подарочек, — потер руками Эгиль.

— Смотря как на это посмотреть, — уклончиво ответил Влад. — И смотря что можешь предложить ты.

— Пусть она сначала сделает, что договорено!

— Что ты ему обещал? — Я повернулась к Владу, но он не смутился.

— Эгиль хочет, чтобы ты ему пророчила.

— Я хочу, чтобы она все исправила! — выкрикнул колдун, враз теряя радость от нашего прихода. — Пусть вернет все. Ты обещал!

— Сначала проведи нас к Альрику.

Влад блефовал. Продавал товар, которого у нас нет. Чего бы ни хотел от меня Эгиль, я этого не умела. Я не предсказывала будущее по указке и, тем более, ничего никогда не возвращала. Если бы Влад озвучил свой план в Липецке, я, наверное, не согласилась бы на

эту авантюру. А может, и согласилась бы... Тогда я была готова на все, чтобы вернуть Эрика.

Эгиль ухмыльнулся, и мысли заволокло серым туманом. Тело будто враз оставили силы, колени хрустнули и подогнулись, перед глазами поплыло. Влад подхватил меня за талию, выставляя впереди нас защитный пасс. Слабость схлынула, и я вцепилась в руку Влада, ища в нем поддержки.

— Мы так не договаривались, — сказал он спокойно, но спиной я чувствовала, как он напряжен. Напуган? Нет, не думаю, что Эгиль смог напугать его, но Влад всегда умел быть осторожным. Особенно с колдунами.

— Пусть исправит, — настойчиво повторил Эгиль.

— Что? Что я должна исправить?

Ответ растворился в жарком июльском воздухе, пахнущем полевыми цветами.

— Меня. Исправь меня. Прошное... Они приходят и мучают меня... Пусть прекратят...

Он запнулся. Взгляд подернулся поволокой, и он его отвел куда-то в сторону, будто там на невидимом нам экране ему прокручивали его долгую жизнь. Мучительную и сложную, судя по выражению лица.

— Она все исправит, — нагло соврал Влад. — После встречи с Альриком. — И добавил почти с насмешкой: — Это твой единственный шанс. Где еще ты найдешь сольвейга?

Эгиль молчал. Будто оценивал ситуацию, выгоду, которую он может получить — весьма призрачную и сомнительную выгоду, к слову, — и усилия, которые потратит. И я уже тогда поняла: мы зря приехали. А потом он произнес отчетливо и громко:

— Нет. Пусть сначала сделает, что обещано. Или уходите.

Темная сущность колдуна поднялась вокруг него, закружилась воронкой над головой. Наверное, когда-то он был силен. Возможно, даже сильнее Тана. Но сейчас эта сила растерялась, истратилась, и колдун выглядел жалко.

Я вздохнула, чувствуя привычный прилив кена к ладоням. Поднимающуюся злость. На задворках сознания мелькнула мысль, что мне не очень-то и хочется его убивать. Что лучше было бы сейчас развернуться и уйти, уехать домой и искать другие пути.

Белая ярость была сильнее меня. Она ослепляла. Сбивала с ног. Подчиняла волю. Рвала меня изнутри.

Вспышка. Удар. Тьма, поглощающая мой свет, сомкнулась вокруг меня кольцом. Влада отбросило в сторону, и он упал прямо в траву. Рубашка белая, испачкается...

Небо синее...

И больно. Тупая боль у сердца. Тьма вползает внутрь, просачивается сквозь поры, я вдыхаю тьму. В противовес ей у меня есть белая ярость. Она выжигает тьму, и я снова бью. Кричу, кажется...

— Тише, — говорит кто-то ласково, и мне чудится в его голосе отголоски тембра Эрика.

Я открыла глаза. Колдун на коленях, голова опущена, длинные пальцы вцепились в траву. Волосы космами на лице.

Влад в стороне — встал уже и потирал ушибленный локоть. И, как я и предполагала, измазался в траве. Только в тот момент его это мало волновало. Как и меня перестало волновать через мгновение.

Я повернула голову и увидела.

Он стоял у калитки — темноволосый юноша лет семнадцати. Обычный подросток — широкая майка, потертые джинсы с нашивками, кеды, кепка набекрень. Из-под нее рваными клочками торчали волосы. Полуулыбка на лице, а во взгляде — целый мир. Глубокое море,

бесконечное небо. Вселенная, которую не объять.

Я уже когда-то видела такой взгляд. Ощущала такое тепло, такую сопричастность. Единство.

Ярость схлынула, в груди защемило, и я не сдержала слез. Горячие — они жгли щеки, осыпались жемчугом в траву, питая землю моей болью, моим разочарованием. Злостью.

Подросток на меня не смотрел. Казалось, Эгиль — единственное, что интересуется его в этот момент.

— Ты молился мне так долго, а как только увидел, пал ниц, — сказал он тихо, и горбатая спина Эгиля вздрогнула. Он поднял к мальчику лицо, на котором читалась мольба.

— Спаси меня. Только ты можешь спасти!

— Тебя никто не спасет, — все так же улыбаясь, ответил мальчик. — Ты скормил свое племя вампиру, и много лет тьма ела тебя изнутри. Посмотри, от тебя ничего не осталось.

Он взмахнул рукой, вокруг Эгиля сгустилась его же тьма, накрыла колдуна плотным покрывалом, а когда рассеялась, колдуна больше не было. Лишь тьма оседала на лопухи черной сажей.

Когда Эгиля не стало, мальчик, наконец, посмотрел на меня. И улыбнулся. Его улыбка грела. Тепло обволакивало, терлось о мерзлую кожу мягкими боками. Ластилось гибкой кошкой к ладоням.

— Идем.

Он протянул мне руку, и я, не задумываясь, шагнула к нему.

— Полина, — возмутился было Влад, но тут же замолчал.

— Поезжай домой, — бросил мальчик ему через плечо, и мы вышли за калитку. Мир завертелся красками, плеснул через края, выбрасывая нас в реальность, которой я не знала.

Вокруг был туман. Вязкий, серый — он жался к ногам, опутывал щиколотки. Голые ветви деревьев по обе стороны от уходящей в молочный воздух дороги тянулись к сизому небу в рваным, стальных облаках. Мы ступили на эту дорогу, и мальчик повел меня вперед. Куда, я спрашивать не стала. Не потому, что растерялась — желания не было. Все происходящее виделось правильным, и слова казались ненужными, пустыми.

Мелькнула одна-единственная мысль: как там Влад. Но мальчик успокоил меня.

— Все с ним нормально. Домой поедет. А ты скоро найдешь, что ищешь.

Я поверила. Мне просто нужно было в это верить. Когда долго идешь к чему-то, достаточно мелочи, чтобы цель показалась близкой, только руку протяни — ухватишь. Но чем чаще ты протягиваешь и не получаешь желаемого, тем недостижимее кажется цель.

Свое желаемое я нашла у огромного серого камня на обочине. Бурая трава жалась к подножию глыбы, будто искала в ней защиты. В этой траве сидел тот, кого я мысленно похоронила. Такой же, как был — пестрая рубаха с широкими рукавами, блуждающая полуулыбка безумца и острый взгляд.

— Такой яркий был при жизни, а мирок создал тусклый, — сказал мальчик и остановился напротив Альрика. Первозданный поднял на него усталые глаза.

— Чего пришел? — спросил резко. — Нравится играть?

— Мне тут не рады, — с улыбкой сообщил мальчик и выпустил мою ладонь, отступил на шаг.

Наверное, туман скрыл его, потому что Альрик, наконец, заметил меня. Нахмурился. А потом тень узнавания скользнула по его лицу.

— Вот так сюрприз! — обрадовался он и даже подался вперед, наверное, чтобы лучше

меня рассмотреть и удостовериться, что ему не привиделось. — Гуди привел ко мне маленького сольвейга.

— Здравствуй, Альрик.

Слова вышли шорохом, сухой прошлогодней листвой, высохшей на солнце — ломкими, колючими.

— Жаль, здесь от тебя мало прока, — посетовал он и снова откинулся спиной на камень, запустил пальцы в жухлую траву. — Ничего тут нет. Скука ест изнутри, как паразит. — Он посидел немного в задумчивости, а потом снова поднял на меня глаза. — Зачем пришла?

— Хочу вернуть умершего.

Я услышала себя будто со стороны и тут же захотелось врезать себе. Эрик не умер. Он жив! Жив...

— Вот как, — оживился Альрик. — И кого же?

— Эрика.

— А он... да? — жалостливо уточнил Первозданный и покачал головой. — Какая потеря. Но, похоже, тут намечается нечто интересное.

— Мне не до игр! — Белая ярость резанула по нервам, выбелила мир Альрика. Ветер рванул корявые ветви, и низкие облака понеслись по небу, будто запоздалые беглецы.

Теплая рука Гуди легла на плечо, успокаивая. Альрик покачал головой.

— Сильна...

— Я хочу вернуть Эрика, — процедила я сквозь зубы, сдерживая рвущуюся наружу злость. Зря Барт поделился со мной. Я не настолько мудра, чтобы контролировать его мощь.

Альрик усмехнулся и одним ловким движением встал. Подошел ко мне — плавно, крадучись. Так охотники подходят к добыче. И я уже знала: он придумал новую игру. Игру, в которой мне не выиграть...

— Что ж, смотри.

Прохладная ладонь бережно, ласково даже, легла мне на лоб.

И я снова была в доме скади. В темной, лишенной защиты гостиной. В цепких объятиях Влада, мешающего мне осуществить задуманное. Фигура Эрика в объятиях полутьмы. Светящееся оружие Хаука.

Только в этот раз я видела скрытое. Видела, как порванная жила тонкой струйкой выпускала кен, а ниточка, связывающая Эрика с кевейном, истончалась. Пока не порвалась окончательно...

Я закричала. Громко, как тогда, до звона стекол, до боли в горле. Отшатнулась от Альрика и буквально упала в руки Гуди. От боли свело мышцы, сперло дыхание. Я присела, упираясь ладонями в сухую, колючую траву. Старалась отдышаться, забыть навязанное видение. Стереть из всех ячеек памяти, отформатировать диски... Навсегда...

— Он не вернется, — сказала сама себе, чтобы поверить, чтобы осознать.

Верить не хотелось. Понимать — еще меньше.

Потому я призвала на помощь то, что всегда помогало не сломаться. Злость.

— Зачем? — обернулась к Гуди. — Зачем ты привел меня сюда? К нему... Чтобы он играл? Чтоб издевался?!

Гуди покачал головой, даже не взглянув в сторону ухмыляющегося Альрика. На лице Первого сольвейга не было и тени издевки — лишь сочувствие.

— Иначе бы ты не поняла, — сказал он тихо.

— Мне так больно, — прошептала я и облизала губы, мокрые от слез. — Как же теперь... что...

Гуди поднял меня на ноги, обнял. Туман вокруг нас побелел, вздыбился, поднимаясь, скрывая нас от Альрика, от мира, который, как и его хозяин, нещадно ранил. Сольвейг погладил меня по голове, затылок окутало тепло, проникло внутрь спасительной инъекцией. Боль вспухала во мне нарывом, пульсировала, готова была излиться наружу белесым гноем.

А потом внутри будто что-то щелкнуло. Порвалось. И хлынуло. Плечи затряслись в рыданиях, туман вокруг заплясал, закружился, делясь на клочковатые сгустки и собираясь обратно. А я захлебывалась собственной болью, которую копила столько месяцев, не давая ей возможность выплеснуться.

Я была ничем. Пустотой. Небытием.

Пылью на сапогах прохожих.

Криком, полным отчаяния.

Туманом, окружавшим нас. Дымкой.

Миром без смысла.

Ничем.

Пока Гуди обнимал меня, я исчезала. Таяла. Кем стану я, когда вылью свое отчаяние? Ведь кроме него, у меня ничего не осталось...

— Зачем тогда было все это? — всхлипнула. — Я не смогу без него... не готова...

— Попробуй, — ответили тихо. — А если не получится, я приду снова.

Это обещание я схватила, как драгоценность. И спрятала так глубоко, что никто не найдет. Никогда.

Глава 21. Книга предсказаний

Не знаю, сколько мы так стояли: минуту, час или целый день. Слезы высохли, всхлипы сошли на нет, и пусто стало. Спокойно. Я никуда не спешила, ничего не волновало больше, и боль немного поутихла. Лишь ныло где-то в районе лопаток, и затылок заметно потяжелел. Тянуло в сон, так и побуждало улечься в сухую траву, в мягкие клубы тумана, но Гуди удерживал меня, не давая расслабиться окончательно.

— Есть дело, — сказал он и повел рукой по воздуху.

Померкло все. Рассеялся туман. В лицо пахнуло жаром, ноги погрузили в горячем песке.

Выдох застрял в легких, в груди трепыхнулось и забилося сильнее усталое сердце. Солнце слепило, но даже это не могло быть помехой для глаз, которые давно мечтали увидеть именно это.

Я застыла, не в силах понять, мираж ли, правда...

Эрик дрался с невидимым противником. Раздетый по пояс, сжимал обеими руками рукоять тяжелого меча. По напряженной спине стекали струйки пота, волосы облепили влажные плечи. Голые ступни грузили в раскаленном песке, но ему, казалось, было плевать.

Я рванулась вперед, к нему, но Гуди удержал.

— Мираж, — произнес тихо. — Отголоски прошлого. Воспоминания о тех, кто здесь хоть однажды побывал.

— Чьи? — хрипло спросила я, не отрывая взгляда от воина, который моим Эриком не был.

— Это место часто пугает, увлекает. Придуманный мир ничто без живого тепла. Вот и этот умирает. Немногие могут сюда приходиться. Даже из сольвейгов.

— Что это за место?

— У него много названий. Одно из них — Безвременье. Здесь нет прошлого, нет будущего. Лишь настоящее. Призраки этим пользуются, но ты не смотри на призраков. Это место влияет на судьбы. Сейчас узнаешь, почему.

Пустыня ответила безмолвием и расстелила вокруг бескрайнюю песочную простыню. Мы пошли по ней вперед, хотя я уже плохо понимала, что здесь «вперед», а что «назад». Там не существовало направлений, рамок и границ. И я невольно подумала: а вдруг и меня нет? Вдруг Гуди нет? Совсем. И все это снится мне...

Не снилось. Нещадно палило солнце, и подошвы плавилась от горячего песка. Ветер швырял его горстями в лицо, и приходилось прикрывать глаза.

Наверное, поэтому я его не сразу заметила. Лишь когда полыхнул амулет, обжигая кожу на груди, обратила внимание.

Невысокий, жилистый, в потертых джинсах и выцветшей синей майке, он копался в земле около небольшого домика с розовой черепичной крышей. Участок, который, по сути, был оазисом среди бескрайних песков, манил буйной зеленью и запахами цветов. Между клумб, на круглом выложенном брусчаткой участке дворики плескались в небольшом фонтанчике серебристые рыбки. Они выпрыгивали из воды и на мгновение застывали в воздухе, переливаясь чешуйчатыми боками.

Почти черная от загара кожа мужчины шелушилась, отходила клочьями, обнажая новый слой — розоватый и нежный. Белоснежные седые волосы переливались серебром. А когда

он поднял на нас взгляд, глаза его улыбались.

— Ты всегда опаздываешь, — шутливо пожурил он Гуди. — Ни разу вовремя не пришел.

— У тебя часы спешат, — улыбнулся Гуди и посмотрел на меня. — Ее время настало.

— Последователей себе готовишь? Понимаю, — кивнул седоволосый и поднялся. — А ведь когда-то я учил тебя, помнишь?

— Помню. Давно это было.

— Слишком давно. А вот это я делал недавно, кажется. — Мужчина указал на амулет Эрика и прищурился. — Не так давно и для...

— Для него, — подтвердил Гуди.

— О! — воодушевился седовласый и пристально меня осмотрел. Усмехнулся. — О!..

— Ты всегда ее так встречаешь, — рассмеялся Гуди и повернулся ко мне. — Это Арендрейт, и с памятью у него не очень. Старый пень.

— От пня слышу, — обиделся Арендрейт. — Можно было сразу сказать, что она пришла писать в книге. Я бы вспомнил.

— Писать в книге? — переспросила я. А потом, наконец, поняла: — В той самой книге?!

— В той самой, — подтвердил Арендрейт, развернулся к дому и махнул рукой, приглашая. — Идем.

— Что мне там писать? — Я обернулась к Гуди. — Я не знаю будущего. До сегодня я была уверена, что у меня получится вернуть Эрика, а теперь... Да у меня видиний не было больше года!

— Ты знаешь прошлое. Свое прошлое. И прошлое Эрика.

— Не понимаю... — нахмурилась я.

— Еще несколько столетий назад было предсказано, что в кевейне родится сильный воин. Могучий. Потомок Херсира. И воля его будет сильна, как и он сам. А возможности велики настолько, что не останется в мире ни одного мужа, способного ему противостоять. Его род обрстет легендами, а имя его прославится в веках.

— Эрик, — выдохнула я и сжала амулет.

— Но лишь пророки сольвейгов смогли углядеть, что воля его будет не так сильна. Трагедия юности нанесла Эрику рану, которую он не мог залечить самостоятельно. Это разрушало его, а с ним и тех, кто рядом. В итоге он превратился бы в жестокого тирана и узурпатора, которого не смог бы никто одолеть.

— Эрик не такой! — запротестовала я. — Он бы никогда...

— Потому что ты узнала его другим. А все потому, что у него была цель.

— Кан, — догадалась я.

Гуди кивнул.

— Поиски пророчицы стали его наваждением, отвлекая от саморазрушения. Ему пришлось жить среди людей, от которых он тщательно отгораживался предыдущие несколько лет. Медленно, но уверенно, эти люди возвращали ему человечность. В итоге Эрик стал тем, кого ты знала.

— Предсказание, написанное в книге, изменило его, я поняла. Но я-то тут при чем? Разве не ты пишешь в книге?

— Я — сольвейг и не принадлежу никакому племени. Я не могу писать о нем. В отличие от тебя.

— Хочешь, чтобы я написала для него пророчество?! Но зачем? Эрик мертв давно! Что

даст запоздалая запись?

— Запоздалая? — удивился Гуди. — Разве написанное уже не сбылось? — И, пока я приходила в себя от услышанного, добавил: — Я же сказал, это место вне законов времени.

Среди склонившихся к фонтану ив было прохладно. Уютно. Увитая виноградной лозой беседка, кованая скамейка под раскидистой кроной, выложенные разноцветной мозаикой тропинки. И цветы — везде, куда падает взгляд. Ароматные бутоны роз, пышные пионы, остоперые астры, розовые петунии. Запахи пьянили, от них кружилась голова. От них и от попыток выделить другой — знакомый, затертый памятью, но такой родной аромат. Он принадлежал тому, кто однажды был тут. Ходил по прохладной плитке босиком, умывался в прозрачной воде фонтанчика, прятал раскатистый смех в продолговатых листьях замерших ив.

Когда-то.

Но если время над этим местом не властно, разве это «когда-то» не может превратиться в «сейчас»? На секунду — но мне и того хватит. Теперь, когда я знаю, что все напрасно, что он не вернется...

— Поторопись! — выдернул меня из раздумий голос Арендрейта — он высунулся из-за приоткрытой дверь. — Время на исходе.

— Будто тут знают, что это такое, — пробормотала я.

В доме первого жреца ар было чисто. Плетенная мебель, пестрые занавески, резные ставни на окнах. На подоконниках — цветы. Буйно цветущие фиалки, оттопырившие плотные листья фикусы, величественные орхидеи. По стенам и потолку змеями ползли побеги ярко-зеленого плюща. Посреди квадратной комнаты стоял стол, а на нем — чернильница с торчащим из нее длинным пером и Та Самая Книга.

Арендрейта в комнате не было. Возможно, он прятался в другой, может, не хотел меня смущать. Или же вовсе исчез — это его мир, он живет по его правилам.

Книга была распахнута на середине и манила чистыми листами.

Книга судеб. Там и моя есть. Интересно, ее тоже придумали? Написали сценарий, по которому я жила? Дралась, любила... Венец всего — сегодняшний день. Я сама превратилась в писателя.

Отодвинула стул, присела. Погладила шершавую, плотную бумагу. Взяла перо, но, как ни старалась, аккуратно не вышло — оставила две кривых кляксы на столе. Сам текст получилось вывести красивым, каллиграфическим почерком, я так даже в школе никогда не писала.

И сразу полегчало. В голове прояснилось, дрожь ушла. Только грудь будто расширилась, а в ней — подвешенное на невидимой нити — трепыхалось крохотное, иссушенное сердце.

Наверное, так должно быть. Наверное, так всегда бывает, когда теряешь. И это начало смирения, а со смирением обычно приходит покой.

Обычно... Если со мной так не будет, Гуди обещал помочь.

Выйдя наружу, я ощутила легкость.

Холодно только было, и ни зной, ни раскаленный песок, в который я вошла, раззувшись, холод этот унять не могли.

— Я так долго боролась, — сказала я подошедшему тихо Гуди. Мальчик молчал, будто словами боялся ранить. — Так долго шла, и вот, наконец, пришла. Что теперь делать? Зачем? И почему даже ты не можешь его вернуть? Разве Первые — не сильнее всех нас вместе взятых?

— Ты мне скажи. Ведь это ты уговорила Херсира отступить, а Эрик обманул Хаука.

— Я думаю, сильнее тот, кто не сдается.

Гуди улыбнулся и ничего не сказал. То ли я была права, то ли правду мне знать было слишком рано.

— Барт говорил, это моя миссия. Именно я должна была погибнуть, не Эрик. Ты сам писал об этом, верно? Тогда почему...

— Судьбы нет, Полина. Есть только выбор. К тому же, все мы иногда ошибаемся.

— Барт ошибся?

— Я не вижу твоего будущего. Обо всех сольвейгах знаю, о тебе — нет. Это значит, ты можешь решать. Ты, а не твое прошлое. Не твои грехи, не твои заслуги. Ты — чистый лист теперь. — Он обнял меня, отгоняя холод. Ненадолго. Пусть. — Что напишешь?

Я пожала плечами.

— Не думаю, что из меня получится хороший писатель. Поэтому я просто буду жить. — Вздохнула и отвела взгляд от очередного миража, которыми пустыня щедро делилась. На этот раз это был не Эрик. Девушка. Одета в мешковатый балахон, она кружилась на песке, и следом за ней из ладоней вились ленты света. Еще один сольвейг, наверное. И еще одна ученица Арендрейта.

Гуди смотрел на мираж беспристрастно. Наверное, это правильно. Прошлое должно оставаться в прошлом.

— Для начала сгодится, — одобрил он мой план и взял меня за руку.

А через мгновение выдернул меня в кевейн и исчез. По-английски, не прощаясь.

Сумерки спустились на Липецк и окрестности. По крышам домов медленно стекали тени. Шумели клены, качались облепленными плодами ветки абрикосов. Пахло летом — отчаянно, резко. И напитавшаяся теплом земля щедро им делилась, согревая. Слабый июльский ветерок лениво мазал по плечам.

Я была там, откуда пришла. Откуда все началось. И это тоже, наверное, было правильно.

Кованные ворота, домофон и моргающий глаз камеры. Я нажала на кнопку звонка и сказала устало:

— Я вернулась.

Ворота тут же распахнулись, и, не успела я пройти и половины пути к дому, как меня уже встречали.

— Тебя не было три дня! — сердито сказал Влад, но в голосе злости не было ни капли. Тревога разве что. И страх.

Странно... Влад ничего не боится.

— Я видела Альрика, — поделилась честно. — А еще Арендрейта.

Влад смотрел на меня испытывающе, ожидая продолжения. За его спиной маячила Рита с округлившимся уже, выпирающим животом. Альфред говорил, у нее будет двойня. Мальчик и девочка. И вообще, жизнь сложится. Пусть так и будет.

Они ждали и смотрели на меня. Жаль, мне нечего было им сказать.

Впрочем, кое-что было. Но эти слова уже не причиняли боли — так, скребли по затянувшей раной корке.

— Он не вернется, — сказала я отчего-то шепотом и потерла озябшие плечи.

— Ты сдаешься?! — взорвался Влад. — Seriously? Есть не только Альрик! Есть еще Херсир, в конце концов...

— Нет, — перебила я. — Он не вернется. И я не стану возвращать. Все кончено. Я

устала. Спать хочу.

Влад долго молчал, хмурился и о чем-то думал. Рита ерзала сзади, будто намекая, что пора бы уже в дом, но подходить, боялась. Влад, казалось, забыл о ней, да что там — обо мне забыл. Смотрел в землю, сжимал кулаки и почти не моргал. А потом поднял на меня глаза.

— И что будешь делать теперь?

На лице маска. Как знать, что сейчас она скрывает? Пусть. Раз ему так комфортно. Я тоже не люблю, когда лезут в душу.

— Жить, — ответила я и взяла его за руку. Она оказалась на удивление теплой и мягкой. И я поймала себя на мысли, что мне нравятся его прикосновения. Возможно, это и значит начать жизнь с чистого листа. Научиться вновь радоваться мелочам. — У тебя найдется место для усталой странницы?

Он кивнул, и мы пошли в дом. Рита плелась где-то позади. Фонари лили на нас холодный сиреневый свет, от него влажный асфальт сверкал бликами, переливаясь. Жаль, я прозевала дождь. Но ничего, у меня еще будут дожди и грозы, и тогда, быть может...

— Переночуешь у себя? — уточнил Влад, и мысль, дрогнув, порвалась.

Странно, но это его «у себя» прозвучало сегодня гармонично и больше не бесило.

— Пожалуй, — согласилась я, представляя себе комнату в светлых тонах и мягкую кровать.

Влад впустил в дом Риту и закрыл за нами дверь. Ночь осталась сторожить на пороге.

Глава 22. Выбор

Я окинула последним взглядом пустое помещение. Странно, но раньше даже предположить не могла, насколько оно большое, а теперь, когда здесь не осталось ничего — ни запыленных картин, ни кистей, ни поломанной мебели, — это место смотрелось светлым и просторным.

Жилым.

И призраки, некогда прячущиеся здесь, вынуждены были уйти. Больше им нечем было поживиться.

— Роб повесил последнюю, — вздохнув, сказала Даша. — В коридоре.

После прихода Первых она сильно изменилась. Стала жесткой, решительной. И немногословной. Наверное, роль правительницы накладывает на человека некоторый отпечаток. Хищный вживается роль, а по утрам привыкает надевать маски.

Все мы их носили.

Но не здесь. Здесь Даша менялась. Смягчался тон голоса, руки прятались в карманы, и краснел нос. Казалось, еще секунда, и она заплачет.

Но она не заплакала ни разу. Как и я.

Иногда мы приходили сюда, не сговариваясь. Усаживались на пыльный, выцветший от времени ковер и молчали. Вокруг нас шептались картины — стоявшие стопкой, накрытые покрывалами отпечатки прошлого. От шепота их я сходила с ума. А потом однажды предложила Даше выпустить их в мир. Вынести, очистить от пыли и повесить на стены — все же их рисовала одна из скади, и дом примет их. Не может не принять.

Около недели мы приводили чердак в божеский вид. Выносили хлам, пылесосили, убирали паутину со стен и потолка, мыли подоконники, панели и пол. Вырывали прошлое с корнем и выбрасывали в мусор.

И вот, наконец, избавились от него окончательно.

— Хорошо, — кивнула я и присела на пол, скрестив ноги. Усталость настигла неожиданно, навалилась апатия, и расхотелось вообще куда-либо идти.

— Влад звал в гости. Поедешь?

Даша присела рядом, как ни в чем не бывало, хотя, предполагаю, она не очень любила сидеть на полу.

— Не хочется. Лучше дома останусь. С Аланом повожусь и помогу Эле в саду. Весна скоро...

— Этот дом однажды тебя сожрет! — яростно сказала Даша и пристально на меня посмотрела. Она действительно изменилась, и иногда мне казалось, она живет за нас обоих. Я ловила себя на том, что люблюсь ею: блестящими глазами, подвижностью, желанием что-то менять, познавать новое.

Ее отношения с Богданом, наверное, можно было отнести к новому. Непонятному, опасному и запретному новому.

Впрочем, что ей теперь чьи-то запреты?

— Дом тут ни при чем, — отвернулась я, и стены окутали приятным теплом, поддерживая. Они-то знали, что значит медленно сходить с ума. Когда безумие вползает в тебя, растекается сладким ядом по жилам, травит изнутри.

— А что при чем? Ты не ищешь его, так живи! Хотя бы попробуй, иначе...

Она замолчала. Испугалась, что ее слова обернутся пророчеством? Бред. Теперь-то я знала, что на самом деле значат предсказания.

Но ссориться не хотелось, и я кивнула.

— Хорошо, давай съездим.

Согласиться было проще. К тому же, можно было похвалиться себя за попытки жить. Впрочем, на жизнь это похоже мало. Скорее, на существование в перерывах между липкими, серыми снами, прогоняющими один и тот же сценарий.

Эрик. Комната с низким потолком. Защита, через которую не пробиться. Гроза. Звенящее стекло, осколки на полу. Мой крик. И пробуждение.

Каждую гребаную ночь.

Сны выматывали. Лишали сил, как когда-то Герда. Но, в отличие от нее, от них я отказаться не могла. В снах я видела Эрика. Это все, что у меня осталось.

Скади никогда не обсуждали его смерть. Даже имя перестали произносить, словно если вести себя так, будто его никогда не было, станет легче дышать. Глупые. Такие заклинания не действуют на память.

— Больно на тебя смотреть, — сказала Даша после небошой паузы. Она мяла собственные ладони, словно разговор зашел в опасное русло, а впереди водороты и бездонные глубины, а еще ледяная вода, в которой немеют конечности. — Однажды я уже видела такое. Когда мама... — Она запнулась. И взгляд отвела, а в ясно-голубых глазах блеснули слезы.

И вспомнилось, как Эрик звал мать во сне. Наверное, они были очень близки, раз до сих пор ее не забыли.

— Все будет хорошо, — уверила я Дашу. — Однажды.

Верила ли я сама в то, что говорила? Во всяком случае, заставляла себя поверить. Я потерялась, но убеждала себя, что однажды найдусь.

На улице заметно потеплело. Солнце уже светило всюю, и с крыш капало. Снег почти растаял, и по асфальту текли ручейки, собираясь в широкие лужи, которые приходилось обходить. Дети, обутые в пестрые резиновый сапоги, с визгом бросались прямо в центр этих луж, заставляя родителей ворчать и отскакивать от брызг.

Пели птицы, из-под снега и прошлогодней листвы пробивалась нежно-зеленая трава, тянулась к солнцу.

На улицах разгуливали девушки в коротких юбках. Распущенные волосы, облака удушливых духов, глубокие декольте — весна обязывает соответствовать теплу и раскрепощенности.

После нашей поездки в Украину Влад съехал в Липецк и обосновался в той самой квартире, из которой открывался замечательный вид с балкона. Иногда мы с Дашей и Глебом приезжали к нему, включали фильм или сидели на диване, укутавшись в пледы, пили глинтвейн и смотрели на городские огни. Одни из самых спокойных моих вечеров.

Я надеялась, что этот тоже будет таким.

В этот раз все пошло не так.

Началось все с того, что Даше позвонил Богдан. Она долго извинялась, заглядывала в глаза и переспрашивала, точно ли ей стоит ехать. После десяти минут убеждений, что со мной все в порядке, и обещания Влада, что домой я доберусь, она, несколько раз вздохнув, все же умчалась на свидание.

Фильм, который мы выбрали, оказался унылой пародией на комедию с сомнительным юмором. Есть не хотелось, от вина разморило и клонило в сон, потому мы решили подышать свежим воздухом на балконе.

В воздухе пахло влагой, мокрым камнем и озоном. Где-то там, в городе, Даша гуляла со своим охотником. Они шли по тротуарам, взявшись за руки, пялились на витрины, и она заразительно смеялась какой-нибудь из его шуток. В такие моменты я завидовала ей — казалось, я давно разучилась искренне смеяться.

— Странные у них отношения, — сказал Влад, облокотившись о перила. Куртку накинуть он не удосужился, и ветер лепил тонкую шерсть светлого свитера к коже. Я поежилась и пожала плечами.

— После прихода Первых в мире много странностей.

Все больше племен стали возглавлять женщины — воительницы, которым удалось выжить. Погибшие хищные собирались в группки, объединялись, создавали новые племена. Шли разговоры об отмене закона о многоженстве, то тут, то там вспыхивали идеи по мироустройству и налаживанию связей с ясновидцами, исследованию нижних слоев и договорах с охотниками.

Мир продолжал жить, видоизменяясь, адаптируясь под перемены. Мир зализывал раны, и поверх рубцов нарастала новая кожа. Так было и будет всегда.

— И все же она смертна. В отличие от него. У них нет будущего.

— Я не верю в будущее. Есть только настоящее — его нужно ценить. А завтра... Неизвестно, кто из них погибнет первым.

Эрик погиб. А он был сильнейшим из нас.

— Глупости, — возразил Влад. — Будущее делаем мы сами. Ты знаешь это, так как меняла свое.

— Возможно.

Небо нависало низко — иссиня-черное, утыканное пучками звезд. Холодное и молчаливое, и мне казалось, оттуда на нас смотрят мертвые боги. Им нет дела до наших проблем, до наших потерь и находок. Они слишком устали играть в нас, потому пустили все на самотек.

— Я пока так чувствую...

Влад вздохнул, подошел и обнял меня за плечи. Он был теплым и живым, и это ощущение оказалось... странным.

— Все мы потеряли много на этой войне. Ты потеряла больше всех. Тебе больно. Но это пройдет. Однажды снова научишься дышать. Нужно верить, Полина. Жить. Нельзя постоянно себя изводить!

— Я не умею! — Я вырвалась. Отошла на несколько шагов и попыталась пробудить в себе былую ярость — бледное безумие, как скади обозвали способности Барта. Не вышло. Шевельнулось что-то в жиле и тут же улеглось обратно. Пепел былых пожаров. Отголоски мощи. Закостенелый кен в истлевающей жиле. — Я никогда раньше такого не чувствовала. Я стараюсь изо всех сил — не думать, не вспоминать. Заставляю себя вставать с кровати каждый чертов день! После этих снов, после... Я устала. Мне не больно, мне холодно. Иногда кажется, нельзя убежать от судьбы. Ведь именно я должна была там погибнуть. Я — не Эрик. И теперь я будто краду у него свои дни. Зачем? Скажи мне, зачем я жива, а он нет? Ведь именно я чувствую себя мертвой больше, чем когда-либо.

Сначала я не заметила слез — ровно до того момента, когда пальцы Влада стерли их со

щек. И взгляд — пронзительный, острый — выжег остатки самообладания. Я не помнила, чтобы в последнее время на меня кто-то вот так смотрел. Когда-нибудь так смотрел. Или я просто забыла, что значит — чувствовать?

Если поплакать, то станет легче, верно?

— Ты всегда говоришь, нужно жить, — прошептала я, и слова оцарапали горло. — Что сделать, чтобы захотеть?

Мгновение ничего не происходило, даже ветер, казалось, стих. Металлические перила холодили ладонь, перед нами замер в ожидании город — безмолвный и тихий. Ночь пришла, а мы и не заметили. Ночью царствуют тени.

А потом хлынуло.

Прикосновение обожгло. Вокруг завертелся калейдоскоп огней, кружа голову, отключая мысли. Ветер рвал полы куртки, стараясь подобраться ближе к коже, но от него спасали объятия. Горячие губы дурманили разум, в ушах шумело, и я цеплялась за Влада, как тонущий цепляется за соломинку, чтобы только еще раз вдохнуть сладкий, такой нужный воздух.

Пахло ванилью. Muskusом. Сандалом.

Запахи из прошлого, а в прошлом я умела жить. Бороться. Шла, не сбиваясь, а если падала, то всегда поднималась.

Сегодня надо мною властвовала тень мертвеца. Слежавшиеся листья на могиле, которую я не проводывала. Я сама стала могилой — монолитным склепом с заколоченной дверью, куда живым входа нет. От памяти несло сладкой гнилью, истлевающие образы терялись на тропинках заброшенного кладбища.

И вот вспыхнуло. Выжгло все. Ослепило.

Зажгло меня изнутри.

Простыни казались прохладными под горячей кожей. А холод, шипя испарялся, таял от касаний уверенный пальцев, от пьяных поцелуев.

— Помоги мне, — шептала я Владу на ухо. — Пожалуйста, помоги...

И он помогал. Как умел. Но мне было достаточно. Добравшись до тепла, я больше не хотела возвращаться к холодам. В конце концов, весна на улице, внутри все болит и, быть может, слайды прошлого давно пора выкинуть.

Сквозь переплетенные пальцы струился ванильный кен.

Сегодня мы все поставили на карту. Пошли ва-банк. И никто из нас не собирался отступать.

Я не собиралась точно.

Сны пришли, когда меня окончательно одолела усталость. Во снах пахло грозой, мокрой пылью, листвой и гнилой рыбой — она усыпала берег озера, словно крупа. Мелкие, с блестящими боками, рыбешки застекленело смотрели в небо, и я вспомнила Алису, ее серые глаза и откинутую назад руку, будто она пыталась схватить что-то из-за спины, но не успела.

Я шла к хижине, спрятанной среди ив. Ноги грузили в песке, на плечах оседала мелкими точками противная морось. До хижины было каких-то двадцать шагов, но я так устала, что с трудом переставляла ноги.

Гремело.

Ветвистые молнии путались в пухлых боках туч. И озеро гневало, накатывало на берег пенными оборками волн. Утаскивало мертвых рыбин в воду, взамен выбрасывая новых.

Пахло смертью. Кровью. Карамельным кеном. И чем ближе я подходила к хижине, тем

отчетливее становился запах.

Дверь оказалась сломанной — повисла на одной петле, накренилась, и оставляла борозды в мокром песке, когда я оттаскивала ее, чтобы втиснуться. Внутри хижины было темно и сыро. Из-под ног с тонким писком бросились во все стороны мыши. Под подошвами хрустело битое стекло. Пару раз я стукнулась ногой о что-то твердое и один раз споткнулась и чуть не полетела на пол.

Тогда меня схватили за руку. И хриплый голос Эрика шепнул в самое ухо:
— Беги!

Наверное, я побежала по инерции — жила все еще хранила его отпечаток, а жена должна слушаться мужа. При жизни у меня это не очень получалось, может, после его смерти смирения прибавилось. А может, я побежала не потому. Эрик никогда мне не врал, и сейчас в его голосе чувствовалась тревога. Страх за меня.

Потемнело резко. Небо спустилось ниже и, казалось, давило на плечи. По щекам хлестали ветви обступивших домик ив. Ноги путались, грузли в вязком песке.

Со всех сторон окружали тени. Тени шептались и шушукались, а еще, казалось, смеялись надо мной. Я бежала, не разбирая дороги, меня гнал страх, собравшись в районе солнечного сплетения тугим жгутом, побуждал уходить.

Только вот уходить было некуда. Тени окружали. И песок под их полупрозрачными ногами пропитывался кровью.

— Беги же, глупая, ну!

Я обернулась, но за спиной никого не было. И гроза проглотила слова Эрика, перемолола в грозные раскаты.

Я не боюсь. И не побегу больше! Устала бегать от теней, и призрачными мирами меня больше не запугать.

— Зачем ты снишься мне? — прошептала в темноту, и небо недовольно заворчало на неуютный вопрос. — Зачем приходишь?

Ведь я пытаюсь жить. Стараюсь изо всех сил выгнать холод, которым напитывают эти сны.

— Он должен был убить тебя, — шепнули мне в ухо, но на этот раз это не был голос Эрика.

Женщина. Тихий, опьяняющий тембр, насмешка в каждом слове и уверенность в победе. Я слишком хорошо ее знаю, чтобы с кем-то спутать!

Обернулась и тут же отступила на шаг. Не от страха, по инерции. Во всяком случае, я убедилась, что больше не стану ее бояться.

— Ты мертва! — выплюнула ей в лицо, на всякий случай пряча руки за спиной.

— А ты — жива, что ли? — усмехнулась Герда. — Зачем пришла? Здесь он мой.

— Неправда, — выдохнула я, глотая ком в горле, и тени зашептались активнее, приближаясь к нам, окончательно беря в кольцо.

— Он мой, — повторила она, становясь серьезной. — И его. — Она указала рукой в сторону хижины, и я замерла, проследив за ее взглядом...

Эрик был один. Стоял на коленях перед Хауком, опустив голову, и не шевелился. А яркие щупальца извивались над его головой.

Я рванулась к нему и тут же упала. Тени метнулись, опутали ноги, руки, накрыли лицо, и я провалилась...

...Выползть из кровати было тяжело. Лениво. Хотелось прижаться к Владу и лежать до

утра, слушая спокойное дыхание и ритмичный пульс. Смотреть, как в фазе быстрого сна дрожат его ресницы и двигаются веки. Вдыхать запах весны из приоткрытого окна. Гнать тени подальше, говорить себе, что это только сон, что ничего плохого не произошло.

Только вот это неправда. Я пророчица и привыкла доверять собственному дару. Сейчас он говорил мне, что Эрик в беде. Где-то там, куда мне не попасть, откуда его не вытащить.

Кофе монотонно капал в чашку, за окном медленно, неохотно просыпался мир. Первые солнечные лучи показались из-за горизонта, поползли по влажным от утреннего тумана крышам.

Я вышла на балкон, завернувшись в плюшевый плед, прислонилась к перилам, обняла чашку двумя руками. Наверное, сейчас мне должно быть хорошо. Легко. И воздух обязан казаться вкусным.

Не спорю, ночью я освободилась. Вспыхнула изнутри, откликаясь на чужое тепло. Пробудила себя прежнюю, и прежние эмоции проснулись тоже. Кому я вру, я все еще восхищаюсь этим человеком — его волей к жизни, его силой, стойкостью. Целеустремленностью. Тем, что несмотря ни на что, он все еще рядом со мной.

И я рядом. После этой ночи многое между нами поменяется, и это было бы, бесспорно, к лучшему, но...

Эрик в беде.

— И ты можешь помочь.

Гуди выглядел умиротворенным, счастливым даже — его лицо сияло в рассветных лучах, хоть кино снимай. Я не впечатлилась. Наверное, потому что не ожидала его увидеть и от неожиданности расплескала кофе и обожглась.

— Эффектные появления — явно твой конек, — проворчала я, ставя чашку на низкий столик у дивана. — Только я не могу. Ты сам сказал.

Гуди покачал головой.

— Я сказал, что он не вернется, а не что ты помочь не можешь.

— То есть... как?

Слова куда-то подевались. Как и мысли. Все, что я могла — смотреть на Гуди, не моргая, и издавать нечленораздельные звуки. Я могу помочь Эрику? И если могу, то почему Первый молчал в нашу последнюю встречу?!

— Ты сольвейг, и можешь кое-что.

— Найти его...

— И это тоже.

— Но я везде искала! Убивала, нашла Альрика, писала в дурацкой книге. И никто, даже сам Арендрейт, не сказал, где Эрик!

— Зачем, если ты и так знаешь? — усмехнулся Гуди.

— Я не знаю! И хватит говорить загадками! От вашей древней таинственности меня уже тошнит.

— Он там, где ты его оставила. Там, где оставляешь каждое утро.

— В моих снах?

Гуди кивнул. Уголки его губ растянулись в улыбке, но глаза оставались грустными.

— Это его мир. Тюрьма, в которую он запер себя, и лишь сольвейг может попасть туда.

— Мир искупления...

Перед глазами поплыло, рассветное утро растеклось пятнами, ноги дрогнули, и я схватилась за перила, чтобы не упасть.

Он там один. Совсем один. И все эти тени — его демоны, отголоски прошлого, за которое он, бесспорно, себя винил. Раскаивался.

Хотел наказать?

Но если это его мир, то я могу туда попасть! Я уже была у Тана и у Альрика, значит, и к Эрику попаду. Нужно лишь найти жреца, нужно...

— Не получится, — прервал мои мысли Гуди. — Эрик поставил защиту. — И добавил, прищурившись: — От живых.

— Не хотел, чтобы я его нашла, — догадалась я.

Диван оказался близко как нельзя кстати. Мягкий, с высокой спинкой, на которую можно было примостить налившийся тяжестью затылок.

Эрик хотел спрятаться от меня. После смерти, чтобы я не искала... Чтобы отпустила. Жила.

А он уж как-нибудь сам, ведь он всегда умел сам... до меня. И я бы отпустила, наверное. Однако сны. И тени. Герда, смеющаяся в лицо. Пусть ненастоящая, выдуманная, как и Хаук.

Выдуманная ли боль? А одиночество? Холод, который подбирается к ногам, поднимается вверх, опутывает грудь ледяными оковами.

Из мира искупления не выбратья одному.

— Что же мне делать? — спросила я, не обращаясь к Гуди, но он с ответом не спешил — медлил. Показалось, ответ дался ему нелегко.

— Ты вправе решать, Полина.

Выбор.

Судьба. И предсказания, которые всегда сбываются. Ведь не зря существует та книга. Барт верил, что мне суждено выбирать, но знал ли он, что выбирать будет так непросто?

Влад прав, я люблю жизнь. Несмотря ни на что. Смогу ли? Сумею ли... и если да, то не буду ли жалеть?

Гуди ушел, а я еще долго стояла на балконе, глядя на город, умытый солнцем. На запруженные дороги, на пешеходов, спешащих по делам. На мой мир, который придется оставить, если решусь.

За спиной, в квартире с современным ремонтом, на широкой кровати спал мужчина, которого я любила. И впервые он был таким, каким я хотела его видеть всегда.

Эрик ушел, оставил меня. Влад не оставил бы никогда. Но пока я скади, мертвец будет управлять мной. Этот мертвец Эриком не был. Он не имел отношения к тому, кого я любила. Бесплотный дух, ниспосланный, чтобы меня мучить.

Только в этом ли дело? Наверное, нет. Иначе я бы не сомневалась.

— Давно не спишь?

В объятиях тепло и уютно, хочется жмуриться и улыбаться. Обнимать в ответ. Руки сами тянутся к щеке — погладить, ощутить колкость утренней щетины.

Мы снова мы. Полина и Влад. Другие декорации, суть та же. Не оттого ли мне кажется что я там, где должна быть?

Или только кажется?

— С рассветом, — улыбнулась я. — Отвыкла валяться.

— И кофе уже попила. Без меня.

— Кофе приятно пить в одиночестве.

— Хорошо, что больше тебе это не грозит, — уверил он и поцеловал меня в макушку.

— Хорошо, — согласилась я.

Ведь это действительно замечательно, когда ты не один.

Глава 23. Еще одно безумство

Один шляпник однажды сказал, что безумцы всех умней.

Наверное, так и есть. Во всяком случае, мне хотелось в это верить.

Лара всегда утверждала, что я чокнутая, но Роберт смотрел на меня так впервые.

Молчал. Тербил рукава свитера, отчего его ладони были едва видны. Странно, что сам он смуглый, а ладони светлые.

— Ты не шутишь, — констатировал он, наконец. И глаза отвел, будто смотреть на меня вдруг стало невыносимо сложно. Скрывать жалость, осуждение и еще много эмоций, не столь значимых сейчас.

Впервые мне было плевать на жалость. Я знала, на что иду.

— Не шучу.

— Ты понимаешь, что возврата назад не будет? Что ты никогда больше...

Не стану скади. Не почувствую их, не соединюсь с племенем у очага. Не смогу ощутить единство.

— Понимаю.

— И Алан...

— Не воспринимает меня как мать. У Даши с ним получается гораздо лучше.

Роберт вздохнул, отошел к окну. По прямой спине мало что можно было прочесть. И по задумчивому профилю. По сжатым губам и взгляду, устремленному в окно.

Я думала, что буду делать, если он сейчас откажет. Если отвернется, отмахнется, мол мне нужно время на раздумья. Пойдет к Даше.

Если выдаст, Даша тут же расскажет Владу. И у меня ничего не выйдет. Он прогнет меня, убедит, и я отступлю. Я уже сейчас готова — отречься от собственных слов, сказать, что пошутила, бежать подальше от опасной просьбы.

— Хорошо, — сказал, наконец, Роб и повернулся ко мне. — Будет непросто, но я это сделаю. Когда?

— Сегодня. Сейчас.

Иначе передумаю.

Страшно. Действительно страшно, и страх этот, холодный, липнет к груди, расплзается по коже. Я и подумать не могла, что однажды у меня возникнет мысль... Нет, раньше они были, конечно. Когда казалось, не осталось цели идти дальше. Но сейчас-то все по-другому. Есть масса того, ради чего стоит жить. И боль вроде бы утихла, отпустила.

А потом ушли бы и сны. Метка Эрика не останется на моей жиле вечно.

Город отдавался весне. Раскинулся улицами, прикрылся крышами домов, призывно покачивал ветвями деверьев с набухшими уже, готовыми лопнуть почками. От города пахло свежей зеленью, влажным асфальтом и кофе.

Я впитывала этот запах, стараясь насладиться, запомнить каждую составляющую, каждый аккорд пронзительного аромата.

У источника скади было уютно. Земля, казалось, дышала кеном предков, делилась теплом и вниманием. Успокаивала. И в саду, под нависшими ветвями сонных деревьев я дала волю собственной слабости.

Камни на могиле твердые и холодные. От прикосновений к ним покалывает пальцы и

щемит в груди, а горло дерет подступившими слезами. Я впервые здесь со дня похорон, и это действительно странно. Не похоже на скорбящую вдову. А еще я не ношу черного и не соблюдаю траур.

Амулет снимать не хочется, но, по сути, мне он больше не нужен. Не понадобится там, где я буду. Там не действуют никакие виды защиты, так что придется самой.

— Привет, родной...

Опускаюсь на колени, упираясь ладонью в твердую землю могилы. Амулет сверкает в лучах теплого апрельского солнца и рад, что его сюда принесли. Вернули владельцу. Во всяком случае, мне так кажется.

— Потерпи немного, — шепчу, закрыв глаза и из последних сил стараюсь не разреветься. И понимаю именно здесь и сейчас: я приняла верное решение. — Совсем чуть-чуть осталось...

Осталось действительно чуть-чуть.

Нож скользит по ладоням, выпуская кровь. Я сижу в круге. Вернулась в начало пути.

Это было давно.

Лес. Ночь. Посвящение в атли. Клятва глубинным кеном, от которой я отрекаюсь сегодня. И это единственное правильное решение из принятых мной за последнее время.

Жила противится, выпускает белую ярость. Сегодня она мне не нужна, и я глушу ее воспоминаниями. Светлая прядь, выбившаяся из хвоста, падает Эрику на лоб. Он хмурится, глядя в экран ноутбука. Вчитывается в строки длинного документа. Еще один образ: он смотрит на меня, и внутри клокочет, стучит. Внутри горячо, и грудь распирает от нежности.

Ритуальный круг защищает меня в последний раз.

Роберт тихо читает заклинание, и его голос кажется грустным, но грусть не отравляет. Придает сил. Сердце стучит все сильнее в предвкушении. Мне хорошо — впервые за последнее время. Кен в жиле кажется обузой, и я отрекаюсь от него без сожалений. Он выходит с кровью, и от этого горят и плавятся вены. Мне все равно. Мыслями я уже не здесь.

Кен — единственное, что у меня осталось, и я обменяла его на мечту.

— У тебя есть сутки, Полина, — сказал Роберт, обтирая нож светлой тканью. На нем все еще были остатки моего кена, остальной ушел на жертву. Я лежала на полу и смотрела в белый в трещинах потолок. — Успеешь?

— Да, — выдохнула я, и голос показался мне чужим. — У меня не так много дел.

За сутки можно успеть многое.

Например, выспаться, вымыть квартиру, приготовить еды на неделю и выгладить белье.

Прокатиться на воздушном шаре и отужинать в тихом ресторанчике у реки, а затем ночь напролет гулять по городу, наслаждаясь весенними запахами, огнями витрин и тихим смехом обнимающихся парочек.

Можно поплавать на параходе.

Прыгнуть с парашютом.

Посмотреть двенадцать фильмов, укрывшись пледом и обняв банку с мороженым...

Пропощаться со всеми, кого любишь.

Когда закончился ритуал, уже стемнело. На город обрушилась ночь — прохладная, темная, она слепила огнями встречных машин и отблескивала покрытыми тонкой коркой льда лужами. Мрачное графитовое небо без единой звезды нависало куполом.

Меня провожал мрачный мой, необъятный мир. Он смотрел в меня тысячами огней, оседал на душе чувством вины, которое сегодня, как никогда, было неправильным.

Находясь у черты, я поняла, насколько сложна жизнь. Здесь все так остро, так глубоко и переживательно. Так нестабильно. Чтобы выжить, нужно постоянно бороться. Стоять, когда тебя пытаются сбить с ног. Быть начеку с каждым, кто говорит о доверии.

Нужно уметь принимать боль и ценить радость, как награду за слезы, а редкие крохи счастья хранить недоступными чужим глазам, чтобы никто не позавиловал, никто не отнял.

У меня так было. До сегодня.

Дом скади дышал тяжело. Прерывисто. Ветви клена царапали когтистыми ветвями крышу крыльца. Скользили под кроссовками влажные от мороси ступени, а перила холодили пальцы и мочили бинты на ладонях.

Роб молчал. Шел на шаг впереди, сутулился и делал вид, что меня нет. Наверное, это и правильно, я ведь уже не была скади.

И хищной не была.

Была никем. Во всяком случае, в этом мире.

Ничего, меня ждет другой. Опасный, переменчивый, туманный. Придуманый Эриком мир. Примет ли он меня или вытолкнет, как чужеродное тело, как лишнюю часть мозаики?

Нет, я не дам себя прогнать. Не для того я пожертвовала всем, что у меня есть.

Даша ждала нас в гостинной. Радостная, воздушная, с сияющими глазами. Одета в полупрозрачную голубую тунику, Она взяла меня за руки и... застыла. Улыбка медленно, словно густой мед, стекала с ее лица, окрашивая его тревогой. Непониманием. Страхом.

— Ты... — выдох вырвался со свистом, и Даша отступила от меня, как от прокаженной. Моргнула, будто пыталась проснуться, сбросить наваждение. Не вышло. Случившееся наваждением не было. — Зачем?!

— Я нужна ему, — ответила я спокойно.

— Но Алан... и мы... и... вообще...

Она присела на диван и уперлась ладонями в подлокотник, будто старалась удержаться в реальности.

— Алан привязан к тебе больше, чем ко мне, Даша. Эрик всегда говорил, что наследника скади суждено воспитать тебе. Он был прав.

— Но ты ведь...

...умрешь.

Это слово замерло у нее на губах, застыло инеем.

Даша не понимала, что смерти я больше не боялась.

— Справлюсь.

На лестнице я столкнулась с Ларой, и защитница отшатнулась от меня, как от отреченной. В каком-то смысле так и было. Странно, но меня больше не трогали ничьи косые взгляды. Я была свободна. Легка. И шла к своей цели. Только решившись на отчаянный поступок, ты навсегда прощаешься со страхом перед ним.

Алан делал аппликацию в детской. Нахмурившись, мазал клочок цветной бумаги клеем и лепил его на лист. Получалось ярко-синее небо с обрывками белых облаков. Небо плавно опускалось в закатное море, и волны лизали его размытый край.

— Красиво, — восхитилась я и присела рядом с сыном.

— Папа на небе, — сообщил он очень серьезно и ткнул пальчиком в большое пухлое облако над горизонтом. — Теперь у него есть мягкая подушка.

— Ты очень заботливый сын.

Грудь сдавило запоздалым сожалением. Глубокой грустью. Мне не хотелось прощаться,

отпускать его. Уходить. Скорее всего, он не поймет. Обозлится, как Эрик когда-то обозлился на мать. Будет страдать.

Но, в отличие от Эрика, у него рядом будут близкие, которые всегда поддержат. И если честно признаться, не вышло из меня путевой мамы...

Я долго сидела у детской кровати и держала его за руку. Смотрела, как он спит и думала... О чем-то думала, наверное. Не помню. Помню темно-синие занавески, перетянутые бантами. Машинку без колеса у ножки комода. Плюшевого медведя на софе в углу.

Жарко было. Жгло в груди, першило в горле, и оттого, наверное, слезы катились — крупные, горячие.

В коридоре отпустило. Стена, к которой я прислонилась, холодила лопатки, и дышалось легче. Слезы высохли, только глаза горели и щеки. И руки тряслись — скорее всего, от усталости.

— Я говорила, что ты чокнутая?

Лара подошла бесшумно, как кошка. Встала рядом и подняла глаза к потолку. Я молчала и, наверное, поэтому она пояснила:

— Роб мне сказал.

— Будто тебе не радостно, — ответила я и отвернулась. Говорить с ней сейчас хотелось меньше всего. И еще меньше хотелось, чтобы она видела меня слабой.

— Чему я должна радоваться?

Я пожала плечами.

— Ты никогда меня не любила.

— Я тебя ненавидела. — Она вздохнула. — И сейчас ненавижу. То, что ты делаешь... У тебя было все! Ты не ценила никогда. И сейчас — ты хоть понимаешь, что ты делаешь сейчас?

— С собой? — усмехнулась я и посмотрела на нее. Раскрасневшуюся, яростную. Живую. Настоящую Лару, которую редко увидишь такой. — Или с ним?

— Ты меня мало волнуешь.

Взмах ресниц, запрошенная за ухо прядь. Всегда правильная и ослепительная, сейчас Лара старалась не выглядеть потерянной и несчастной. Выходило не очень. За масками, которые мы надеваем, всегда скрываются живые люди — уязвимые и слабые. Маски, как панцирь, защищают нас от ударов судьбы.

— Я не обязана быть с ним лишь потому, что ты так сказала.

— Он любил тебя. Всегда.

Гнев защитницы медленно оседал и впитывался в ворс ковролина.

— Как и я его.

— Тогда почему уходишь?

— Эрик — мой муж. Я вышла за него не от безысходности и одиночества — сольвейги всегда в чем-то одиноки. Мы — единое, как бы пафосно это ни звучало. И со дня венчания я не могу иначе.

— Никогда не понимала тебя, и сейчас не понимаю. Но если ты уверена, что так правильно... — Она повернулась и впервые в жизни посмотрела на меня, а не сквозь меня. Странное ощущение. Будто мне было дело до того, что она меня заметила. Пришла. Говорит. — Удачи, Полина.

И лишь потом я поняла, что Лара впервые в жизни назвала меня по имени.

Глава 24. Прощание

Прощания — утомительная вещь. Особенно, когда люди тебя жалеют. И я отчего-то медлила, стоя у подъезда знакомой пятиэтажки — дышала предрассветным, морозным еще воздухом и не решалась войти в подъезд.

Когда я пришла сюда впервые, была глупым, испуганным ребенком. Странно вспоминать это сейчас, прошлое кажется нереальным далеким и не моим. Только собака лает в отдалении, совсем как тогда, громко, надрывно. И летает, кружась и едва касаясь асфальта, выброшенный кем-то мимо урны полиэтиленовый пакет.

Пахнет сыростью и морозом. Щипает щеки, а изо рта вырывается рыхлый пар.

Зима все еще охотится ночью, покрывает изморозью свежую, нежно-зеленую траву, сковывает льдом лужи и студит завернутые в бинты ладони...

Тихо. Только издали слышится приглушенный гул машин.

Пора, сказала я себе и шагнула в полумрак подъезда. Еще в прошлом году тут перегорела лампочка на первом этаже, и ее так и не удосужились сменить. Я считала ступени, стараясь не думать, что буду делать, когда, наконец, приду. А потом долго стояла под дверью, пытаясь отдышаться, успокоить пульс и сбесившиеся мысли.

Пока не открылась дверь. Сама, без звонка, стука или какого-то иного предупреждения. Хозяин будто чувствовал, что я пришла. И замер на пороге, не решаясь впустить меня внутрь. А я не решалась войти.

Ощущение было странным. Непривычным. Будто смотришь в лицо опасности, но ощущаешь пустоту. Ни звоночка, ни тени страха или тревоги — вполне привычные чувства исчезли.

Андрей тоже понял. Прищурился. А потом недоверчиво выдавил:

— К...как?

— Ритуал очистки жилы, — честно призналась я. — Его проводят...

— Я знаю, зачем его проводят!

Я вздохнула.

— Впустишь? Кофе бы...

Кофе пах вкусно. Булочки были мягкими и пахли ванилью, что рождало сумбурные мысли — острые и неправильные. Поэтому булочки я есть не стала. И блюдо отодвинула подальше, чтобы не подвергаться соблазнам.

— И что теперь? — тихо спросил Андрей, расправляя складки на безупречно белой занавеске. Посмотрел на меня исподлобья и, наверное, в очередной раз убедился, что моя жила пуста. Теперь я не могла чувствовать подобных проверок.

— Теперь я найду Эрика.

Не могу не найти. Иначе все, что я делала последний год, было напрасным. И сны, и пророчество в книге, и встреча с Гуди.

Все. Даже смерть Хаука.

— Ты умрешь. И на факт, что найдешь его. Никто не знает, что происходит с теми, кто полностью лишился кена, Полина.

— Я знаю. Я — сольвейг, и могу бывать в мирах искупления. К Тану ходила несколько раз. А Эрик снится мне каждую ночь. Он там один, Андрей!

— Тогда почему ты не пошла к нему, как к Тану? Если можешь?

— Потому что он закрыл свой мир от живых. — Я опустила глаза и разгладила несуществующие складки на скатерти. Смахнула на пол одинокую крошку. — Чтобы не ходила...

— То есть Эрик этого не хотел, верно? — Андрей подался вперед, накрыл своей ладонью мою.

— Плевать, чего он там хотел! Он ушел. А я здесь, и мне решать, что делать дальше.

— Я запомню тебя именно такой — самоотверженной и смелой.

— Запомни, — улыбнулась я. — Я буду рада, если ты будешь обо мне вспоминать.

— Шутишь? Хищную, которая ворвалась в мою квартиру со скалкой, невозможно забыть, — рассмеялся он.

Кофе остыл. Утро плавно растеклось по квартире — солнечное, теплое. Весенний ветерок шевелил занавески, я сидела, откинувшись на спинку плетеного стула, а мне улыбался охотник, которого я знала, казалось, всю жизнь.

Прощания утомляют лишь в том случае, когда тебя не готовы отпустить.

Впереди меня ждало как раз такое — тягостное, депрессивное, сложное, и я копила силы, чтобы его пережить.

К атли я приехала к обеду. Отпустила таксиста у ворот, коснулась пальцами прохладных прутьев ограды. Набрала на сенсорной панели знакомый код. Толкнула подавшауюся калитку и вошла во двор.

Солнце уже высушило влажную от ночного тумана плитку, согрело рыхлую землю, сквозь которую пробивались нежно-зеленые побеги цветов. Пахло весной, влажной почвой и прелой листвой. Пели птицы в спутанных ветвях деревьев.

Дом медленно просыпался, отблески рассвета слепили широкие окна.

Влад будто ждал. Замер на середине лестницы. Улыбнулся — несмело, опасливо, будто улыбка могла меня спугнуть. И резанул по нервам тихим «Привет».

Я закрыла дверь и ждала, пока он спустится. А он, словно нарочно хотел помучить, приближался медленно, крадучись. И уже когда почти подошел ко мне, остановился и сказал:

— Хорошо, что пришла.

— Хорошо, — согласилась я. — Я пришла сказать спасибо.

— За что? — Прищурился подозрительно. И радость от встречи сменилась недоверием.

— За то, что помог. Был рядом. И вообще...

— Мне не нравится начало. Будет какое-то «но», да?

— Будет, — кивнула. И собрала остатки воли, чтобы выдержать взгляд — пронизывающий, резкий.

Осуждающий?

Раньше я боялась таких его взглядов. Раньше. Но не теперь. Теперь было просто тяжело. Больно. И жутко не хотелось ранить.

— Почему? — выдохнул он раздраженно. — Что снова не так?

— Влад, послушай...

— Нет! — перебил он яростно. — Я слушал тебя все это время. Ты делала, что считала правильным, и я не мешал. Хватит. Тебе нужно идти дальше. Иначе и правда не будет никакого будущего. Ни у одного из нас. Поэтому давай ты успокоишься, и мы попробуем снова. Осторожно, не торопясь. Я много прошу?

— Нет, — покачала я головой. — Не многого.

— Тогда что?!

— Я люблю Эрика.

Слова — острые, как нож — взрезали воздух между нами. И Влад выглядел так, будто ему дали пощечину.

— Извини...

— Эрик мертв, Полина, — сказал он тихо, но твердо. Сказал впервые, с Того Самого Дня. — Эрик мертв. А ты жива.

Верно, жива. Пока.

— Ты ведь знаешь, как ушла Божена, верно?

— При чем тут... Нет. — Он усмехнулся, нервно, недоверчиво. — Ты не сделаешь этого. Я не позволю.

— Я знала, что не позволишь, — согласилась я спокойно. — Потому и не сказала тебе до...

— До чего?

Влад оказался рядом так быстро, что я вздрогнула от неожиданности. И плечи мои сжал сильно, до боли.

Я молчала — мудрые слова застряли в глотке и решительно не хотели оттуда выдавливаться. Он смотрел на меня, в меня, обнажая душу, выворачивая ее наизнанку. Высверливая каждую крупичку горькой правды.

Для этой правды не нужны были слова.

Мне не нужны были — Влад буквально требовал.

— Что молчишь? Говори!

— Я не сказала тебе до того, как Роб провел ритуал. — И добавила уже тише: — Это мое решение. Я так хочу.

— Хочешь чего? Умереть?!

На секунду мне показалось, он меня ударит. Страшно не было, только усталость усилилась, давила на плечи. И я просто подумала о том, что скоро все закончится, и я увижу Эрика.

— Ты обещал помочь его найти. Теперь найду. Знаю, тебе тяжело понять, но... так нужно.

— Сколько у тебя времени?

— Сегодняшний день. До вечера. — Я вздохнула — Мне жаль.

— Нет, — мотнул он головой и отпустил меня. Гнев растаял, как снег на солнце. Испарился. На смену ему пришло разочарование. Влад больше не смотрел на меня. — Тебе не жаль.

Он отодвинул меня от двери и вышел, оставляя в пустынной тишине гостиной легкий шлейф разочарования. Отголоски его шагов звенели в застывшем моменте последней фразы, брошенной, как нож.

Ножи не ранят мертвых.

Наверное, это прозвучит странно, но у меня не было надежнее причала, чем этот дом. Всякий раз, когда было больно или плохо, или некуда было идти, он принимал меня — беглянку, отступницу, сумасбродку. Принимал и прощал.

Теперь тоже принял.

Послушно приминался под ногами высокий ворс ковров. Лили мягкий свет настенные

лампы. Тепло было. Уютно. Я трогала стены, касалась лакированных перил и вспоминала, как впервые попала сюда. Как меня ослепила роскошь, как угнетала классическая обстановка и бордовые тона. Я казалась себе здесь маленькой, незначительной. Не то, что теперь.

Теперь дом меня ждал. Принимал, как желанную гостью. Возможно, хотел сделать хозяйкой. И каждая комната гостеприимно распахивала двери, приглашала войти, остаться...

Моя спальня меня ждала больше остальных комнат. Аккуратно застеленная кровать, небрежно брошенные на покрывало подушки. Комод, уставленный фотографиями. Святая. Все еще тут — неизменно. Приоткрытая дверь балкона...

— Привет.

Глеб вошел неслышно. Или я настолько задумалась, погрузилась в знакомую атмосферу, что не услышала, как открылась дверь.

— В гости?

— Хочу открыть тебе тайну, — сказала я и усадила его на кровать. — О моем отце...

Рассказ о том, как появляются на свет сольвейги, Глеб выслушал спокойно. И выводы сделал сам, без посторонней помощи.

— Если вдруг... моего ребенка заберут?

— Нет, если ты не захочешь отдавать. Во всяком случае, я не знаю примеров, чтобы сольвейгов забирали насильно. Но ты должен понимать, что...

— Твоя история показательна, да. Но я бы все равно не отдал.

— Тебе решать, — кивнула я. — Но Дэн не Барт, он никогда не прятался и принимает этот мир таким, как есть. Думаю, он тебе поможет, если вдруг.

— Для этого у меня есть ты.

Я опустила глаза и поняла: разговор будет долгим.

Так и вышло.

Глеб понял не сразу. Сидел и смотрел на меня, будто старался выявить ложь, ждал, что я рассмеюсь и скажу, что пошутила. А потом выдохнул — громко, надрывно даже.

— Осуждаешь? — тихо спросила я.

— Нет. Просто... ты была всегда, была рядом, пусть иногда мы не виделись, но... умереть?

— Влад спросил о том же, — усмехнулась я.

— И он, черт возьми, прав!

— Эрик там один. Один, понимаешь? И ему не выбраться оттуда никогда.

— А с чего ты взяла, что сможешь ему выбраться? Откуда знаешь, что у тебя получится?

— Я не знаю. Но даже если не получится, ему не придется сидеть там в одиночестве, изводя себя внутренними демонами. Я буду рядом. Я спасу его.

— Иногда нужно перестать всех спасать, Полевая, — мрачно подытожил Глеб. — И жить, наконец, для себя.

— Эрик — не все.

Он вздохнул. Замолчал, и мне казалось, он подбирает слова, но Глеб так ничего и не сказал. Мы сидели с ним, держась за руки, почти до заката. Он о чем-то думал, а я отпечатывала в памяти драгоценные мгновения, проведенные с другом. Потом, когда уйду, я вытащу их на свет, и Глеб останется со мной навсегда.

Люди мало ценят время. Тратят его на ненужное — глупые обиды, бесполезные дела,

мелкие ссоры и зависть. Не понимая, что важнее всего не это, а ощущение единства и принадлежности чему-то большому. Семье. Племени. Миру.

Этот мир, несмотря на сложность и многогранность, невообразимо прекрасен. Жаль, что я поняла это только сейчас — когда настало время его покинуть. А может, так и должно быть?

— Иди, — сказал Глеб, наконец, выпуская мою руку. — У тебя не так много времени осталось, и это время мне не принадлежит. Не хочу красть его. — Он посмотрел на меня еще раз, но теперь раздражения больше не было. Тоска, наверное, или что-то иное, напоминающее тоску. Но Глеб сильный, справится. Оставляя этот мир, за него я переживать не стану. — Иди к нему. Он съест мозг себе и всем, кто в этом доме, если вы расстанетесь вот так.

— Не уверена, что он хочет меня видеть.

— Влад считает, что иногда нужно уметь плевать на то, чего человек хочет. И давать то, что ему нужно. А ты нужна ему.

Коридор. Несколько метров до заветной двери, и я даже не знаю, есть ли кто-то за ней. Что, если я открою ее, и меня встретит пустота? Что, если Глеб ошибся, и меня на самом деле никто там не ждет?

Вспотевшей ладонью берусь за ручку двери, тяну на себя...

Он стоит у окна и смотрит в окно на закатное небо — сегодня цвета особенно насыщенные, глубокие и яркие. На щелчок двери не реагирует никак, как и на мои мягкие шаги. Он неподвижен, пока я приближаюсь, и несколько мгновений после — когда становлюсь рядом и смотрю туда, куда смотрит он.

Алый горизонт расплескал персиковые брызги на полнеба, окрасил розовым животы облаков. И мне почему-то становится спокойно и легко. Просто приятно вот так стоять и смотреть на мир, на стекающее вниз солнце и наползающие сумерки. Дышать свежим воздухом из приоткрытого окна. Слушать чужое дыхание.

— Я не очень-то умею прощаться, — сказал Влад тихо, не поворачиваясь. — Мерзкое ощущение, а еще омерзительнее, что я не могу от него избавиться. С тобой так всегда.

— Теперь избавишься, — ответила я и взяла его за руку. Мне нужно было его коснуться, чтобы запомнить. Эгоистичное действие, и я решила, что сегодня имею на него право.

— Сомневаюсь, — поморщился Влад, но руку не отнял. Сжал мои пальцы крепко, будто если будет держать, не выпустит, то я не уйду, останусь здесь навсегда. — И как это будет?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Те, кто мог бы рассказать, давно мертвы.

— Удобно, — усмехнулся он криво, коснулся меня плечом.

— Могу я попросить тебя кое о чем?

Не то, что я думала, что он откажет, но... Было бы нечестно ставить перед фактом, особенно если учесть, что желания умирающих выполняются всегда.

— Неуместный вопрос, Полина. После всего, что было.

— Похорони меня рядом с другими атли. Несмотря ни на что, этот дом был моим больше, чем все те, в которых я жила.

— Обидно, что ты поняла это лишь теперь, — хмыкнул он. — Только не нужно дежурных спасибо, хорошо? Тошнит от этого.

— Тогда буду молчать, — покорно согласилась я.

Сердце билось гулко и медленно. Болело в груди, и плечи опускались от усталости.

Прилечь бы. Отдохнуть. Закрыть глаза — ненадолго, на секундочку только...

— Не смей вот так уходить!

Резкий голос выдернул из полудремы. Меня подхватили на руки, куда-то понесли...

Лежу. Мягко, и приятный полумрак ласково окутывает, укрывает. Мне тепло. Спокойно. И не болит уже, только бьется в жилке на лбу, а еще на запястьях, кажется. Не знаю. Тело слушается плохо, и темно в комнате. Только рядом кто-то дышит.

Кто?

— Не засыпай, слышишь? Не так. Не сейчас. Полина!

Да, помню. Я пророчица атли, и это мой дом. Я жила здесь, кажется...

Кто-то очень близкий, родной гладит по волосам. И мне хочется сказать ему, что все хорошо. Я же здесь, мне тепло. Я счастлива. Никогда на свете я не была настолько...

— Посмотри на меня.

Мне трудно открыть глаза, и я прикладываю массу усилий, чтобы держать их открытыми. Его лицо так близко, как тогда...

...На мне платье в крупный горох. И щеки горят от изучающего взгляда, от которого не скроешься. Взгляд скользит по телу, проникает под одежду, впитывается в кожу. Яд ползет по венам, опьяняет, отчего сердце трепещет, и дрожат руки.

У него красивое имя — Владислав.

И улыбка обворожительная. Он дарит мне ее и спрашивает:

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, — отвечаю полупшепотом.

Он еще раз опалает взглядом, и я вспыхиваю от макушки до самых пят.

— Надо же, — многозначительно замечает он, и я не понимаю, почему он удивлен. Но мне нравится и его удивление, и его интерес.

Ах, если бы он только ко мне прикоснулся...

Он не касался. Молчал. И смотрел по-другому, полузатравленно, полужло. В темноте черты лица стали нечеткими, и лишь глаза горели жадно, безумно даже.

— Прости, — выдавила из себя последнее стоящее — то, что хотела сказать давно.

— Глупая пророчица, — прошептал он мне на ухо. — У меня бы получилось. Я бы смог.

Наверное, смог бы. И я забыла бы, затерла желание помочь Эрику, освободить. Поддалась бы слабости быть просто счастливой. Здесь и сейчас. А потом однажды, глядя в глаза Алану, поняла бы, что совершила ошибку. Сорвалась. И, сорвавшись, разрушила бы все, что построила.

Поэтому все так, как есть.

Как на...

Глава 25. Те, кого он придумал

По лесу я шла долго — всю ночь, а может, больше. Небо было таким темным, а листва такой густой, что это не оставляло даже надежды на свет.

Тропа, правда, вела. Извивалась змеей, уводила то в одну сторону, то в другую. Мне казалось, ей нет конца, и лес этот бесконечен. Чем дальше я шла, тем мрачнее он становился.

Иногда я позволяла себе отдохнуть. Садилась прямо на землю, опиралась спиной о шершавую кору дубов, гладила пушистый мох и пыталась вспомнить, куда иду. Откуда. Зачем...

Память коварно отмалчивалась, образы ускользали, прятались в листве и кустах полупрозрачные тени. Тихо было. Неестественно тихо. Ни птичьих трелей, ни хруста веток, ни жужжания насекомых — вокруг лишь молчаливый лес и низкое небо, затянутое полотнищами серых туч.

Потому, когда я, наконец, вышла на пустынный пляж, и ноги утонули в прохладном песке, не верилось, что лес кончился, и я вижу озеро. Вода накрыла темной гладью землю, разлилась на много километров, замыкаясь горизонтом. Плечи обдало холодом, но ветра не было — буря притаилась на дне темного озера, запуталась в ветвях деревьев, сомкнувшись позади меня, залегла на песке.

Буря ждала.

Я ступала осторожно, боясь потревожить ее — мстительную и злоую.

Я шла к хижине неподалеку, что почти по окна погрузла в песке. Вокруг нее разрослась осока, старые ставни были распахнуты, и из хижины на меня смотрела чистая мгла.

Когда я была примерно в двадцати шагах от цели, громыхнуло. Сорвался ветер, взметая в воздух белый песок. По гладкой поверхности воды пошла крупная рябь. Небо вспороли острые копыта молний, и из небесных ран хлынула ледяная вода.

Я побежала. Упругая осока хлестала по коленям, струились по шее холодные струи. Одежда противно облепила тело, мешала двигаться.

Шаг. Еще один. Рука хватается за хлипкую ручку двери, дергает. Несколько ступеней вниз, крутой поворот. Внутри темно. Влажно. Воняет прелостью и гнилью, из-под ног бросаются врассыпную серые спины крыс.

Я достигла цели, но зачем шла к ней?

— Не нужно было приходить.

Голос из темноты глух и безэмоционален. От него несет бесысходностью, тоской и сыростью, и мне кажется, именно из-за него — из-за обладателя этого тусклого голоса — тут так неуютно.

— Тебе здесь не рады.

Опасно трещат над головой ненадежные балки перекрытий, и по телу ползет дрожь зарождающегося страха. Подстегивая его, неистово стучат распахнутые ставни, ветер врывается внутрь, вымораживает тело.

Вспомни, зачем ты здесь!

Обладатель жуткого голоса приближается. Я слышу, как хрустит стекло под подошвами его ботинок, как скрипят старые доски пола. И вот он подходит ко мне — высокий,

страшный. Длинные волосы спутались, облепили плечи светлой сетью. Сумасшедшие глаза сверкают безумием.

Вспомни, зачем ты здесь, сейчас же!

— Я промокла и замерзла. За дверью непогода. Гроза. Я пережду здесь и уйду.

Пожалуйста...

— Нет.

— Но...

— Нет. Уходи.

«Уходи... Я не готов тебя слушать».

Память выбрасывает на берег гальку образов прошлого и отступает волной. Но мне большего и не нужно. Достаточно и этого.

— Эрик?

Протягиваю руку, чтобы коснуться, чтобы проверить, действительно ли это он. Он шарахается от меня, как от чумной.

— Эрик, это я...

И резко жарко, тяжело в груди, перед глазами плывет от выступивших слез. Я смотрю на него и не верю.

Где он был все это время? Где я была?

— Тебе не надоело меня мучить? — зло интересуется он и тут же качает головой. —

Вижу, не надоело. Хорошо. Тогда уйду я.

Он обходит меня, даже не коснувшись рукавом, и ко мне возвращается холод. А через секунду я понимаю, что Эрик ушел, а я в доме не одна.

— Правильно, милый, — ласково соглашается женский голос, и тьма обступает меня, лижет колени. — Оставь ее нам.

Тут же вдыхаемый воздух ворвался в легкие огнем, живот резануло, и подогнулись колени. Я рухнула на пол, открывая и закрывая рот, как выброшенная из воды рыба. Пыталась кричать, звать Эрика, но из глотки вырывались лишь хрипы и тихие стоны.

Тени шептались, подползая поближе. За ними шла та, которой тут быть не могло. Она ненастоящая, сказала я себе, запихивая поглубже неконтролируемый страх. Это всего лишь воображение Эрика.

— Бедный маленький сольвейг. — Герда присела на корточки и погладила меня по щеке. Такая же красивая и здоровая, какой была, когда притворяясь Кирой. Она взяла меня за руку, провела ногтем по запястью. — Сейчас мы с тобой поиграем.

Внутренности разрывает от боли, слезы катятся из глаз, и сквозь их пелену я вижу, как тает крыша. Надо мною снова небо. Тучи, наполненные влагой. Угловатые царапины молний режут небеса по живому. Тени кружат вокруг, не смея приблизиться, взять. Тут все принадлежит ей — демону и моих кошмаров тоже.

Кен течет из моих ладоней, впитывается в ее сухую, истрескавшуюся кожу...

— Какая жадная девочка!

Надо мной нависает другая фигура. Худощавый мужчина в темном плаще. Лицо его прикрыто капюшоном, и я могу разглядеть лишь впалые щеки и тонкие губы, искривленные в усмешке. Он вырывает мою руку из цепкого захвата драугра и полосует запястья ножом. Больно. Боги, как больно.

— Эрик! — вырывается полустон-полукрик.

— Да-да, пусть он придет, — усмехается колдун — его ауру я различаю по темным,

маслянистым периливам, по сладкой патоке кена, которым он кормит меня через кровь. — Он ведь придет? Да, хорошая моя?

— Оставь ее, Ирвин, — раздается откуда-то голос Эрика. Я не вижу его, хотя и верчу головой. Ища поддержки, помощи. Спасения?

К черту! Я — сольвейг. И пришла сюда сама.

— Убирайся! — выкрикиваю, отталкивая очередной фантом. — И ты тоже. — Бью Герду прямо в грудь кеном из ладоней, и, вопреки логике, ее образ тает, шипят, отползая, тени. Хохочет колдун, а Эрик говорит грустно:

— Оставь, она ненастоящая.

Это я-то?

С трудом встаю, пытаюсь перебороть головокружение. Теплое и липкое стекает по ладони вниз, капает на песок и тут же затирается дождем. Моя кровь, а с кровью уходит кен...

Какой, к чертовой матери, кен?! Я же отдала его — весь, до последней капли. Отдала, чтобы попасть сюда. Чтобы помочь Эрику.

Значит, нет ничего? Иллюзия? И кровь тоже? А если так, то...

— Убирайся! — повторяю настойчиво и шагаю к колдуну. С удовольствием наблюдаю, как улыбка сползает с его лица, сменяясь... страхом?

Один Чернокнижник сказал однажды, что только сольвейг может влиять на миры искупления.

— Ты здесь нежеланный гость.

От моего взгляда колдун съежился, отступил. Его облепили тени — окружили, напоззли на стопы, вихрями взметнулись к коленям. Сковали по рукам и ногам, обхватили шею, не давая возможности шевелиться, дышать...

— Ты давно сдох! — выплонула я. — И здесь больше не появишься. Ясно?

Ирвин мотнул головой, будто пытаюсь отвязаться от теней, но они облепили его полностью, и в итоге он сам стал дымкой — темным, полупрозрачным маревом, рассеивающимся в воздухе... Пустотой.

— Хватит уже! — Я повернулась к озеру, где утопая стопами в песке, стоял мой муж.

— Тогда ты тоже уходи, — ответил он, не поворачиваясь.

— Мне некуда идти...

Ветер рванул притаившуюся осоку, хлопнул покосившейся дверью и прошуршал по крыше опадающей листвой. Заволновалось озеро, выплескивая пухлые пенные волны на берег.

Я сделала неуверенный шаг вперед. Еще один.

Мне бы только коснуться, обнять, а там я уже смогу убедить его. Расскажу, что это на самом деле я — настоящая, не фантом. А потом, когда он поверит...

— Ты умрешь в муках.

Он встал между мной и Эриком — высокий, по пояс обнаженный, и грудь его бугрилась белесыми шрамами. Лицо разделил багровый — от брови до подбородка. А из жилы вились светящиеся щупальца.

Еще один призрак. Последнее испытание. И мне бы ждать его, да только слишком рано я расслабилась.

Полыхнуло небо очередной молнией, а перед самым моим лицом пронеслась гибкая смертоносная лоза. Я инстинктивно попятилась, упала на песок, и меня пригвоздило к земле

оружием охотника.

— Прочь, — прохрипела я, стараясь вывернуться, уйти от боли, ползущей от живота вверх, к груди, к шее. Боль туманила мысли, клубилась едким дымом. И рвала, резала изнутри. Ввинчивалась в тело острым шурупом.

Боли нельзя было противиться, лишь принять.

Принимать я была не готова.

А потом она кончилась. Резко, как и накатила.

Охотник упал на песок, впечатываясь в линию берега правым боком. А в руках Эрика был зажат конец толстой, бугристой палки. А с другого конца капала в песок кровь — теперь уже кровь Первого охотника. Она обагрила его лоб и стекала по лицу, огибая уродливый шрам.

Эрика полностью подчинило безумие. Завертелись сизой воронкой тучи у него над головой. Ветер трепал спутанные пряди, созвездиями капле красовалась на щеках кровь Хаука. Его силуэт охватило голубое сияние, а взгляд... прозрачный лед, узкие зрачки, прищуренности век. Эрик смотрел в одну точку — чуть левее, чем лежала я. Мне показалось, он не хочет потерять меня из поля зрения. И в то же время не смеет смотреть в глаза.

Боится?

Хаук усмехнулся — злорадно и почти так же дико. Сплелись в воздухе две стихии, взвились в воздухе яркие плети щупалец, вспыхнул ореол силы Эрика...

Ну уж нет. Не снова. Я больше не буду смотреть, как ты умираешь, слышишь?!

Вспышка молнии. Фантомный кен из ладоней — так, что даже венам больно, и ноет жила или то, что когда-то было ею... Ослепило. И вышла в мир, выплеснулась так долго скрытая во мне белая ярость Барта.

...Когда я открыла глаза, было темно. Я лежала на чем-то твердом, влажная одежда противно облепила тело. Было холодно. И горло жгло отчего-то. Прогнувшимися балками нависал потолок, и с него мохнатыми гирляндами спускалась паутина.

— В последний раз, — сказал Эрик, глядя прямо на меня. Он стоял у окна, полуприсев на подоконник, и больше не выглядел сумасшедшим. Немного усталым, грязным и отчаявшимся, но все же это был мой Эрик. Определенно. — В последний раз я тебя спасаю.

— Пить хочу, — только и смогла выдавить я.

Он вздрогнул. Несколько секунд постоял в раздумьях, будто пытаюсь найти подвох в просьбе, а потом так же, не отводя взгляда, отошел в затемненный угол, а когда вынырнул из тьмы, в его руках был стакан. И вода оказалась невероятно вкусной, сладкой даже.

Эрик сидел и смотрел, как я пью. До самой последней капли не отрывал от меня взгляда. А когда я вернула ему стакан, улыбнулся. Горячо стало в груди. Тесно, будто кто-то отчаянно пытался оттуда вырваться и прожигал себе путь раскаленным железом.

— Ты ведь снова уйдешь... — Эрик ласково провел тыльной стороной ладони по моей щеке, стирая слезы и грязь. — Если бы ты могла остаться... Хоть раз. Ненадолго.

— Я останусь! — выдохнула я. — Здесь, навсегда. Ты больше не один.

— Да, ты говорила уже, — горько усмехнулся он. — Не раз говорила. А потом уходила — раз за разом.

— Не сегодня.

Сегодня все будет иначе.

Тело ломило, но я заставила себя подняться.

— Смотри, — сказала я, взяла его за руку и подвела к окну. На улице бушевала гроза.

Тяжелые капли стучали по стеклу, небо озарялось десятками кроваво-алых молний. Грохот заглушал слова и, чтобы Эрик хоть что-то услышал, приходилось кричать. — Просто посмотри, что я могу!

Я закрыла глаза и сосредоточилась.

Небо. Синее, с легкими перистыми облаками. Солнечный свет озаряет зеленую, ровную долину. А за ней гладким стеклом светится озеро. То самое, из моих снов. И я вдруг поняла: не хельза снилась мне все это время. Его мир. Моего мужчины, который запутался во тьме.

Из мира раскаяния масса выходов, сказал он мне однажды. Но ты не найдешь их в одиночку.

Теперь ты не один. Ты больше никогда не будешь один — ни в боли, ни в радости. Я буду рядом. Всегда. Возьму тебя за руку, и мы пойдем, куда скажешь. Буду следовать за тобой, как и подобает жене хищного. А ты — ты укажешь нам путь и выведешь на свет. А если нет, я дам тебе свет. Ибо без тебя меня нет. Никогда не было.

Я открыла глаза и улыбнулась. Тучи развеялись, а на персикового цвета небе огромным полукругом на горизонте сверкала радуга. Ее края опускались в озеро и проникали, казалось, на самое дно. Зеленый луг оканчивался песчаным пляжем, где медленно прогуливались чайки, выискивая себе еду.

Я повернула голову и посмотрела на Эрика.

— Как?! — только и смог спросить он. На удивленном лице скользило недоверие.

— Так могут сольвейги, — ответила я, сжимая безвольную ладонь. — Настоящие.

Слова кажутся ненужными сейчас, но он смотрит, ждет — объяснений, ответов, на которые у меня нет сил. Но он ждет... он так долго ждал, один, запертый здесь, и я невольно начинаю подбирать слова, чтобы рассказ вышел не путанным. Вспоминаю Божену и ритуал, запах Алана, когда целовала его перед сном. Дом атли, последний закат...

И совсем забываю про дар Эрика.

Вспоминаю лишь, когда он округляет глаза и недоверчиво качает головой.

— Что ты наделала?! Зачем... ты вообще...

— Я пришла к тебе. Ты мой муж, забыл?

— Ты была свободна... Глупая маленькая пророчица... Что же ты натворила?!

— Свободна?! — Я оттолкнула его, ударила кулаком в грудь. Само вышло. От слов его проснулась злость. — Ты действительно думаешь, что после того, как ты... я освободилась? Мне было больно! Я потерялась. Искала — себя, тебя, способы вернуть погибшего от щупалец охотника скади, ведь у вас с кеном все не слава богу! Я видела тебя — каждую чертову ночь! Мне снился пляж, и небо, и дождь. И комната эта темная, мрачная. Твоя спина, и ты ни разу, ни единожды ко мне не повернулся. Закрылся тут, будто если бы я пришла...

— Ты приходила. Каждый день. И каждый день один из этих... убивал тебя. Если я не вмешивался. Сначала я тебя спасал. Раз за разом. Ты улыбалась и уходила молча. А потом я перестал спасать.

— До сегодня?

— До сегодня, — улыбнулся он. — Ты могла быть счастлива там.

— Но я решила быть здесь, с тобой.

— И это, безусловно, уже не исправишь...

У него теплое дыхание. И руки тоже теплые, что весьма кстати, так как моя кожа от холода покрылась противными пупырышками. И мне подумалось, что лучше уж так, ведь у

нас целый мир на двоих, и только мы здесь демиурги. До поры.

А дальше... никто не знает, что нас ждет дальше. И это правильно — не знать. Это то, чему меня научил мой дар.

— И что мы будем делать теперь? — тихо спросил Эрик, не размыкая объятий, пока над озером разгорался первый мой здешний закат.

И я с удивлением поняла, что улыбки бывают сладкими. У улыбок здесь карамельный вкус.

Дождь моросил со вчерашнего дня — мелкий, противный. Небо затянуло тучами, словно мутным пузырем, а в самом пузыре проделали дырочки, из которых сыпало ледяной водой.

Конец сентября, а уже так холодно. В этом году зима придет рано, надо полагать. Это хорошо. Защитник мне сейчас нужен, как никогда — на новый источник ушел почти весь кен, а в городе ходят слухи, что охотники с севера пожаловали, рыщут по улицам, прикидываются друзьями. Расспрашивают и уже наверняка выяснили много. Непозволительно много.

Скверно. Если их послал тот, о ком уже почти легенды ходят...

Завтра. Все завтра. Сегодня выспаться и отдохнуть. А потом найти, чем подпитаться.

Я вытащил чемоданы и захлопнул багажник. Подкатил их к стоявшей у крыльца женщине. Моей женщине. Пора бы уже привыкнуть.

— Боишься? — усмехнулся, обнимая ее за плечи.

— Немного, — честно призналась она.

— Ты уже атли. Да и с русским у тебя намного лучше, чем год назад. Справишься.

Она улыбнулась. Нервно, зажато. Совсем не так, как улыбалась в спальне. И как у скади, на диване, поджав ноги и глядя в никуда. Наверное, это меня в ней и задело.

Она умела молчать, слушать, а еще не лезла в душу. Никогда. Как и я к ней. Отличная основа для крепкого союза.

— Так странно, я уже привыкла к...

— Независимости?

— К ненужности, — поправила она.

— Мне кажется, к этому нельзя привыкнуть. В любом случае, сильные защитницы атли нужны всегда.

— Атли? — Она подняла на меня глаза, и мне привиделся в них укор. Притворный, естественно. Элен совершенно не умела обижаться.

— Мне ты нужна несколько в другом качестве.

В доме было шумно. Излишне шумно, я бы сказал. В последнее время от шума я отвык. И от суеты, от детских визгов, от громкого смеха и иных проявлений эмоций. Слишком долго жил один.

Ужин едва пережил — разболелась голова, и щеки ныли от притворных улыбок. И впервые за последнее время я пожалел, что принял в племя столько новых людей. Воины. Защитницы. Ищейки. Все сильные и талантливые, но... чужие. И атмосфера в доме совершенно другая — не то, что раньше. Впрочем, как раньше не будет никогда. В жизни все идет своим чередом.

Однако, толпа утомляла неимоверно. То ли я постарел, то ли люди мне попались на редкость шумные. Общительные. И каждый норовил выслужиться, продемонстрировать уникальность таланта. Будто бы я никогда не видел уникальности...

Прямая спина. Тонкие запястья со змеящимися по ним шрамами — отпечатками моих ошибок. Кисти ладонями наружу. И взгляд — прямой и дерзкий. Яростный. Она умела говорить с небом, и небо отвечало ей. Дождем ли, грохотом или острыми краями молний.

Тогда мне казалось, небо слышит и меня.

С того дня, как она ушла, оно перестало меня слушать.

Я стоял у окна, пока Элен распаковывала чемоданы. Аккуратно, будто боясь потревожить уклад моей спальни, сдвигала в сторону вещи с полок, ковырялась в комод. Аккуратным движением повесила полотенце на крючок в ванной. Ткнула зубную щетку в отверстие стакана.

И комната приняла ее — мягкую, податливую, гибкую. Наверное, однажды и я приму. Во всяком случае, я на это надеялся.

Дождь закончился, но небо все еще хмурилось, цеплялось за деревья днищами серых туч. И на заднем дворе качалась молодая ива — за несколько лет она выросла и окрепла. Гнула гибкие ветви к земле, будто пыталась дотянуться...

Я и сам пытался не раз. И сам себя одергивал.

Она. Так. Хотела.

Магические слова, против которых не придумали пассов и защитных заклинаний.

Легкая ладонь легла на плечо, шею обожгло поцелуем.

— Иди. Я же вижу, ты рвешься. — Элен сунула мне в руки букет, который мы купили в ларьке у заправки.

Я улыбнулся. И все-таки мне несказанно повезло с ней. Чем только заслужил...

Она провожала меня у окна. Я обернулся лишь раз — во дворе — и Элен помахала мне рукой. Наверное, она немного завидовала. Ей-то не дано сидеть у могилы. А ведь она могла, если бы согласилась на предложение Дашки. Но она отказала. И приняла мое, чем впервые меня удивила.

Разгулялся ветер. Льнула к земле бурая, жухлая трава. И ива гнулась, раскидав ветви, как тонкую паутину, осыпая желтую листву на округлый холмик.

Я положил букет ко множеству других — ее тут помнили до сих пор и таскали цветы. Я тоже таскал, хотя и не видел в этом смысла. Она все равно не узнает, а подношения эти — ритуалы для живых. К мертвым они никакого отношения не имеют.

Однако носили. Кто украдкой, кто в открытую, как Марго. Та так вообще подолгу сидит тут, уперевшись коленями в землю, и плачет. Будто от слез больше пользы, чем от этих цветов. Словно после смерти можно долюбить.

Глеб приходил и оставлял букеты молча. Всегда хмурился и не задерживался больше минуты.

Даша молчала, сложив руки за спиной.

Мне же хотелось орать. Выкопать тело, позвать колдуна, вернуть ее и снова прибить. Собственноручно. С тех пор я редко бывал в доме, чтобы не свихнуться. А потом Элен сказала, что ей и того не дано.

Злилась ли она когда-нибудь? Жалела ли о чем-то? Жалеет ли теперь?

Ручаюсь, ее загадки разгадывать будет интересно.

— Ну привет, — сказал я тихо, не надеясь, что покоящаяся здесь услышит. Туда, где она сейчас, не проникают звуки из кевейна. — Стоило оно того?

Я не ждал ответа, но ива снова качнулась и погладила меня веткой по плечу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net